РОБЕРТ МАРКЕМ

007

ПОЛКОВНИК СУН

Полковник Сун
Кингсли Эмис

Аннотация
Эмис Кингсли. Полковник Сун
I. Человек в темных очках
II. Спасение в лесу
III. По горячим следам
IV. Греческий вариант
V. Ночь полковника Суна
VI. Храм богини Афины
VII. «Под колпаком»
VIII. Военный совет
IX. «Альтаир»
X. Остров Дракона
XI. Смерть на воде
XII. Опасный дилетант
XIII. Взаперти
XIV. Палач Капудзоны
XV. «Следуйте, мистер Бонд»
XVI. Временный капитан
XVII. В море
XVIII. Когти дракона
XIX. Теория и практика пытки
XX. «Прощай, Джеймс»

XXI. Человек из Москвы

Аннотация

Похищен бессменный начальник Джеймса Бонда — М. Чтобы найти его, а также сорвать планы хитроумного китайского агента, Бонд готов пойти на все, даже пойти на сотрудничество с агентами ГРУ.

Эмис Кингсли
Полковник Сун

I. Человек в темных очках

Стоя на Новой площадке Саннингдэйлского гольф-клуба, Джеймс Бонд готовился отправить мяч в восемнадцатую, последнюю по счету, лунку со средних меток. Был солнечный день, один из тех, какие часто случаются в Англии в первых числах сентября. Он не был отмечен никакими происшествиями, и это обстоятельство доставляло Бонду особое удовольствие. Старую площадку с рассеянными по ней величественными дубами и соснами он находил обворожительно живописной, но Новая в силу своей аскетической простоты в большей степени отвечала его характеру — тут было меньше деревьев и больше неба, песчаную почву покрывали островки вереска и жидкого кустарника, и кроме того, это признавали все игроки, здесь была куда более сложная серия лунок. Бонд не без удовлетворения отметил, что потратил всего лишь четыре удара на известную своим коварством шестую лунку, где даже слегка подрезанный удар заводил игрока в непроходимые дебри кустарника и пропитанных влагой кочек. Двухсотпятидесятиярдовый прямой удар

ему удался. Этот удар потребовал от Бонда предельного усилия, которое, к его облегчению, не причинило ему ни малейшего беспокойства в области брюшины, куда прошлым летом угодила пуля из пистолета системы Деррингера.

Рядом, в ожидании, пока игравшая перед ними четверка перейдет к следующей лунке, стоял противник Бонда, а вне площадки — лучший его друг в Секретной службе, начальник штаба адмирала М. — Билл Тэннер. Утром, заметив темные круги под глазами Тэннера, его нездоровую бледность. Бонд воспользовался непривычно спокойной обстановкой, царившей в штабе, и уговорил друга прокатиться в этот окутанный сном уголок графства Саррей. Сперва они посетили ресторан «Скоттс», что на Ковентри-стрит, где заказали для начала по дюжине свежих уитстебльских устриц, затем перешли к холодной телятине с картофельным салатом, сопроводив все это бутылкой в меру охлажденного розового анжуйского. Такой гедонистический ленч был, вероятно, не самым лучшим прологом к партии в гольф. Но Бонд недавно узнал, что вся северная сторона улицы будет вскоре снесена, и поэтому в каждом своем посещении этих строгих, но таких уютных, отделанных дубовыми панелями комнат видел

маленькую победу над новым, ненавистным ему Лондоном Лондоном коробок из стекла и стали, Лондоном автомобильных развязок и подземных переходов, ни на миг не прекращающейся, безумной дроби пневматических молотков.

Последний из четверки, служитель площадки, с трудом доплелся до дерновой лужайки. Тэннер подошел к своей тележке с клюшками — они возили их сами, так как должны были обменяться кое-какой служебной информацией, — и вытащил из нее новый драйвер, который ему не терпелось испробовать вот уже несколько недель. Затем, со свойственной ему неторопливостью; он стал выбирать позицию для удара. Хотя ставка в этой партии была невелика — всего пять фунтов, расслабляться было не в правилах Билла Тэннера — именно эта черта характера и сделала его лучшим Вторым Номером в разведке.

Жарко светило солнце. В реденьких кустиках ежевики, среди молодых побегов рябины и серебристой березы, которые росли по левому краю площадки узкой полосой, жужжали насекомые. Бонд обвел взглядом худощавую, замершую в напряжении фигуру друга, лужайку, что виднелась в четверти мили, знаменитый старинный дуб возле восемнадцатой лунки на Старой пло-

щадке, неподвижный ряд припаркованных автомобилей. Годился ли он для такой жизни? Непринужденная партия в гольф с другом; затем, по давно заведенному распорядку, неспешное возвращение в Лондон (конечно, не по этой шумной автостраде № 4), легкий ужин в холостяцкой квартире, несколько раздач в пикет со вторым другом агентом 016 из отдела Би, приехавшим в десятидневный отпуск из Западного Берлина, и — в одиннадцать тридцать — постель. Само собой, это был куда более разумный и взрослый образ жизни, чем тот заполненный джином и транквилизаторами провал, в котором он оказался всего два года назад, до его кошмарной одиссеи в Японии и СССР. Ему следовало бы лишь поздравить себя с тем, что все же удалось тогда вырваться из этого порочного круга. И все же…

Со свистом секущего клинка драйвер Билла Тэннера разрубил неподвижный, разогретый воздух, и мяч, скрывшийся на миг из виду, вновь приобрел очертания и пролетел по изящной дуге. Этот красивый удар позволил Тэннеру переместиться значительно левее стайки шотландских сосен, которые не раз портили игрокам настроение в последний момент. Теперь, чтобы победить, ему лишь оставалось не уступить Бонду по коли-

честву ударов.

— Как мне ни жаль, но, похоже, что эти пять фунтов — твои, Билл.

— Да, придется тебе с ними расстаться. Занимая позицию для удара, Джеймс Бонд подумал, что есть и более тяжкие грехи, чем просто помирать со скуки: погрязнуть в благодушии, не стремиться быть первым, сойти с крута и не заметить этого.

Вдоль открытых окон клубной гостиной, в направлении площадки и обратно, неторопливо прохаживался человек в больших темных очках, за которыми было почти невозможно разглядеть его глаза. Ему было совсем не трудно узнать высокого мужчину, выбиравшего теперь удобную позицию для удара. В течение последних нескольких недель человек в темных очках накопил в этом деле достаточный опыт и мог узнать нужного ему человека и с большего расстояния, чем это. Теперь же настоятельная необходимость делала его зрение лишь острее.

Если бы кто-нибудь из членов клуба обратил на человека в темных очках внимание и решил предложить незнакомцу помощь, то в ответ бы ему вежливо сказали с едва заметным акцентом, который можно было принять за южноафриканский, что никакой помощи не требуется. Незна-

комец объяснил бы, что ожидает мистера Джона Доналда, который должен появиться с минуты на минуту, чтобы обсудить с ним возможность вступления в клуб. (На самом деле мистер Джон Доналд находился в Париже, что уже было установлено несколькими часами ранее при помощи двух искусно разыгранных телефонных звонков). Однако человеком в темных очках никто не заинтересовался. Его никто толком и не заметил. В этом не было ничего удивительного, потому что, пройдя долгий курс обучения, стоившего огромную сумму денег, он превосходно овладел высшим искусством — быть незаметным.

Человек пересек лужайку. Казалось, что внимание его привлекла великолепная клумба, на которой густыми рядами цвели какие-то ярко-красные цветы в горшках и ранние хризантемы. В его манере держаться отсутствовала скованность. На лице, обращенном к цветам, не отражалось никаких эмоций. Однако в мозгу одна за другой лихорадочно проносились мысли. Уже трижды назначалась сегодняшняя операция и всякий раз в последний момент откладывалась. Весь ее ход был четко расписан по датам, и дальнейшая отсрочка означала бы отмену всего плана. Он очень бы этому огорчился. Всем своим существом

он желал операции успеха, и не по каким-то непонятным ему идейным или политическим соображениям, а просто из профессионального самолюбия. В случае благоприятного исхода предпринимаемая сегодня акция увенчала бы собой беспрецедентную по своей дерзости преступную комбинацию, успех которой сулил ему быстрое продвижение по службе. В то время как провал…

Человек в темных очках поежился, словно подступавший вечер принес с собой минутную прохладу. Но он взял себя в руки и снова, как ни в чем не бывало, принял прежнюю позу. Не позволяя чувствам выйти из-под контроля, он размышлял о том бесспорном факте, что временные рамки, в которых ему приходится действовать, куда жестче, чем сроки, отпущенные на выполнение всей операции, к тому же появились реальные признаки того, что и сегодняшняя акция будет сорвана. События разворачивались уже с получасовым опозданием. Этот Бонд и его товарищ явно не торопились в богатом, аристократическом ресторане. Будет совсем скверно, если они еще просидят над напитками, поглощать которые в этот час такие люди, видимо, считают своим долгом.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять,

что два англичанина, окончив свою бесконечную партию гольфа, направляются теперь к зданию клуба. Человек в темных очках старался не терять их из виду, пока они, беззаботно смеясь, не вошли внутрь. Больше медлить было нельзя. Вот уже около получаса не смотрел он на часы, он я без них знал время с точностью до минуты.

Человек в темных очках прислушался. Было тихо, если не считать доносившихся обрывков разговоров, шума заработавшего на автостоянке мотора и гула реактивного самолета на горизонте. Где-то пробили часы. Незнакомец скупыми жестами изобразил разочарование человека, который не может больше ждать, и легкой походкой направился к выходу. Выйдя на дорогу, он снял очки и аккуратно положил их в карман своего светло-серого костюма. Его водянистые голубые глаза, которые странным образом сочетались с черными как смоль волосами, светились сдержанным азартом снайпера, ощутившего в своих руках оружие.

— Билл, тебе не кажется, что я начинаю сходить с круга? — задал вопрос Бонд, когда двадцать минут спустя они стояли в баре.

Билл Тэннер улыбнулся.

— Неужели два проигранных очка так на тебя

подействовали? — (На последней лужайке Бонд смазал простой четырехфутовый удар).

— Нет, я не об этом… Прежде всего, я совершенно не загружен. Что я сделал в этом году? Одна поездка в Штаты с миссией, скорее напоминающей визит вежливости, а после — июньский провал в Азии, от которого я до сих пор еще не отошел.

Отправляясь в Гонконг, Бонд получил задание проконтролировать переправку на Красный континент агента-китайца и кое-какого груза. Но накануне прибытия Бонда агент исчез и лишь два дня спустя был обнаружен в районе портовых трущоб с перерезанным горлом. Еще через три дня, памятных, главным образом, сокрушительным и затяжным тайфуном, операция была прекращена, а Бонд отозван.

— Ты не виноват в том, что наш представитель заболел еще до твоего прибытия, — сказал Тэннер, машинально переключившийся на особый жаргон, которым пользовались в разведке для разговоров при посторонних.

— Ты прав, — сказал Бонд, не отрывая взгляда от своего бокала с джином и тоником. — Меня больше беспокоит то, что все это меня начинает устраивать. Я даже был рад, когда не пришлось

прикладывать усилий. Раньше со мной такого не была.

— Брось. Физически ты выглядишь сейчас лучше, чем за многие годы нашего знакомства.

Бонд окинул взглядом скромно убранную комнату с удобными диванами, обтянутыми темно-синей кожей, на которых тут и там сидели прилично одетые люди — тихие и достойные, никогда в жизни не совершавшие насилия или предательства. Люди, которыми можно восхищаться; отчего же промелькнувшая мысль превратиться в одного из них показалась ему вдруг отвратительной?

— Перестать быть личностью — вот что страшно, — задумчиво проговорил Бонд. — Стать существом, над которым властвует привычка. С тех пор как я вернулся, три из четырех вторников я провел здесь: приезжал в одно и то же время, всегда с одними и теми же людьми, уезжал около половины седьмого, чтобы дома провести вечер, как две капли воды похожий на предыдущий. И думал, будто так и надо. Человек моей профессии не должен жить по расписанию. Ты это прекрасно знаешь.

Действительно, выполняя задание, секретный агент не должен следовать постоянному

жизненному распорядку, который позволил бы противнику предсказывать его шаги. Однако оценить пророческий смысл слов Бонда Билл Тэннер смог лишь позднее.

— Я не совсем тебя понимаю, Джеймс. Ведь это правило не распространяется на жизнь агента в Англии, — сказал Тэннер с иронией в голосе, тоже оказавшейся впоследствии пророческой.

— Я говорю вообще. Моя жизнь попала в накатанную колею. Необходимо найти способ вырваться из нее.

— Скажу тебе по собственному опыту: придет время, и все станет на свои места. Не нужно торопить события.

— Рок или что-то в этом духе?

— Называй как хочешь, — улыбнулся Тэннер. На мгновение в разговоре двух мужчин наступило странное молчание. Наконец Тэннер, взглянув на часы и допив бокал, прервал паузу:

— Ну что, кажется, тебе тоже пора?

Уже было согласившись. Бонд запротестовал.

— К черту. Если уж ломать заведенный порядок, то лучше начать прямо сейчас. — Он обернулся к официантке. — Дот, еще одну порцию.

— К М. не опоздаешь? — спросил Тэннер.

— Он может немного подождать. Все равно

раньше восьми пятнадцати он за ужин не садится, а по нынешним временам мне вполне будет достаточно и получаса в его компании.

— Понимаю тебя, — посочувствовал Тэннер. — Даже на службе я стараюсь общаться с шефом как можно реже. Все служебные переговоры мы ведем по внутренней связи, что лично меня вполне устраивает. Стоит мне сказать ему, что собирается дождь, как он тут же начинает орать, чтобы я не опекал его, словно заботливая старая клушка.

Манера шефа была скопирована очень точно, и Бонд от души рассмеялся, но тут же серьезно добавил:

— Его можно понять. Моряки терпеть не могут болеть.

Прошлой зимой у М. развился тяжелый кашель, который он наотрез отказался лечить, говоря, что все пройдет, стоит лишь установиться теплой погоде. Но весна и начало лета принесли не только тепло, но дожди и сырость, и кашель продолжал его мучить. Однажды в июле мисс Манипенни, секретарша М., войдя в кабинет с утренней сводкой донесений, застала адмирала распростертым на столе в полубессознательном положении, лицо его было серым, он задыхался. Не теряя ни секунды, она вызвала Бонда, находившегося у

себя в кабинете на пятом этаже, и тот вместе со штабным врачом, после бурного объяснения, почти насильно усадили М. в старый «роллс» и под конвоем доставили домой. Трех недель, проведенных в постели под заботливым присмотром бывшего главного судового старшины Хаммонда и его супруги, оказалось вполне достаточно, чтобы избавить М. от закупорки бронхов, но его характер — Бонд неоднократно убеждался в этом во время своих визитов — похоже, требовал более продолжительного лечения… С тех пор у Бонда вошло в привычку прерывать свои еженедельные возвращения из Саннингдэйла посещениями виллы Куортердек — небольшого красивого домика в стиле эпохи Регентства, расположенного на краю Виндзорского парка. Под предлогом обсуждения текущих дел Бонд зорко наблюдал за здоровьем М., не забывая при этом осведомляться у Хаммондов, выполняет ли старик предписания доктора, состоявшие в том, чтобы возможно больше отдыхать и, главное, отказаться от трубки и ежедневной пары черных ядовитых сигар. Нанося первый визит. Бонд внутренне приготовился к взрыву негодования адмирала, но М., поворчав некоторое время скорее по привычке, не замедлил принять эти знаки внимания. Бонд понимал,

что М. остро переживает свою временную отставку, тем более, что до полного выздоровления ему было разрешено заниматься делами всего три дня в неделю. (Заставить М. пойти на эту уступку доктору удалось лишь под угрозой отправки адмирала в круиз.)

— Почему бы нам не поехать к адмиралу вместе, — предложил Бонд. — Я бы отвез тебя потом в Лондон. Тэннер колебался.

— Спасибо, Джеймс, но я, кажется, не смогу. Должны позвонить из отдела Эл по весьма важному вопросу, и я хотел бы принять информацию лично.

— А для чего нужен дежурный офицер? Ты всю жизнь работаешь за двоих.

— Дело не только в этом. Я не поеду к М. в любом случае. От его дома у меня просто мороз по коже.

Через четверть часа, высадив друга на железнодорожной станции. Бонд свернул влево от шоссе Эй-30. Оставалось еще минут десять приятной, неторопливой езды в фешенебельном «бентли» по извилистым, узким дорогам, прежде чем они приведут его в Куортердек.

Человек, наблюдавший за Бондом днем, сидел в угнанном «форде» марки «Зефир», припаркованном так, чтобы не бросаться в глаза, ярдах в

пятидесяти от поворота. Теперь, включив передатчик фирмы «Хитачи», он произнес в него лишь одно слово. Другой человек, находившийся в четырех или пяти милях от него, так же односложно подтвердил получение сигнала, выключил свой приемник и вместе с двумя своими сообщниками вышел из лесной чащи, где они провели последние два часа, на исходную позицию.

Человек, сидевший в «форде», подождал еще несколько секунд. Он не любил делать лишних движений, даже в такие моменты, как сейчас, когда его организм был напряжен до предела. На завершение всей акции оставалось не больше пятидесяти минут. Любое, пусть даже самое незначительное промедление, теперь повлекло бы не просто ее отмену, а полный ее провал, так как операция, начало которой положил его радиосигнал, вступила в свою заключительную стадию. Задержки больше не будет, ей просто нет места, подсказывал ему опыт.

Выждав ровно минуту, — расчет показал, что именно этот промежуток времени позволяет преследовать «бентли», оставаясь незамеченным, — он завел мотор и направил «форд» к повороту.

Бонд пересек границу графства и оказался в

Беркшире. Его путь лежал среди беспорядочного нагромождения уродливых современных построек. Тут были и невзрачные коттеджи в псевдотюдоровском стиле, и бунгало, и двухэтажные коробки, бессмысленную пестроту которых лишь дополняли неизменные телевизионные антенны. Миновав Силвуд, Бонд вздохнул с облегчением — он больше не видел столь раздражавших его символов бюргерского благополучия. «Бентли» катил вниз по легкому уклону, который с обеих сторон обступали сосны. Вскоре слева показался благоухающий свежестью луг, лес справа стал гуще. Такие места будут дольше всего напоминать о том, какой некогда была Англия. И словно споря с его мыслями, впереди показался самолет марки «Трайдент», унося на курорты Испании, в волшебную португальскую провинцию Алгарви и в ставшее в последнее время модным Марокко самодовольных туристов. Но что толку сокрушаться о том, что бюргеры стали жить богаче. Лучше меньше думать об этом, а поразмыслить о том, как помочь адмиралу пережить испытание вынужденным бездействием. И еще — о вечерней партии в пикет. Поднять ставки и рисковать по крупному. А иначе не стоит и садиться. Позвонить в два-три места, а потом с

головой окунуться в ночной загул. Главное — вырваться из тисков повседневности.

Эти мысли проносились в сознании Бонда, пока он почти автоматически выполнял все те манипуляции, которые должен делать опытный водитель, не забывая, конечно, время от времени поглядывать в зеркало заднего вида. «Форд» не появился там ни разу. Да и появись он, Бонд едва ли придал бы этому факту какое-то значение. Он никогда не встречал его прежде, а потому не узнал бы водителя, даже если бы столкнулся с ним нос к носу. Однако вот уже шесть недель Бонд находился под плотным наблюдением и даже не подозревал об этом. Секретный агент, если он не выполняет задания за границей, как правило, не ожидает за собой слежки. К тому же следить за человеком, у которого есть определенный распорядок, постоянное жилище и место работы, не так трудно. Поэтому было совершенно излишне устанавливать пост наблюдения за квартирой Бонда неподалеку от Кингс — роду или следить за ним во время поездок в штаб на Риджентс — парк и обратно. Но люди, планировавшие операцию против Бонда, придавали ей первостепенное значение. Они получили щедрое финансовое обеспечение, давшее им возможность привлечь

огромное число агентов, чтобы постоянно менять людей, прежде чем отлаженная до автоматизма годами конспиративной работы система тревожного оповещения в подсознании Бонда среагирует на их присутствие.

Бонд пересек шоссе Виндзор — Бэгшот. Слева показались знакомые ориентиры — паб «Скуиррел», завод по разведению арабских лошадей, люрексовая фабрика (так всегда раздражавшая М.). Наконец, справа Бонд увидел скромные каменные ворота, ведущие в Куортердек, за ними — короткий автомобильный подъезд, посыпанный гравием и поддерживаемый в отличном состоянии, и сам дом, отделанный батским камнем и выкрашенный в зеленоватосерый цвет. Вечернее солнце освещало его, с трех сторон к дому сплошной стеной подступали сосны, буки, березки, молодые дубы. Старинная глициния опутывала изящный небольшой балкончик второго этажа, куда выходили окна спальни адмирала. Захлопнув дверцу автомобиля, Бонд подошел к невысокому портику. Ему пока шлось, что он заметил какое-то движение за окнами спальни: видимо, миссис Хаммонд занималась постелью адмирала.

Бонд позвонил в висевшую у входа медную

рынду, которая напоминала М. о днях его службы на флоте. Ответа не последовало. Лишь было слышно, как шелестят на ветру кроны деревьев. Наверное, подумал Бонд, миссис Хаммонд все еще занята наверху, а сам Хаммонд полез в погреб за бутылкой любимого алжирского вина М., метко прозванного им «Приводящее в бешенство». Дверь в Куортердеке никогда днем не запиралась. С легкостью она поддалась и теперь.

Каждый дом обладает присущим ему одному набором звуков, на которые, как правило, не обращаешь внимания. Это могут быть отдаленные голоса, шаги, звон посуды на кухне — словом, все то, что указывает на присутствие человека в доме. Едва Бонд переступил порог, как тренированный слух предупредил его о необычной тишине, царившей в доме. Тело моментально напряглось, он толкнул массивную, испанского черного дерева, дверь в кабинет, где М. всегда принимал посетителей.

Унылая пустота комнаты поразила Бонда. Вещи были аккуратно расставлены по своим обычным местам, на стенах безукоризненно ровными рядами висели гравюры с изображением моря, на столе возле окна, словно приготовленные для просмотра, были разложены акварели. Все

несло на себе отпечаток безжизненности, точно в музее, где мебель и вещи исторического деятеля сохраняются в том виде, в каком они были при его жизни.

Внезапно (Бонд даже не успел опомниться) дверь в столовую, слегка приоткрытая, широко распахнулась, и в проеме показался человек. Направив длинный ствол автоматического пистолета в ноги Бонда, он отчеканил.

— Ни с места. Бонд. И никаких резких движений. Иначе я открою огонь.

II. Спасение в лесу

За свою жизнь Джеймс Бонд десятки раз стоял под дулом пистолета и выслушивал угрозы, часто совершенно не зная, к чему готовиться. В таких ситуациях самый первый шаг к спасению состоит в том, чтобы принять предложенные правила игры и тем временем проанализировать всю доступную на данный момент информацию.

И сейчас, оставив на потом пустые догадки о намерениях противника и судьбе обитателей дома. Бонд сосредоточил все свое внимание на оружии нападавшего. «Люггер» 9-миллиметрового калибра спутать с чем-то иным было невозможно. Удар его пули, весящей приблизительно полунции и летящей со скоростью звука, поистине чудовищен. Бонд знал, что посланная с такого расстояния пуля, попади она даже в ногу, опрокинет его на пол, и он наверняка потеряет сознание. Выстрел в область колена, куда сейчас было нацелено оружие, превратил бы Бонда в пожизненного инвалида. Слов нет оружие профессионала.

У человека было узкое, худое лицо с едва за-

метной щелочкой рта. На нем был одет легкий темно-синий костюм, на ногах — отполированные до блеска ботинки. Внешне его можно было принять за подающего надежды младшего администратора в рекламном бюро или на телестудии. Однако Бонд отметил в его внешности лишь то, что незнакомец был одного с ним роста, но более легкого телосложения. Значит, если завяжется схватка, можно рассчитывать на победу. Больше тревожила немногословность и решительность, с которой говорил человек. Его деловой тон, в котором не было места ни дешевой патетике, ни напускному безразличию, свидетельствовал о том, что он умеет пользоваться пистолетом и, в случае необходимости, без колебаний им воспользуется.

Чтобы понять все это, Бонду понадобилось не более трех секунд. Но, прежде чем они успели иссякнуть, он услышал доносившийся с улицы рокот подъезжающего автомобиля. В сознании Бонда на мгновение зажегся огонек угасшей было надежды. Однако террорист, все время державший его на прицеле, даже не шелохнулся. Бонду стало ясно, что противник получил подкрепление. Ситуация, и без того складывавшаяся не в пользу Бонда, серьезно осложнилась. Вскоре

послышались торопливые шаги по гравиевой дорожке, и в холл вошел еще один террорист. Он, казалось, не обратил внимания на Бонда, который, тем не менее, заметил, что у вошедшего были странного, водянистоголубого цвета глаза. Мужчина пригладил рукой черные коротко остриженные волосы и достал из-за спины пистолет, аналогичный тому, какой был у узколицего. Затем, точно действуя по тщательно отработанному и заученному плану, он прошел в глубь холла и занял позицию у подножья лестницы.

— Наверх, медленно, — скомандовал узколицый своим жутким голосом.

Каким бы трудным ни оказался побег из комнаты первого этажа, пусть даже там находилась вооруженная охрана, с переносом действия на второй этаж он становился практически безнадежным — лестница непременно будет перекрыта охранником. Мгновенно оценив положение и решив не испытывать терпения террористов, Бонд сделал первый шаг. Когда он отошел от того места, где стоял, на три ярда, узколицый начал двигаться вслед за ним, сохраняя прежнюю дистанцию. Его помощник стоял в это время на лестнице, держа на уровне живота пистолет, нацеленный Бонду в ноги. Работали

они профессионально.

Бонд окинул взглядом холл. Все в нем: и сверкающие сосновыми панелями стены, и выполненный в масштабе 1/144 макет эсминца «Репалс», на котором когда-то служил М., и небрежно накинутое на старинную вешалку, давно вышедшее из моды длиннополое пальто адмирала — находилось в каком-то странном противоречии с происходящим. А ситуация складывалась скверная и отчаянная. Скверная, не в последнюю очередь, — потому что он был безоружен: находясь вне службы, да еще у себя на родине, британские агенты не носили оружия. Отчаянная — потому что угроза террористов искалечить его, или даже убить, свидетельствовала лишь о том, что ставки в этой игре исключительно велики. Не знать, какими могут оказаться эти ставки, было так же мучительно, как испытывать физическую жажду.

Бонд механически переставлял ноги по покрытым аксминстерским ковром ступенькам. Оба террориста — сзади и спереди — держали его на безопасном расстоянии. Несмотря на то, что оба они прекрасно знали свои обязанности, было видно, что им лишь отведена роль исполнителей. Бонд нисколько не сомневался, что через минуту

узнает, кто руководит их действиями.

— В комнату.

На этот раз приказывал черноволосый. Его сообщник по-прежнему оставался на лестнице. Переступив порог спальни адмирала, высокой, просторной комнаты с раздвинутыми парчевыми шторами, за которыми было выходящее на балкон окно, Бонд прямо перед собой увидел лицо М.

От ужаса у Бонда сдавило горло.

М. сидел на чиппендэйлском стуле с высокой спинкой возле кровати. Его плечи были опущены, словно он постарел сразу на десяток лет, руки, точно плети, болтались между колен. Минуту спустя, М. медленно поднял голову и неподвижно уставился на Бонда. В его глазах не было узнавания, их привычную холодную проницательность сменило выражение тупого безразличия. Из открытого рта М. вырвался нечленораздельный звук — ни то удивление, ни то вопрос, ни то предупреждение, а, может быть, все разом.

Адреналин вырабатывается двумя маленькими железами, расположенными в верхней части почек. В зависимости от обстоятельств, которые вызывают его выделение, и от индивидуального воздействия на организм адреналин называют

либо наркотиком страха, либо борьбы, либо бегства. И теперь, стоило Бонду увидеть шефа, как его железы рефлекторно включились в работу по перекачке своего продукта в кровь: дыхание его участилось; обогащенная кислородом кровь стимулировала деятельность сердца; сердце стало лучше снабжать мускулы кровью; подкожные сосуды во избежание больших потерь крови в случае ранения сузились. Даже волосы на голове у него слегка зашевелились, как в те далекие времена, когда шерсть первобытного предка человека вздыбливалась при опасности, придавая ему более грозный вид и устрашая противника. И пока Бонд стоял, в ужасе глядя на М., в нем, быть может, под воздействием адреналина, поднималась волна какого-то непонятного возбуждения. Он уже знал, что не сошел с круга, что в случае необходимости он вновь превратится в тот готовый без устали сражаться автомат, каким был всегда.

Раздался голос. В нем слышались уже знакомые Бонду деловые и лишенные эмоций интонации. Бесстрастный голос звучал резко, но без торопливости.

— Не беспокойтесь. Бонд. Вашему шефу не причинили никакого вреда. Он находится под

действием наркотика, лишившего его дееспособности. Когда действие наркотика прекратится, он снова станет самим собой. Сейчас вам тоже сделают инъекцию. В случае, если вы окажете сопротивление, мои помощники имеют приказ выстрелить вам в колено, что, как вы понимаете, не изменит вашей участи. Инъекция абсолютно безболезненна. Оставайтесь на месте и закатайте левый рукав.

Произнесший эти слова плотный мужчина был среднего роста, с бледным лицом и крючковатым носом, почти лысый, на первый взгляд столь же неприметной и невыразительной внешности, как и его подручные. Тем не менее, присмотревшись внимательнее, можно было заметить в его глазах одну странную особенность — несоразмерно большие веки. Мужчина, видимо, всегда помнил об этом, потому что во время разговора то и дело поднимал и опускал их. Эта его манера поднимать и опускать веки производила зловещее впечатление. Если бы сознание Бонда в тот момент было открыто различного рода ассоциациям, он непременно бы вспомнил героя книги Бьюкена «Тридцать девять ступенек», у которого были такие же ястребиные глаза и который был кумиром маленького Джеймса. Но сейчас мысли

Бонда носили куда более практический оттенок.

Он автоматически зафиксировал расположение своих противников: один из тех, что держали его под прицелом, стоял впереди; другой, прикрывая дверь, — где-то сзади; человек, обращавшийся к нему, стоял у окна; четвертый, по всей видимости, доктор, находился возле кровати со шприцем наготове. Этот, последний, в физическом отношении не представлял опасности.

Требовалось решить два вопроса, от которых. Бонд интуитивно осознавал это, зависела его жизнь. Во-первых, не было ли в обращенных к нему словах скрытого противоречия, которое бы позволило разгадать подлинные намерения террористов. Во-вторых, необходимо было вспомнить, в чем заключался секрет этих окон, — секрет, о котором знал он, и не знали террористы. Если бы только ему удалось вспомнить…

— У нас мало времени.

Веки властно опустились и поднялись вновь.

Бонд медлил.

— Ваше положение безнадежно. Даю вам пять секунд. Затем я прикажу открыть огонь, после чего вам будет сделана инъекция.

Секунды, отведенные ему для размышления, неумолимо таяли, но Бонд не замечал этого.

Прежде, чем его время вышло, он уже знал ответ на первый вопрос. Он нашел то противоречие, которое искал — человеку, лишенному дееспособности в результате страшного увечья, нет необходимости делать парализующий укол. Тогда с какой стати они так настойчиво говорят об инъекции, которая уже вызывает у них столько затруднений, в то время как было бы куда быстрее, надежнее и безопаснее применить оружие? Значит, он нужен им не просто беспомощным, а беспомощным и невредимым. Вероятность того, что угроза применить оружие была чистым блефом, казалась вполне обоснованной. Если же Бонд ошибся и не учел какие-то дополнительные факторы, о существовании которых не знал, то расплата будет чудовищной. Однако иного выхода не было.

Голос человека, производившего неумолимый отсчет, умолк, но Бонд не двигался. В наступившей тишине внезапно послышался голос адмирала, словно желавшего о чем-то предупредить. И тут…

— Взять.

Бонд не слышал, как к нему сзади подошел узколицый, а понял это только тогда, когда тот, схватив Бонда за руки, рванул его назад. Однако

прежде, чем узколицему удалось сделать захват. Бонд успел размахнуться и нанести нападавшему удар каблуком. Но едва он освободил одну руку, как ее тут же схватил черноволосый.

Завязавшаяся схватка — двое на одного — шла почти на равных. Радость от первой одержанной им победы, пусть и небольшой, прибавляла Бонду сил, кроме того, к нему вернулась прежняя его способность сражаться при любых обстоятельствах. Помогало и то, что Бонд мог наносить своим противникам такие удары, которыми те не имели права ему отвечать. Но бороться приходилось все же против двоих, причем, один обладал равными с ним физическими данными, а другой, хоть и был слабее, но умел с невероятной частотой наносить чувствительные удары по болевым точкам.

Уворачиваясь от удара локтем в пах, Бонд подал тело вперед. Но не успел он восстановить равновесие как десять пальцев стальной клешней сдавили нервный узел у основания его шеи. На мгновение ему показалось, что мускулы его плеч превратились в топкие ручейки ледяной жижи. Он еще раз попытался было ударить ногой, но теперь его ноги кто-то плотно обхватил и не выпускал. Бонд дернулся, стараясь вырвать-

ся, но оказался па полу. Он лежал лицом вниз. Один из террористов навалился всем телом на его плечи, другой крепко держал нижнюю часть тела, парализовав ее. Чтобы не расходовать силы понапрасну. Бонд ослабил напряжение мускулов, но его мозг ни на секунду не прекращал лихорадочно думать об окнах. Если бы он смог до них добраться…

— Укол.

Почувствовав приближение доктора, Бонд напрягся для решающего усилия. В следующее мгновение он продемонстрировал, как трудно двум, даже очень тренированным и решительным, мужчинам справиться с третьим, равным им по силе, если из их арсенала исключены по-настоящему жестокие и угрожающие жизни приемы. Он не потратил это мгновение даром. Пока его тело, взмокнув от пота, яростно боролось с единственной целью: любой ценой избежать укола, его мозг каким-то неимоверным отчаянным усилием вспомнил то, что он обязан был вспомнить. Окна, казавшиеся сейчас закрытыми, в действительности никогда не запирались. У них был сломан шпингалет. Когда на прошлой неделе Хаммонд попытался заговорить об их починке, М., верный своим независимым при-

вычкам, проворчал, что не позволит какому — ни будь плотнику — недотепе превратить комнату в бардак — ничего, еще пару недель шпингалет подождет, до ежегодного отпуска адмирала, который он имел обыкновение проводить на реке Тест за ловлей лосося. Значит, резкий удар в то место, где сходятся рамы…

То ли радость, охватившая Бонда от того, что ему удалось все же вспомнить этот обрывок разговора, который зафиксировался в его памяти совершенно автоматически, заставила его на секунду расслабиться; то ли один из противников предпринял добавочное усилие, но его запястье оказалось зажатым, словно в тиски, и в следующий миг он ощутил, как в левое предплечье вошла игла. Не дав волне отчаяния и ненависти захлестнуть его, Бонд задался вопросом, через какой промежуток времени наркотик начнет свое парализующее воздействие. Он расслабил мускулы и почувствовал, что хватка его противников, хоть и незначительно, но тоже ослабла. Он едва заметно пошевелился.

На какую-то тысячную долю секунды Бонд вырвался из цепких объятий. Этого ему оказалось вполне достаточно, чтобы, изогнувшись, освободить ноги и нанести страшный удар. Узколицый

взвыл. Из его разбитого носа потоком хлынула кровь. Он тяжело рухнул. Черноволосый попытался с размаха рубануть Бонда по шее, но было поздно. Локоть Бонда уже погрузился ему прямо в горло. Человек с падающими веками замахнулся ногой, но Бонд успел встать. Ничто теперь не преграждало его пути к окну. От резкого движения плеча оконные створки с готовностью распахнулись. Опершись рукой о низкую каменную балюстраду балкона. Бонд перепрыгнул через нее; не потеряв равновесия, он приземлился на четвереньки, выпрямился и бросился к ближайшим деревьям.

Он бежал с максимальной скоростью, на какую сейчас был только способен, и все же ему казалось, что сосны движутся ему навстречу недостаточно быстро. Лес стал гуще. Появились кусты ежевики и диких рододендронов, лишь затруднявшие движение. Самое главное — не упасть и не потерять скорости. Держаться. Но чего ради? Чтобы уйти от них. От кого? От тех, кто хотел его похитить. От человека с глазами ястреба. От человека, который захватил М. Адмирала необходимо спасти. Но как? Вернуться и вступить в борьбу? Нет. Нужно идти вперед. То есть спасти М., бросив его? Да. Но нужно идти

вперед. Куда? Прямо. Все время прямо. Сколько идти? Главное, идти…

Теперь Бонд и впрямь мало чем отличался от автомата. Вскоре он не помнил уже ничего, кроме того, что необходимо делать следующий шаг, и еще один, и еще. Когда сознание его совсем угасло, тело, не зная направления, еще продолжало бежать с прежней скоростью целую минуту. Потом оно замедлило ход и остановилось. Так оно простояло еще минуту, из искривленного судорогой рта хрипло вырывалось прерывистое дыхание, руки беспомощно висели по бокам. Глаза были открыты, но ничего не видели. Наконец, движимое каким-то сверхъестественным усилием потухшего сознания, тело Джеймса Бонда сделало еще десяток шагов и, упав, осталось лежать и высокой жесткой траве, почти незаметное с расстояния уже в пять-шесть ярдов.

Однако так близко к нему никто и не подходил. С самого начала погоня была обречена на провал. Когда узколицый, обливаясь кровью, перепрыгнул через балкон и добежал до угла, он успел лишь увидеть, как Бонд скрылся среди сосен. Прежде чем к нему подоспели его помощник и человек с падающими веками, явно не привыкший прыгать с балконов и поэтому вы-

нужденный спуститься по лестнице, прошло еще десять или двенадцать секунд. Если бы узколицый работал на организацию, где поощряется инициатива, то он без промедления бы бросился в лес и, определив по слуху направление, сумел без труда настичь беглеца. Но поскольку это было не так, Бонд вышел из пределов слышимости, прежде чем эти трое достигли первых деревьев. Они продолжали преследование в единственно возможном и потому правильном направлении, но недолго, ибо время работало против них. Вскоре человек, руководивший операцией, посмотрел на часы и дал сигнал к отходу.

— Назад.

Но прежде чем они повернули, главарь поднял свои тяжелые веки и задумчиво посмотрел на узколицего. Тот был бледен как смерть. Затем все трое направились к дому. Лишь случайность спасла Бонда в этот богатый случайностями день — если бы террористы прошли еще шестьдесят-семьдесят ярдов, то наткнулись бы именно на то место, где в беспамятстве лежало его распростертое тело.

Комната была невелика, но определить, что она из себя представляет и кто в ней находится, Бонд не мог, да и не видел в этом особого смысла.

Люди в комнате — двое или трое — снова заговорили, сначала один, потом другой. Какие-то серые перепутанные полосы с размытыми краями, висевшие у него перед глазами, заглушали их голоса. Те же полосы не позволяли разглядеть лица. Или эти серые полосы как раз для этого и висели? И что это были за полосы? Не все ли равно? Но что-то в его сознании: то ли какая-то книга, то ли человек, то ли тайна, то ли номер телефона — что-то, происшедшее очень и очень давно, за сотнями путаных троп и тысячами мучительных шагов, говорило, что сдаваться нельзя. Нужно пытаться. Хотеть пытаться. Пытаться хотеть пытаться. Хотеть пытаться…

Еще один человек, совсем рядом, приближает лицо. Что-то делает с глазом. Щупает запястье. Снова что-то делает с глазом. Недовольно ворчит. Обращается к тем двоим. Отходит. Снова возвращается. Делает что-то еще. Тянет, помогая встать. Что-то делает с пиджаком. Теперь с рубашкой. Легкая боль. Прошла. Пытается усадить.

— Что вы скажете, доктор?

— Ему вкололи лошадиную дозу наркотика, пока не могу сказать, какого. Возможно, это гиосцин. Я ввел средство, которое приведет его в чувство.

— Выходит, наркоман?

— Возможно. Но я не уверен. Скоро мы все узнаем. Где вы его нашли?

— Около получаса назад его привезла машина. Водитель сообщил, что нашел его, когда проходил мимо Грейт-парк. Мы сначала подумали, что он просто пьян.

— Да, внешне похоже. Этакое тихое пьянство. Лучшего средства удержать человека дома и не придумать. Но знаете, сержант, не нравится мне все это. Как, кстати, зовут вашего подопечного?

— Бонд, Джеймс Бонд. Адрес конторы лондонский, в районе Риджентспарк. Я позвонил туда на всякий случай, и там сказали, чтобы мы задержали его и не допускали к нему никого, кроме врача. Сказали, что высылают человека. Инспектор тоже скоро будет. Он уехал ровно за минуту до того, как привезли этого. Авария на трассе М-4. Кажется, беспокойная будет ночь.

— В самом деле… Ага, сейчас мы попробуем… мистер Бонд? Мистер Бонд, вы в полной безопасности, через несколько минут вы полностью придете в себя. Меня зовут доктор Эллисон, а это сержант Хэссет и констебль Рэгг. Они находятся здесь, чтобы охранять вас. Вы в полицейском участке, но вы ничего не совершили. Вам необхо-

димо немного отдохнуть.

Джеймс Бонд медленно поднял глаза. Тот серый клубок, который не давал ему видеть и слушать, рассеялся. Он увидел перед собой простое английское лицо с любопытным заостренным носом и темными добрыми глазами, полными участия и недоумения. В глубине комнаты стояли двое представительных мужчин в темно-синей униформе. Потом Бонд увидел обшарпанный стол с телефоном, картотеки, настенные карты и планы, красочную афишу полицейского бала. Все это было так узнаваемо, так привычно, так реально.

Бонд сделал глотательное движение и откашлялся. Было чрезвычайно важно, чтобы он смог передать в точности все то, чему он оказался свидетелем. Необходимость этого он чувствовал еще более остро оттого, что значение происшедшего было ему совершенно неясно.

— Поднимите ненадолго ноги, мистер Бонд. Рэгг, подайте, пожалуйста, стул. И, если можно, приготовьте чашку чая.

Главное не торопиться, обдумывать каждое слово.

— Мне нужна, — прохрипел Бонд, — мне нужна машина. И четыре человека. С оружием. Они поедут со мной. Нужно спешить.

— Бедняга, кажется, бредит, — сказал сержант. Доктор нахмурился.

— Не похоже. Мысли у него, конечно, путаются, но это не бред. — Он наклонился и крепко обхватил Бонда за плечи. — Продолжайте, мистер Бонд. Мы вас внимательно слушаем. Мы хотим вас понять.

— Адмирал — сэр Майлз Мессерви, — отчетливо проговорил Бонд и увидел, как сержант вытянулся во фрунт. Сознание Бонда прояснялось. — Он попал в беду. Вероятно, похищен.

— Прошу вас, сэр, продолжайте. — Прежде чем Бонд успел договорить, сержант поднял трубку.

— Их было четверо. Они ему тоже сделали укол. Не понимаю, как мне удалось уйти.

— И теперь уже никогда не поймете, — сказал доктор, протягивая Бонду сигарету.

Жадно затянувшись живительной сигаретой. Бонд с наслаждением выдохнул клуб дыма. К нему моментально вернулась его прежняя способность быстро к трезво мыслить, анализировать, принимать решения. Вывод, к которому он пришел, ужаснул его. Он вскочил. Как раз в эту секунду сержант опустил трубку.

— Номер не отвечает, — в его голосе слышалась досада.

— Естественно. Дайте телефон. — Услышав, наконец, голос оператора службы безопасности, Бонд, машинально сжал кулаки. — Лондонский аэропорт. Срочно. Жду.

Взглянув на Бонда лишь раз, сержант бросился вон из комнаты.

Пока Бонд, словно заведенный автомат, отбарабанивал описания М. и четырех агентов своему другу Спенсу, офицеру службы безопасности в аэропорте, приехал инспектор, а минуту спустя — и Билл Тэннер. Повесив трубку, Бонд уже собирался обрисовать ситуацию Тэннеру, как в комнату вернулся сержант. Его круглое, добродушное лицо было бледным. Обращаясь почему-то к Бонду, он доложил:

— Патрульная машина у выхода, сэр, — он перевел дух. — Только-только подошла. Однако вооруженный наряд, похоже, не потребуется. Но нам понадобитесь вы, доктор. Правда, дела у вас будет немного.

III. По горячим следам

Труп узколицего террориста лежал на спине в холле виллы. Его лицо было изуродовано до неузнаваемости. Часть лица вместе с мозгом была просто размазана по стенам и по полу. Тяжелая пуля из «люггера» почти на полдюйма вошла в дубовую панель отделки.

В бывшего главного судового старшину Хаммонда стреляли дважды: один раз — в грудь, другой, для верности — в шею. Логично было предположить, что он встретил смерть, как только открыл дверь. Применение малокалиберного оружия, по всей видимости, объяснялось необходимостью не оставить в холле следов, которые могли бы предупредить Бонда об опасности. Тело перетащили в кухню, где был найден также и третий труп.

Бедная миссис Хаммонд так никогда и не узнала, что с ней произошло. Убийца, использовав тот же легкий пистолет, уложил ее одним точным выстрелом в затылок, когда она стояла то ли у плиты, то ли у мойки. Она лежала рядом с мужем, его откинутая рука покоилась на ее плече. Каза-

лось, он хотел ободрить ее, дать почувствовать, что он по-прежнему рядом, как был рядом все эти двадцать лет. С тех пор, как вскоре после войны Хаммонд демобилизовался и поступил на службу в Куортердек, они ни дня не прожили врозь.

Обо всем этом размышлял Бонд, стоя вместе с Тэннером и инспектором над останками Хаммондов. Он поймал себя на горькой мысли, что не всегда уделял должное внимание веселым рассказам Хаммонда о довоенной жизни моряков в Пасифик Стейшн, не всегда находил теплые слова благодарности для миссис Хаммонд за ее самоотверженную заботу об адмирале во время его болезни. У Бонда вырвался приглушенный полустон-полухрип. Хладнокровное убийство двух ни в чем неповинных людей с единственной целью — избежать осложнений, ведь были же и менее жестокие способы нейтрализовать Хаммондов, — выходило за все мыслимые пределы. Люди, совершившие его, не имели права жить.

— Я рад, что ты не поехал вместе со мной, Билл, — выдавил наконец из себя Бонд.

Тэннер молча кивнул. Затем, повернувшись, оба вышли, оставляя тела на попечении врача и полицейских экспертов. Вряд ли им удастся добавить чтото новое к уже известному или

очевидному. Судьба Хаммондов была раскрытой книгой. Однако оставался вопрос: что заставило террористов избавиться от своего сообщника?

Минуту спустя, в кабинете М. Бонд и Тэннер как раз и начали с обсуждения этого не дававшего им покоя вопроса. По обоюдному молчаливому согласию и тот и другой избегали садиться в хепплуайтское кресло с высокой спинкой — любимое кресло М., а вместо этого расположились по обеим сторонам невысокого камина, который в это время года был пуст и чисто выметен.

— Возможно, главарь застрелил его в припадке ярости, — размышлял Тэннер вслух. — Судя по твоему рассказу, наш друг проявил себя в схватке не лучшим образом. Значит, вина за твой побег в каком-то смысле лежит на нем. Однако трудно представить, чтобы эти люди легко поддавались эмоциям. С другой стороны, человек с разбитым носом не может не бросаться в глаза. Не это ли обстоятельство решило его судьбу? Если так, то все может оказаться серьезнее, чем мы думали.

Бонд не торопился с ответом. Он взял с серебряного подноса, который стоял на разделявшем их низком столике, бокал виски с содовой. Он скрепя сердце принес поднос с кухни, где Хаммонд, как и в прошлый вторник, приготовил его

к приезду Бонда.

— Что ж, это укладывается в версию с аэропортом, — Бонд с наслаждением сделал большой глоток… — Провести М. через иммиграционную службу было невероятно сложно, разве что выдать его за пьяного. Если бы им удалось взять с собой еще и меня, то их задача усложнилась бы во много раз. Так? Но оставим это на время. Важно то, что как бы ни велика была опасность, у них было достаточно времени, чтобы к ней подготовиться. Но одного они не учли. Того, что человек, сумевший ускользнуть от них, неизбежно вызовет роковой для них интерес властей. Пока все сходится. И тем не менее… Нащупывая сигарету, Тэннер молча смотрел на Бонда.

— … меня не покидает ощущение, что это еще не все. Здесь должен быть какой-то скрытый ход. Иначе почему они оставили труп на месте? Подарить нам просто так, Бог весть сколько ценнейшей информации! Могли бы, по крайней мере, попытаться его спрятать.

— На это у них могло не хватить времени, — возразил Тэннер, посмотрев на часы. — Разумеется, операция была расписана точно по минутам. Кстати, о времени, когда починят этот проклятый телефон? Пожалуй, стоит начать поиски…

— Не будем торопиться. В аэропорту около часа назад сменилось дежурство, и Спенс сейчас крутится как белка в колесе, разыскивая тех, кто сменился. К тому же у них маленький штат сотрудников, они с головой завалены работой, рассылая приметы террористов по всем аэропортам. В любом случае…

Раздался стук, и в кабинет вошел констебль без кителя.

— Телефон в порядке, сэр. Мы сообщили в лондонский аэропорт все, что вы сказали.

— Благодарю вас, — когда полицейский вышел, Билл Тэннер с силой опустил свой бокал на столик. — Все это бесполезно, — он внезапно вспылил. — Будем собираться, Джеймс. Необходимо доложить по инстанции, и по возможности скорее. Нам здесь больше нечего делать.

— Если мы уедем, то останемся без телефона. К тому же необходимо выяснить все до конца здесь. В этом мы можем положиться на полицию. Этот инспектор Крофорд свое дело знает. И что значит «бесполезно»? Если мы оповестим все порты…

— Послушай, Джеймс, — Тэннер встал и принялся мерить шагами выцветший аксминстерский ковер. Он вновь взглянул на часы. — У них было в запасе около четырех часов…

Глубоко вздохнув. Бонд закусил губу.

— Дьявол; ты не представляешь, как мне хочется…

— Успокойся, дружище. Никто не смог бы в подобной ситуации сделать больше, чем ты. Возьми себя в руки и послушай меня.

— Извини, Билл.

— Так-то лучше. Значит, четыре часа. На большее они едва ли рассчитывали. На этой стадии операции им наверняка пришлось действовать так же четко, как и на предыдущей. Если они, скажем, решили вывезти М. самолетом, то, учитывая близость аэропорта, они уже не менее часа в воздухе. Лететь до Орли или до Амстердама еще час, а при современной технике за тот же час можно долететь и до Марселя. Но им-то нужно добраться куда как ближе, они не могут себе позволить провести в пути шесть-восемь часов, рискуя провалить операцию… Итак, два часа. Еще полчаса на таможню и иммиграционную службу. Получается, что к данному моменту они уже успели удалиться от места посадки на семьдесят-восемьдесят миль. Или они вышли в открытое море?

— По-твоему, они не могут быть в Восточном Берлине? — с резкостью возразил Бонд. — Или на

дороге в Москву?

— Не знаю, — Тэннер дрожащими пальцами прикурил от окурка новую сигарету и провел рукой по своим редеющим, с проседью волосам. — Не похоже. Это было бы слишком просто. По крайней мере, я так думаю. А может, только надеюсь.

Бонд не нашел, что сказать.

— Вероятно, что они вообще никуда его не вывозили. Это дало бы им хорошие шансы. Могли затаиться в каком-нибудь заброшенном коттедже в Уэстморленде и оттуда воплощать в жизнь свой дьявольский план, цель которого нам неясна. Но рано или поздно мы ее узнаем. Время работает не на них.

В холле из углубления в стене тревожно и настойчиво зазвонил телефон (М. передергивало от одного вида этого достижения современной цивилизации). Тэннер вскочил.

— Сиди. Я подойду.

Бонд откинулся в кресле. До его слуха доносился то и дело прерывавшийся голос Тэннера. Приглушенные звуки, которые производили занятые своей работой полицейские, их осторожные шаги звучали как-то фальшиво, неестественно. Кабинет, где сидел Бонд, — он только сейчас

заметил старую эриковую трубку М., что лежала в медной пепельнице, — теперь напоминал музей еще больше. Казалось, что адмирал был здесь в последний раз не несколько часов назад, а несколько недель или даже месяцев. Или скорее это был не музеи, а заброшенные и позабытые всеми театральные декорации. Бонд испытывал неприятное ощущение, что встань он и надави рукой на стену, она, прежде казавшаяся каменной, поддастся с легкостью холста.

Внезапное возвращение Тэннера вывело Бонда из этого странного состояния оцепенения — очевидно, действие наркотика прекратилось еще не полностью. Лицо его друга вдруг как-то осунулось, он был похож на привидение.

— Я был почти прав. Однако это малоутешительно, — Тэннер вновь заходил по ковру. — Дублин, аэропорт Шэннон. Они отбыли на самолете компании АэрЛиндус, рейс № 147-А, в 20. 40. Дежурный их прекрасно помнит. Они все спланировали до мелочей. Всех четверых уже видели в аэропорту один раз, а сейчас в их составе подмена. Интересно, как они собирались переправить тебя и того, кто лежит теперь внизу. Но как бы там ни было… они приземлились в Шэнноне около половины десятого. То есть… приблизительно

два с половиной часа тому назад, пока ты еще скитался по лесу. Значит, они скрылись. В Шэнноне их наверняка встретила машина и увезла Бог знает куда. Я немного знаю те края. Самое, наверное, пустынное место во всей Западной Европе. Там полно укромных местечек. Можно свободно пересесть на судно или на подводную лодку — при их размахе это вполне вероятный вариант. Или рандеву с гидросамолетом милях в ста от атлантического побережья. И лети куда хочешь.

— Так вот обстоит дело, — закончил Тэннер. — Ирландская береговая охрана и флот предупреждены. Пусть смотрят в оба. Лишним это не будет. Сегодня же пошлем туда своего человека. Это тоже не повредит. Идем, Джеймс, нужно сделать еще кое-какие звонки. В этом доме нам больше делать нечего. Недаром у меня от него всегда мороз продирал по коже.

В тот момент, когда они заканчивали последний из необходимых телефонных звонков, к ним подошел инспектор Крофорд — высокий, мрачноватый человек лет сорока пяти, сразу понравившийся Бонду. В руке он держал большой незапечатанный конверт из грубой бумаги.

— Мы здесь почти закончили, джентльмены.

Если вам нужно ехать, то все, что может представлять для вас хоть малейший интерес, находится в этом конверте, — он протянул конверт Тэннеру и, указав безразличным жестом на распростертое на полу тело, добавил, — содержимое его карманов. Странно, что в них вообще что-то оказалось. Можно было ожидать, что они постараются скрыть его личность — срежут с одежды ярлыки и всякие метки. Нам удалось сделать три сносных фотоснимка того, что осталось от его лица, и отпечатки пальцев. Определили рост и примерный вес. Особых примет у него, естественно, не было. Если он числится в вашей картотеке, то, думаю, вы без труда сможете его установить. Кроме того, мистер Бонд прекрасно его запомнил. И еще — для полноты картины, первичное заключение врача. Вот и все. Я попрошу вас оставить расписку. Нам хотелось бы получить все это назад, когда вам уже больше не потребуется.

Тэннер небрежно расписался на бланке.

— Благодарю вас, инспектор. Но, боюсь, что вам прямо сейчас придется отправиться с нами в Лондон, чтобы принять участие в совещании, которое может продлиться всю ночь. Большая его часть вас, конечно, никоим образом не коснется, но кто-нибудь обязательно захочет услышать,

что по этому поводу может сказать полиция. Вы, надеюсь, меня понимаете?

Крофорд спокойно кивнул головой в знак согласия.

— Конечно, сэр. Через две минуты я буду в полном вашем распоряжении.

— Вам, разумеется, не надо объяснять, что об этом деле никто не должен ничего знать. И, пожалуйста, передайте в Главное почтовое управление, чтобы отключили телефон, как только все отсюда уйдут. Спасибо вам и вашим людям за помощь. Мы ждем вас на улице.

Выходя из дома, Бонд еще раз взглянул на труп человека, причиной гибели которого он невольно стал. Изуродованное тело лежало, словно старый, никому не нужный хлам, дожидаясь, когда его уберут и захоронят в соответствии с предусмотренными на этот случай инструкциями. Бонд испытывал отвращение и ужас, думая о той, непонятной пока, миссии, которая привела сюда этого человека. Но он не мог не испытывать сожаления при мысли, что лишь чистая случайность привела к подобной развязке. Не такой ли конец ожидал и самого Джеймса Бонда? Выстрел в голову, и он уже отброшен в сторону, как банановая корка, лишь только потому, что явился

помехой чьимто замыслам.

Яркий блеск звезд на бархатном небе отвлек Бонда от раздумий. Стояла хорошая летняя погода. Куда они везут М.? Сейчас это не имело значения, все равно что гадать на кофейной гуще. В ночном воздухе повеяло прохладой, и Бонд ощутил, что чудовищно голоден. Но это тоже не имело значения. Если и удастся перекусить, так только в Лондоне.

Миновав темные громады полицейских машин, Бонд направился к своему «бентли», стоявшему на прежнем месте. Но тут он ощутил на своем плече ладонь Тэннера.

— Нет, Джеймс, ты поедешь со мной. О твоей машине позаботятся завтра.

— Ерунда, я в полном порядке.

— Нисколько не сомневаюсь, но кто знает, не заминирована ли машина?

— Брось. Они хотели получить меня живым и невредимым.

— Это было тогда. Никто не может знать, что они хотят теперь.

IV. Греческий вариант

Сэр Рэналд Райдаут, министр, в ведении которого находилась Секретная служба, был чрезвычайно раздосадован, когда получил срочный вызов, прервавший его пребывание на званом ужине у австрийской принцессы, в чей круг безуспешно пытался пробиться вот уже несколько лет. Телефонограмма гласила, что его присутствие абсолютно необходимо для обсуждения события огромной важности, но о сути дела в ней не говорилось ни слова. Помощник сэра Рэналда, принявший сообщение, сразу же повесил трубку, тем самым лишив министра возможности высказать свое отношение к предстоящему совещанию. Выходит, придется отправляться в Международный консорциум, то есть штаб Секретной службы? Значит, этот старый адмирал, всегда столь упрямо сопротивлявшийся советам политиков, попал в беду. Старика давно уже пора уволить в отставку.

Его раздражение уже достигло предела, когда в 1:20 по полуночи сэр Рэналд проворно взбегал по ступенькам огромного серого здания, нависшего

над Риджентс-парк. В свои шестьдесят лет он чувствовал себя превосходно, что было результатом не столько какой-то особой самодисциплины, сколько полного безразличия к еде и питью, часто отличающего людей, главный смысл существования которых составляет власть.

Его сразу ознакомили с ситуацией во всей ее катастрофичности. Взглядом, в котором явственно читалось гневное недоверие, сэр Рэналд обвел лица людей, собравшихся за облупленным дубовым столом: постоянный заместитель министра, помощник комиссара Скотланд-ярда Вэлланс, какой-то незнакомый ему Тэннер — хозяин кабинета, на незначительность которого недвусмысленно указывало состояние мебели в его кабинете, агент со странной фамилией Бонд, заваривший всю эту кашу, и какой-то полицейский из Виндзора.

— Ну что ж, джентльмены, — сэр Рэналд надул щеки и шумно выдохнул. Дело плохо, должен признаться. О нем будет доложено премьер-министру. Надеюсь, вы отдаете себе отчет о последствиях.

— Рад, что наши мнения совпадают, — голос Тэннера был спокоен. — Но, как известно, премьер-министр отбыл сегодня… то есть вчера в

Вашингтон. Находясь там, он ничего не сможет предпринять, а прервать визит — вряд ли в его силах. Поэтому мы вынуждены предпринять самостоятельные шаги.

— Разумеется, — на этот раз сэр Рэналд многозначительно фыркнул. Разумеется. Только вопрос в том, в каком направлении? У меня сложилось впечатление, что вы не располагаете никакой полезной информацией. Невероятно. Возьмем того человека, которого вы нашли мертвым. Не слугу, конечно, а этого террориста. Единственный достоверный факт заключается в том, что пуля раскроила ему череп. Очень хорошо. Неужели всем вам нечего к этому прибавить? Были при нем какие-то вещи?

Внезапно заговорил инспектор Крофорд, и сэр Рэналд едва заметно поморщился. Существовало неписаное правило, в соответствии с которым, прежде чем открыть рот, подчиненный должен убедиться, что его начальнику сказать нечего.

— Сэр, может показаться странным, но мы действительно кое-что обнаружили, — начал инспектор. Кивком головы он указал на небольшую кучку предметов, которые с интересом рассматривал Вэлланс. — Однако они не дают почти никакой информации. За исключением…

— Можете вы сказать что-нибудь об этом человеке?

— Боюсь, что нет, сэр.

Вэлланс, всегда оживлявшийся в ночные часы, взглянул на Крофорда и согласно кивнул.

— Тогда позволю себе задать вам прежний вопрос. Кто этот человек? Что скажет помощник комиссара Скотланд-ярда?

— Мы уже заканчиваем проверку по нашей картотеке дактилоскопических данных, сэр Рэналд, — Вэлланс смотрел прямо в глаза министру. — Возможно, мы кое-что найдем. Кроме того, мы связались с Интерполом, но ответ оттуда придет не раньше, чем через три дня. Однако лично мне кажется, что это ничего нам не даст. По-моему, один тот факт, что они оставили его просто так, говорит о том, что, даже выяснив его личность, мы не продвинемся ни на дюйм.

— Я согласен с Вэллансом, — сказал Тэннер. — Независимо от того, получим мы какие-нибудь результаты или нет, дело останется на месте. Нет, сэр, несомненно, этот человек принадлежит к сравнительно новому типу международных террористов, с которыми нам часто приходится встречаться при различных диверсиях и подрывных актах. Это люди без биографии, часто

белые выходцы из Южной Африки, движимые алчностью и завистью, или разного рода подонки из Америки — но все это предположения, так как эти люди появляются буквально ниоткуда. В отделе учета их так и называют — «люди ниоткуда». Не слишком оригинально, но весьма точно. Я лишь хочу сказать, сэр, что время, затраченное на выяснение его личности, — это время, затраченное впустую, поскольку в каком-то смысле этот человек никогда не существовал.

— Однако это лишь ваши предположения, Тэннер, не так ли? — возразил сэр Рэналд и вскинул глаза, как бы показывая, что вовсе не хочет задеть Тэннера. — Профессиональные предположения, вы так привыкли работать. Я же приучен сперва изучить факты — тщательно, внимательно, беспристрастно — а уж потом делать выводы. Ну а вы… Бонд, — на мгновение на лице министра изобразилась гримаса неудовольствия, словно он находил это имя неприличным, — по крайней мере, вы видели террориста еще живым. Что вы можете о нем сказать?

— Почти ничего, сэр. Разве только, что он прекрасно владел искусством рукопашного боя, но этому можно научиться где угодно. Так что…

— А его речь? Что вы можете сказать о ней? Бонд

был измотан до предела. В голове пульсировало, во рту стоял металлический привкус. Чудовищно ломило тело в тех местах, над которыми потрудился покойник. От сэндвича с ветчиной и чашки кофе, которые он успел перехватить в столовой, не осталось даже и воспоминании. Но будучи даже в таком состоянии, Бонд не стал бы отвечать в столь резком тоне, если бы у него не вызывало отвращения то превосходство, с которым держал себя этот политик в присутствии людей в двадцать раз более достойных, чем он.

— Он обращался ко мне по-английски, сэр, — сказал Бонд, стараясь скрыть свою неприязнь. — И на мой взгляд, без ошибок. Я, конечно, внимательно прислушивался, но у него не было ни русского, ни албанского, ни китайского акцента. К тому же в моем присутствии он не сказал и двадцати слов, которых, вероятно, недостаточно, чтобы делать какие-то определенные выводы.

На противоположном конце стола Вэлланса овладел легкий приступ кашля.

Но сэр Рэналд ничуть не смутился. Метнув взгляд в сторону Вэлланса, он вновь обратился к Бонду.

— Конечно, вы ведь там пробыли недолго? Вы ведь спешили. Примите мои поздравления по

случаю удачного побега. Вероятно, идея остаться и бороться до конца за спасение вашего командира показалась вам до смешного старомодной, а может, просто не пришла вам в голову.

Заместитель министра внезапно отвернулся и уставился в пустой угол кабинета. Инспектор Крофорд, сидевший напротив Бонда, густо покраснел и шаркнул ногой.

— Мистер Бонд обнаружил незаурядное мужество и присутствие духа, сказал он громко. — До сих пор мне не доводилось слышать, чтобы один человек без оружия мог справиться с четырьмя тренированными преступниками, причем, будучи накачанным наркотиком, который буквально через несколько минут лишил его дееспособности. Если бы мистеру Бонду не удалось бежать, план террористов сработал бы полностью. Теперь же они вынуждены менять тактику или даже вообще отказаться от операции.

— Возможно, — взмахнув рукой и изобразив на лице неудовольствие, сэр Рэналд обратился к заместителю. — Бушнелл, откройте, пожалуйста, окно. Когда курят сразу трое, дышать невозможно.

Пока заместитель возился с окном, Бонд, пряча усмешку, вспомнил, как читал где-то о том, что

отвращение к табачному дыму является одним из самых ярких признаков психопатии, который, в частности, все отмечали в личности Гитлера.

Потирая руки, как человек, одержавший только что важную победу, сэр Рэналд энергично продолжал:

— Меня беспокоит вот еще какой вопрос. Похоже, дом сэра Майлза никак не охранялся. Что это — такой порядок или чья-то халатность?

— Такой порядок, сэр, — ответил Тэннер, лицо которого тоже стало постепенно наливаться краской. — Сейчас мирное время. То, что произошло, не имеет прецедента.

— Само собой. А вам не кажется, что охрана как раз для того и существует, чтобы предотвращать подобного рода прецеденты?

— Так точно, сэр, — голос Тэннера был по-прежнему ровен.

— Хорошо. Давайте теперь подумаем, кто может стоять за всем этим и какова его цель. Какие будут на этот счет предположения?

— Что касается ответа на первый вопрос, то он ясен — это вражеская разведка. В отношении второго вопроса, думаю, можно с уверенностью утверждать, что речь здесь не идет о выкупе, хотя бы потому, что тогда террористы не стали

бы покидать пределы страны, стремясь избежать риска, связанного с переправкой через границу сэра Майлза и мистера Бонда, удайся им захватить обоих. Да и какой смысл захватывать с целью выкупа двоих? Эти же аргументы говорят и против того, что террористы ставили целью получение какой-либо информации. Нет, я уверен, что замысел их более… оригинален.

Сэр Рэналд вновь фыркнул.

— А конкретнее?

— Остается только догадываться, сэр.

— Гм. Иными словами мы вновь оказались на той же ступени незнания, с которой начали. Поступали ли сообщения из-за границы об активизации спецслужб наших противников?

— Нет, сэр. Но все секции приведены в состояние повышенной готовности.

— Да-да. Итак, мы не знаем ничего. Похоже, нам остается лишь ждать, как будут разворачиваться дальнейшие события. Благодарю всех вас за помощь. Уверен, вы сделали все, что было в ваших силах. Мистер Бонд, прошу извинить меня за то, что я позволил себе усомниться в ваших качествах. Ваш побег это единственное светлое пятно во всей этой истории.

В голосе министра теперь слышались нотки,

напоминавшие простую человеческую искренность. Его осенила мысль — хотя и с запозданием, да ведь он и не был склонен делать поспешные выводы — что хотя по справедливости он не нес личной ответственности за похищение главы Секретной службы, но его коллеги по Кабинету министров в целом разделяли то же понятие о справедливости, которое было свойственно всем политикам. Другими словами, эта история могла оказаться грозным оружием в руках его оппонентов, тех, кто желал добиться его смещения. Со всех сторон его окружали зависть, злоба и амбиции. Конечно, люди, собравшиеся здесь, были не самыми лучшими и могущественными союзниками, по в данный момент не стоило пренебрегать и ими. Он повернулся к Вэллансу, которого прежде считал расфуфыренным фатом, и дружелюбно спросил, машинально разглаживая перед своей нарядной светлоголубой сорочки с вычурными рюшами:

— Мистер Вэлланс, как нам быть с прессой? Может, стоит пока придержать информацию? Я вам полностью доверяю в этом вопросе.

Стараясь не встречаться глазами с Бондом и Тэннером, Вэлланс ответил:

— Мне кажется, сэр, здесь не должно быть ни-

каких недомолвок. У адмирала обширные связи. Его судьбой, естественно, будут многие интересоваться, Я предлагаю дать короткое сообщение о том, что состояние адмирала по-прежнему остается неважным, и поэтому ему рекомендован полный покой.

— Великолепно. Значит, вы этим займетесь. Будут еще какие-либо предположения? Пусть даже самые невероятные. Ни у кого нет…?

Крофорд оживился.

— Если позволите, сэр…

— Сделайте одолжение, инспектор. Прошу вас, — вокруг глаз сэра Рэналда собрались приторные морщинки. — Смелее.

— Я хотел бы еще раз привлечь ваше внимание к тому мятому клочку бумаги с именами и цифрами, который все мы уже видели. Он был обнаружен в бумажнике террориста. Дешифровальщики, кажется, до сих пор над ним работают, а времени у нас и без того мало. Может быть, нам удастся им помочь? Что если это номера телефонов?

— Сомневаюсь, инспектор, — устало потирая глаза, проговорил Тэннер. Конечно, «Христиана» напоминает столицу Норвегии Христианию; «Вассо» Васси, что на северо-востоке Франции; где

находится Париж, всем известно: но нам хватит и десяти минут, чтобы убедиться в невозможности таких цифровых сочетаний в телефонных номерах этих трех городов, точно так же, как, скажем, сочетание Уайтхолл 123 невозможно для Лондона. Если это и телефоны, то они зашифрованы методом подстановки, а ключом к шифру мы не располагаем. Вот мы и кончили тем, с чего начали. Не сердитесь на меня.

— А может, это географические координаты? — вставил заместитель министра. Тэннер покачал головой.

— Не то количество знаков.

— Вы правы, сэр, — невозмутимо продолжал инспектор. — Но я имел в виду нечто иное. Возьмем слово, которое сегодня еще не произносилось «Антигона». С чем оно ассоциируется?

— С греческой трагедией, — ответил Тэннер, — написанной, по-моему, Эсхиллом. Слово-ключ?

— Возможно, сэр. Но ведь «Антигона» — не только название трагедии, это еще и имя. Женское имя. Не знаю, употребительно ли оно сейчас в Греции, но точно знаю, что многие классические имена употребительны там до сих пор. Теперь «Христиана». Разве это слово не напоминает также женское имя, как Кристин или Кристина?

Возможно, что Христиана — это греческая форма этого распространенного женского имени. И тогда Париж превращается в Париса* еще одно греческое имя.

Внезапно вскочив, Билл Тэннер бросился к телефону, стоявшему на залитом чернилами и прожженном сигаретами столике у стены.

— Правда, что касается «Вассо», я не могу…

— Что вы этим хотите сказать, инспектор? — перебил сэр Рэналд в своей обычной манере.

— Я хочу сказать, что этот человек, вероятно, собирался отправиться в Грецию, и кто-то снабдил его этими телефонами, на случай, если он захочет провести время в обществе женщин. Все номера принадлежат одному коммутатору, и, судя по всему, крупному, например, в Афинах. По крайней мере, все это правдоподобно, не правда ли, сэр?

Сэр Рэналд нахмурился.

— Но Парис — это ведь мужское имя. Вряд ли…

— Совершенно справедливо, сэр, имя похитителя Прекрасной Елены, из-за которого разразилась Троянская война. Однако, если присмотреться внимательнее…

Крофорд протянул министру измятый клочок дешевой линованой бумаги. Министр все с тем

же хмурым видом надел очки в тяжелой черной оправе и уставился на записку.

— То что? — буркнул он.

— Вот здесь, сэр, прямо над словом «Парис» написано, правда, не очень разборчиво, «если не получится». То есть, если Антигона и две другие девушки будут, скажем, в отъезде или чем-то ему не подойдут, то Парис все устроит.

— М-м, — сняв очки и кусая дужку, сэр Рэналд бросил моментальный взгляд на Тэннера, который по-прежнему что-то выяснял по телефону. — Что вы там говорили о правдоподобии?

— По моему мнению, это все подстроено, сэр. Иначе следует признать, что они совершили три оплошности: во-первых, не спрятали труп, во-вторых, не вытащили все из его карманов, в-третьих, вообще их не обыскивали. Поэтому…

— Вы полагаете, что это ложный след?

— Как раз напротив, сэр. Я полагаю, что это недвусмысленное указание, что искать нужно в Греции.

Повесив трубку, Тэннер вернулся на свое место. Теперь он глядел на инспектора с нескрываемым уважением.

— По словам Мэри Кирис из нашего посольства в Афинах, все четыре имени — нормальные

современные имена. А цифры могут быть номерами телефонов в Афинах, Солониках и еще в паре крупных городов.

— Это уже что-то, джентльмены, — глаза сэра Рэналда почти полностью утонули в складках удовольствия. — Это уже что-то.

— И это «что-то» наполовину нами разгадано. Вот уже около четверти часа Джеймс Бонд сидел, глубоко обхватив голову руками. Казалось, он дремлет. Но в действительности он прилагал все усилия, чтобы заставить свой утомленный мозг неотступно следить за всеми поворотами обсуждения. Теперь, когда его голос зазвучал в этой низкой, задымленной комнате, он выпрямился и внимательно смотрел на Тэннера.

— Инспектор Крофорд абсолютно прав. Это ловушка. Или точнее сказать приманка. Им необходимо было заполучить меня. Очевидно, их намерения не изменились. Записка с именами и телефонами — великолепный образец импровизации, цель которой заставить меня броситься в погоню. Что я, безусловно, и сделаю. Собственно, им достаточно было оставить записку с одним единственным словом — ГРЕЦИЯ.

Тэннер задумчиво кивнул.

— И куда ты направишься?

— Все равно, — сказал Бонд. — Хотя бы в Афины. Это не имеет значения, ибо мне не придется их искать, они найдут меня сами.

V. Ночь полковника Суна

Остров Враконис находится в Эгейском море на полпути между южными оконечностями Греции и Турции, или, точнее сказать, почти в центре треугольника, который образуют острова Наксос, Иос и Парос. Так же, как и лежащий в тридцати милях к югу остров Санторин, Враконис возник в результате вулканического извержения. Он представляет собой остатки потухшего еще в доисторическую эпоху гигантского кратера. Движения почвы подъемы и оседания — наделили остров рваной береговой линией, вдоль которой, словно хребет животного, тянется беспорядочная гряда холмов, достигающих местами высоты 1200 футов. С воздуха Враконис похож на серп, нарисованный рукой изрядно подвыпившего художника. Конец серпа отломан между безымянным кусочком суши и северной оконечностью острова пролегает полоса отмели шириной ярдов в сто. На маленьком островке живут люди, но кроме пары утлых рыбацких хижин там есть всего один дом, расположенный в дальнем конце острова — длинное приземистое

строение, облицованное ослепительно белым камнем и окруженное пальмами и кактусами. Владелец дома, пирейский яхтостроитель, сдает его в летние месяцы отдыхающим иностранцам.

Сейчас дом занимали двое французов, как явствовало из их паспортов. Обитатели дома производили впечатление людей мрачных и неразговорчивых, их кожа говорила о том, что отдыхать на солнце они не привыкли. О том же говорило и их поведение. Бледные, в пестрых купальных костюмах, они изредка выбирались на причал (все время пустовавший), чтобы посидеть в легких шезлонгах или вяло и очень недолго поплескаться в воде. Чаще всего их вообще не было видно. Казалось, что они не знали, чем заполнить время, остававшееся у них до начала работы, ради которой они сюда прибыли.

Их личности, намерения, а также многое другое было прекрасно известно полковнику Особого диверсионно-террористического отдела Народноосвободительной армии Китая Сун Лян-дану. Теперь, когда он сидел возле раскрытого окна маленького и ничем не защищенного домика, расположенного на основной части острова, полковник Сун не видел мужчин. Чтобы увидеть их, хотя бы мельком, ему пришлось бы выйти из

дома, подняться по густо заросшему склону холма до высоты 250 футов над уровнем моря, и лишь тогда его взгляду открылось бы расположенное в километре отсюда строение. Однако с момента своего появления на острове, куда он прибыл морем накануне ночью, полковник Сун не покидал своего убежища. Легко узнаваемый восточный тип лица служит серьезным препятствием для экспансии китайского шпионажа в Западной Европе. Исключение составляют лишь Соединенные Штаты и Великобритания, где выходцы с Востока попадаются то и дело. На греческих островах они чрезвычайно редки. Поэтому ни у кого на Вракониссе и вообще за пределами Китая не должно было возникнуть подозрения, что именно в этом месте и в этот момент может оказаться китаец.

Но если все же кому-нибудь удалось увидеть полковника, то его поразила бы внешность Суна. Сун был высок для китайца, почти шесть футов. Крупный остов и длинный череп выдавали в нем выходца из северного Тибета. Его кожа, имевшая светловато-желтый оттенок, иссиня-черные волосы и характерный разрез глаз убеждал в его восточном происхождении. И лишь посмотрев прямо в глаза Суну, можно

было заметить, что в его жилах течет не только китайская кровь. Его радужные оболочки имели необычайно красивый оловянно-серый оттенок, как у новорожденного, унаследованный им от своих далеких предков — средневековых завоевателей, пришедших из Киргизии. Однако не многим представлялась возможность заглянуть в эти глаза. И уж, во всяком случае, не дважды.

День угасал, однако полковник все не вставал с жесткого деревянного стула. Чтение было его обычной страстью, но в этот вечер он настраивал мозг и чувства на то, что ему предстояло совершить. Он выкурил подряд две сигареты, не вдыхая дыма и даже не вынимая сигарет изо рта. Сигареты были английские «Бенсон-энд-Хеджес». Сун не разделял обычной среди коллег неприязни ко всему английскому, которая, как он не без оснований подозревал, объяснялась скорее позой, чем искренним убеждением. Многое в этой культуре ему импонировало, и в каком-то смысле его огорчала ее обреченность.

Да и сами британцы (правда, с женщинами он не встречался) часто вызывали у него восхищение. Впервые он столкнулся с ними в сентябре 1951 года в лагере для военнопленных близ Пхеньяна. Тогда ему шел двадцать первый год.

Прикомандированный в качестве консультанта по методике ведения допросов к майору Северо-Корейской армии Паку, младший офицер Сун получил возможность близко узнать британских солдат. Он продолжал общаться с представителями западного мира и после сентября 1953 года, когда последний британец отбыл на родину, но, главным образом, это были французы, австралийцы и американцы. С ними тоже было интересно работать, но совсем не так, как с британцами — «его» британцами, как он привык называть их в мыслях. С тех пор ему удалось поработать лишь с одним случайно захваченным в Китае английским разведчиком и пленным американцев; Южного Вьетнама, который оказался недавним эмигрантом из «доброй старой Англии». К счастью для Суна его репутация как специалиста по допросам британцев стала известна его начальству и даже достигла ЦК, поэтому редкий пленник-британец миновал его. Однако вот уже почти шесть месяцев он сидел без работы. Теперь полковник с трудом сдерживал легкий озноб нетерпения, который охватывал его при мысли о предстоящей сегодня встрече с «его» британцами и о 72-часовом непрерывном общении с ними.

Услышав осторожный стук в дверь, Сун друже-

любно ответил по-английски:

— Да. Войдите.

Дверь отворилась, и в полосе света обозначился силуэт девушки. Также по-английски она робко проговорила:

— Товарищ полковник, можно я включу свет? — ее низкий голос звучал негромко.

— Только сначала я закрою ставни, а потом включишь.

Яркий свет лампы без абажура упал на каменный пол без покрытия, белые стены, дешевый стол неопределенного вида и такой же стул. Царившая в комнате атмосфера камеры для допросов успокоила полковника, он вновь ощутил в себе уверенность.

Внезапный свет не ослепил его. Внешность девушки, при всех ее очевидных достоинствах, также не произвела на него никакого впечатления.

Являясь в этническом отношении не столько самостоятельным народом, сколько продуктом длившегося многие века смешения местных племен с римлянами, славянами, греками и турками, албанцы в целом не отличаются красотой. Однако этот причудливый коктейль народностей рождает подчас индивидов, замечательных

своими внешними данными даже по высоким восточносредиземноморским стандартам. Двадцатитрехлетняя уроженка города Корча, что на юго-востоке Албании, имевшая в данный момент греческий паспорт (изготовленный в Тиране необычайно искусно благодаря китайской помощи), Дони Мадан выделялась своей внешностью.

Она носила зеленоватые шелковые брюки в обтяжку, простую бирюзовую блузку из того же материала и феррагамские туфли с вышивкой по коже. Больше на ней ничего не было — в этих широтах даже в сентябре в двадцати ярдах от моря ночи стояли душные и влажные. Хотя этот наряд был подобран для Дони, только чтобы придать ей вид компаньонши преуспевающего международного бизнесмена на каникулах, он ей очень шел.

Она была чуть выше среднего роста, но все-таки ниже Суна, стройная и гибкая телом, с тонкой талией, переходившей снизу и сверху в округлые объемы. Широкие бедра и слегка выпуклый живот натягивали ткань брюк, полные упругие груди оттопыривали небрежно застегнутую блузку так, что она свисала почти отвесно, не касаясь живота девушки. Скулы и крепкие челюсти напоминали о ее азиатском происхождении, темно-карие глаза свидетельствовали о том, что

в ее жилах есть и малоазиатская кровь, красивой формы прямой рот выдавал в ней венецианку. Ее светло-каштановые волосы, которые колокольчиком обрамляли ее лицо, странным образом контрастировали с нежной смугловатостью кожи. Она стояла на пороге пустой комнаты в позе кроткого, бессознательного вызова, словно желая подразнить в полковнике мужчину.

Впрочем, полковник не прореагировал бы и на более откровенный вызов: Сун Лян-дана не интересовали женщины. Хотя на вопрос о его отношении к ним он бы ответил, скорее механически, что ценит в них матерей, жен, утешительниц мужчин. Посмотрев куда-то в сторону Дони, он просто спросил:

— Что-нибудь еще?

— Я хотела узнать, не желаете ли вы кушать? — ее низкий голос был по-прежнему тих.

Дони в совершенстве и почти беэ акцента говорила по-итальянски, по-сербохорватски и по-гречески. Английским же языком она владела довольно плохо, однако другого средства общения с ее временным хозяином у нее не было. Необходимость владения чужим языком при работе с вражеской агентурой — источник постоянного раздражения для китайских разведчиков, но то

чувство легкой досады, которое сейчас овладело Суном, имело иную природу.

Соединив руки в замок на своем продолговатом затылке, он откинулся назад, насколько позволял стул. В такой позе, одетый в белую рубашку с короткими рукавами и светлые хлопчатые брюки, он походит на европейца.

— Я хотела узнать, не желаете ли вы кушать? — повторил он медленно вслед за ней. — Не голодны ли вы? Не хотите ли есть? Или, если угодно, перекусить? Милая моя, постарайся не быть крестьянкой ни в своих словах, ни в поступках. И в любом случае, не хочу. Спасибо. Не сейчас. Подождем, пока к нам присоединятся наши друзья. Они скоро должны быть.

Полковник говорил по-английски практически без ошибок — два года он изучал язык в гонконгском университете, но его произношение могло повергнуть в ужас любого фонетиста. Его чуткое ухо и страстное желание учиться вкупе с полным незнанием особенностей употребления различных диалектов, превратили его речь в причудливую мешанину звуков. Тут слышались нотки, свойственные жителям Манчестера, Глазго, Ливерпуля, Белфаста, Ньюкасла, Кардиффа, разных районов Лондона, перемежавшиеся то

и дело с выговором, почерпнутым им из речи аристократии. Этот пестрый поток звуков был бы даже забавным, если бы Сун не сопровождал его стальным зловещим взглядом.

Потупившись, Дони посмотрела на Суна.

— Извините, товарищ полковник, — покорно сказала она. — Я знаю, что говорю по-английски не хорошо.

— Однако лучше, чем твоя подруга, — Сун благосклонно улыбнулся. У него были темные, цвета запекшейся крови губы, зубы были как бы слегка вдавлены внутрь. Он продолжал. — Не называй меня «товарищ полковник». Получается, как в прогрессивной пьесе о молодежи. Зовя меня просто — «полковник Сун». Ведь мы друзья. И хватит одиночества — будем общаться! Где остальные?

Выйдя в сопровождении Дони из комнаты, он миновал выложенный каменными плитами коридор и оказался в гостиной. Это было высокое, просторное помещение с покатым, мощенным камнем полом и великолепной мебелью из оливкового дерева, которую делали тут же на острове. Пестрые современные коврики и подушки, пара заурядных абстракций на грубых стенах казались здесь лишними. Раскрытые створчатые двери вели на узенькую террасу, где стоял низкий

столик и складные стулья. Дальше было только море, сейчас мирно плескавшееся. Стремительно восходящая полная луна так ярко освещала его, что море казалось бесконечно зыбким и одновременно до невозможности мелким — слой воды толщиной лишь в молекулу, простиравшийся до самого горизонта. Невидимый прибой шелестел галькой, которая покрывала промежуток между двумя молами якорной стоянки.

Задержавшись на мгновение у двери и не выходя из тени, Сун пристально глядел на море. Он не видел его уже пятнадцать лет, зрелище до сих пор завораживало его. Море напомнило ему о Британии, о том, что жители этого туманного острова, когда-то очень давно поставив море себе на службу, покорили чуть ли не четверть мира. «Лучшей декорации и не придумать», подумал с удовольствием Сун и вошел в светлую комнату.

Лежавшая на диване девушка быстро подняла свои темные глаза. Она была одного роста с Дони и одета приблизительно так же (в черные брюки и белую блузку), но рядом с ней Дони казалась полноватой. Длинные ноги девушки, ее высокая грудь и небольшая изящная головка с темными коротко подстриженными волосами наводили на мысль о том, что Луиза Тартини была итальян-

кой не только по имени. Но на самом деле она, так же как и Дони, была албанкой и имела такой же поддельный паспорт. Однако ее характеру не доставало послушности подруги, во взгляде девушки сквозили обида и страх.

Сун, казалось, не замечал этого. Он дружелюбно заговорил:

— Какой чудесный вечер. Ты выглядишь просто обворожительно, моя милая.

— Скучно, — угрюмо отозвалась Луиза и подвинула ноги, чтобы Дони могла сесть рядом. — Для чего мы здесь находимся?

— Как я уже объяснял, ваша главная задача состоит в том, чтобы придавать нашей компании вид отдыхающих. По-моему, это не очень обременительно. Но сегодня круг ваших обязанностей расширится. Ты и Дони поступите в полное распоряжение людей, прибытия которых мы сейчас ожидаем. И это может потребовать от вас небольших жертв.

— Какие люди? — Луиза села, ее плечо коснулось плеча Дони, — Сколько?

— Всего шесть. Двое из них империалисты, и к вам они не будут иметь отношения. Остальные четверо — борцы за мир, выполняющие опасное задание. Вы обе должны будете предоставить им

все, что они попросят.

Девушки переглянулись. Луиза безразлично пожала плечами, а Дони, блаженно улыбнувшись, обвила своей смуглой рукой талию подруги.

— А теперь… Евгений, как раз вовремя. Из вас получился превосходный слуга. Вы скоро станете профессионалом!

Четвертый обитатель дома — коренастый, круглоголовый русский — с трудом протиснулся в комнату с подносом, на котором стояли напитки. Евгений Рюмин, бывший сотрудник советского посольства в Пекине, считал, что на прежней службе ему незаслуженно мало платили, к тому же не видел для себя перспектив роста, поэтому около десяти лет тому назад он без особого шума оттуда сбежал. Новые хозяева ценили в Рюмине отсутствие воображения, работоспособность, а также его безграничную жестокость. Эти его качества, а также то, что он был европейцем, сделали его в группе Суна абсолютно незаменимым человеком, которому можно поручить любую работу. Рюмин поставил поднос на приземистый круглый столик и кивком коротко остриженной головы поздоровался с девушками.

Полковник с умиротворением наблюдал, как Луиза взяла рюмку водки со льдом, а Доки

— бокал пива. Сам он от спиртного отказался, пространным жестом дал понять русскому, что тот волен выбрать напиток по вкусу.

Заложив руки в карманы, Сун отвернулся и сделал несколько неторопливых шагов в сторону террасы. Постояв какое-то время совершенно неподвижно, он взглянул на часы — пылеводонепроницаемый «Лонжин» в стальном корпусе был у него уже около пятнадцати лет. Прежний владелец часов, капитан Глостерширского полка, погиб на допросе так же отважно, как и все остальные, кто побывал в руках у Суна. Он очень дорожил часами — как памятью, а не как трофеем.

Внезапно обернувшись, Сун коротко отдал приказание.

— Евгений. Свет. Везде.

Рюмин едва успел распробовать пиво.

— Везде?

— Да. То, что невозможно скрыть, следует выставить напоказ. К нам приближаются остальные участники нашего маленького торжества.

Почти у самой вершины холма, возвышавшегося над домом на безымянном островке, под низкорослой смоковницей лежали двое мужчин. Они видели, как терраса и якорная стоянка

осветились ярким огнем. Со стороны моря медленным ходом приближалась моторная лодка: мужчины молча и неподвижно ждали, пока она пришвартуется. До их слуха слабо доносился смех и возгласы приветствия. На берег сошли трое — один из них явно нуждался в помощи, двое других, спрыгнув, тут же оказались в объятиях вышедших из дома женщин. Слуга возился с чемоданами; наконец вся компания скрылась в доме. Лодка с легким стрекотом отошла от причала и взяла курс на запад, чтобы, обогнув остров, встать на якорь на общей стоянке, которая находилась посередине вогнутой стороны Вракониса.

Один из мужчин, дежуривших на склоне холма, посмотрел на своего товарища и подал ему знак раскрытой ладонью. Они оба поднялись и продолжили свое утомительное и бесплодное патрулирование. Им предстояло проверить еще одиннадцать точек.

Сун Лян-дан сидел и внимательно разглядывал троих новоприбывших. Он молчал.

Наконец террорист с черными волосами, тот самый, что тридцать часов назад следил за переездом Бонда из Саннингдэйла в Куортердек, открыл рот.

— Бонд, — начал было он, но горло его вдруг

пересохло, и он закашлялся. — Бонд ушел от нас в Англии.

Сун кивнул, однако его лицо по-прежнему было бесстрастным.

— Но мы приняли меры, чтобы исправить ошибку. Есть все основания полагать, что через двадцать четыре часа он будет в наших руках, — ею голос звучал как-то деревянно, словно он повторял заученный наизусть текст.

Сун снова кивнул.

— Препарат ГНЦ-16 действует моментально лишь при внутривенном впрыскивании, — вмешался второй мужчина. — Но он так отчаянно сопротивлялся, что мне удалось сделать только внутримышечную инъекцию, в результате чего…

Он замолк на полуслове, стоило лишь Суну едва заметно шевельнуть своей желтой кистью.

— Он бежал, разбив Дойлу лицо так, что это могло привлечь внимание, продолжал черноволосый. — Поэтому Дойла пришлось ликвидировать на месте. Остальное происходило в строгом соответствии плану. Прием с двойной подменой в аэропорту прошел успешно, и…

Сун опять шевельнул рукой.

— Квантц нашел блестящий выход из поло-

жения. Он оставил на теле Дойла ложные улики, — продолжался отчет, — которые, по нашему расчету, обязательно приведут Бонда в поисках шефа в Афины. Подробности находятся здесь, — торопливо, словно стремясь предупредить жест Суна, добавил черноволосый, и протянул запечатанный конверт. — Квантц в данный момент находится в Афинах. Мы приводнились возле мыса Сунион, и он оттуда в резиновой лодке направился к берегу. В Афинах он свяжется с нашими друзьями. В случае, если Бонд не появится в Афинах, Квантц организует похищение одного из британских агентов в Греции и доставит его на остров. Квантц считает, что даже при таких осложняющих обстоятельствах операция достигнет своей основной цели.

Легко постукивая конвертом по колену, Сун еще с полминуты просидел молча. На лицах обоих мужчин выступил пот, они замерли в неловких позах перед полковником. Луиза, сидевшая на диване, украдкой наблюдала за Суном; Дони переводила взгляд с одного мужчины на другого.

Наконец полковник поднял глаза, его пурпурные губы растянулись в улыбке. Напряжение спало, кто-то облегченно выдохнул.

Повернувшись к черноголовому, Сун сказал:

— Что ж, де-Грааф, вам действительно адски не повезло. Но по-моему, вы сделали псе, что в ваших силах, чтобы исправить промах. — Сун не был злопамятен. Кроме того, неизменное правило китайской разведки — поручать различные этапы одной операции независимым подразделениям, управляемым из единого центра — предполагало, что ответственность Суна начиналась и заканчивалась акцией на острове Враконис. Несмотря на жестокое разочарование отсутствием Бонда, Сун не мог дать волю своим чувствам в присутствии европейцев.

— Но теперь вам надо отдохнуть, — продолжал он. — Подробный отчет представите завтра утром. Угощайтесь напитками, Евгений приготовит вам еду по вашему вкусу. Этих девушек зовут Дони и Луиза. Им дано приказание исполнять все ваши прихоти и в любое время. И чуть не забыл…

Медленно встав. Сун подошел к третьему мужчине, который все это время неловко сидел на стуле.

Добрый вечер, адмирал. Я — полковник Народно-освободительной армии Китая Сун Лян-дан. Как вы себя чувствуете, сэр?

М. поднял голову. Его серые глаза светились

прежней холодной ясностью, голос снова был тверд.

— Я не стану отвечать ни на один из твоих вопросов, желтомордая тварь. Так что побереги слова.

— Главная цель твоею пребывания здесь, бульдог, не ответы на вопросы. Но если будет надо, ты станешь отвечать на них как миленький. Можешь в этом не сомневаться.

Тон Суна был как всегда ровен. Он продолжал:

— А теперь, Ломанн, заберите вашего пациента и уложите в постель. Сделайте ему укол, чтобы он хорошенько выспался. Евгений проводит вас.

Доктор — лысый, низкорослый человек лет сорока — без промедления стал выполнять приказ.

Держа в руке стакан, наполовину наполненный водкой, де-Грааф подошел к дивану. Оглядев, словно торговец скотом на ярмарке, каждую из девушек с ног до головы, он наконец ткнул пальцем в Луизу.

— Полковник сказал — в любое время, — пробормотал он. — Так что пошли.

Луиза посмотрела на Дони, которая с полминуты что-то страстно говорила ей по-албански. В конце концов, пожав плечами, она согласно кивнула. Дони с мольбой смотрела на де-Граафа.

— Возьмите меня тоже. Второй противный. Он не имеет волос, он очень маленький, у него руки, как у птицы. Возьмите меня. Мы уже так пробовали. Мы много умеем. Вам понравится.

— Мне подходит, — осушив стакан, де-Грааф ощерился. — Ведите меня, куколки.

Оставшись один, Сун Лян-дан вышел на террасу и со всей злобой, какая только у него скопилась, плюнул куда-то в Эгейское море.

VI. Храм богини Афины

Джеймс Бонд сидел в баре афинского отеля «Гранд Бретань» и ждал дальнейшего развития событий.

Иного выхода он не только не видел, но даже не знал, в каком направлении его искать. После нескольких часов радиопереговоров, проходивших по схеме «Бонд — Билл Тэннер — начальник отдела Джи в Лондоне начальник отдела Джи в Афинах», составилось нечто, что, за неимением лучшего определения, можно было назвать планом операции. Пока Бонд мысленно пробегал его пункт за пунктом, в Лондоне, у себя в кабинете, Тэннер размашистым почерком записывал на оборотной стороне бланка телефонограммы следующее:

1. Предполагается, что 007 установит организацию, пытавшуюся осуществить его похищение, и, избежав дальнейшего захвата, выйдет на руководящие структуры этой организации с целью выяснения местонахождения М.

2. Этот вариант, исключающий захват, не может рассматриваться как перспективный. 007

таким путем не имеет возможности выявить агентурную сеть противника, к тому же эффективность, проявленная противником при проведении операции на вилле Куортердек, дает серьезные основания полагать, что возможность избежать захвата нереальна.

3. Следовательно, 007 должен всячески способствовать своему похищению. Для обеспечения безопасности 007 приняты следующие меры:

(а) сотрудники афинского отдела Джи держат 007 под постоянным наблюдением, контролируют действия противника и находятся в состоянии готовности к вооруженному вмешательству в любой момент;

(б) миниатюрный радиомаяк для размещения на одежде 007 получит в Афинах;

(в) спасательные средства для размещения на одежде:

(а) и (б): ответственный за исполнение — начальник отдела Джи.

(б) и (в): ответственный за исполнение — начальник секции Кью.

Бонд едва заметно улыбнулся. Отдел Джи славился на всю Секретную службу. Его начальник — добродушного вида валлиец по имени Стюарт Томас служил долго и доблестно в качестве агента

005, пока болезнь глаз не притупила его снайперские способности. С тех пор он стоял во главе афинского подразделения, которым руководил с непревзойденным мастерством и фантазией. Но даже Томас не смог бы подыскать таких суперменов, которые потребовались бы для успешного выполнения пункта 3(а) плана Билла Тэннера, и против которых противник, безусловно, принял бы серьезные меры. Что же касается пунктов 3 (б) и 3 (в), то…

Приехав в отель и назвав свое имя портье. Бонд получил пакет, в котором действительно находился миниатюрный радиомаяк. Не теряя времени, он установил его в специально подготовленном в секции Кью миниатюрном контейнере в каблуке левого ботинка. В правом каблуке находилась маленькая отмычка; две тончайшие вольфрамовые пилки для резки металла, гибкие, как ткань, были зашиты в лацканах его грифельно-серого шерстяного пиджака. С каждым годом такие приспособления становились все более и более совершенными, однако тайники для них оставались традиционными. Люди, спланировавшие и осуществившие операцию в Куортердеке, тоже профессионалы и вряд ли их проворонят. Бонд осознавал тот упрямый

факт, что, выполняя эту опасную миссию, как, впрочем, и все предыдущие, он может доверять до конца лишь тем невидимым и неосязаемым инструментам, которые находились в тайниках его собственного организма. Предстоящие события проверят их надежность по самым жестким стандартам. Все остальные инструменты могли в любую секунду отказать.

Бонд оглядел набитый до отказа, наполненный причудливыми звуками бар. Интересно, сможет ли он — просто из любопытства — определить местных агентов, приставленных к нему для наблюдения? (В целях сведения к минимуму вероятности предательства под пыткой в Секретной службе было заведено, что ни один агент не знает в лицо тех, с кем он работает, разумеется, если этого не требуют конкретные обстоятельства.) Казалось, в баре сидели лишь самые обыкновенные бизнесмены со своими женами — афинские банкиры, судовладельцы с островов, политики из Салоник, визитеры из Стамбула, Софии, Бухареста, чей социальный статус было определить сложнее, и, само собой, туристы — на всех лежал отпечаток солидной респектабельности.

Бонд решил остановиться в отеле «Гранд Бретань» потому, что здесь всегда было многолюдно,

к чему он теперь и стремился. К тому же ему импонировало чуть истрепавшееся великолепие отеля, хранившее атмосферу межвоенных десятилетий. Ему нравился высокий, просторный вестибюль с витражами, зеленоватые мраморные колонны, красивый гобелен — копия луврского оригинала, на котором изображен въезд Александра Великого в Вавилон; величественная фигура македонского царя, восседающего во главе свиты на откормленном, строптивом жеребце, своей пышностью и румянцем напоминала скорее Клеопатру. Также приятен был Бонду отделанный во французском вкусе бар с рублеными фронтонами, терракотовыми фризами и тяжелыми шелковыми портьерами, и еще — отнюдь не французская — вежливость невозмутимых официантов.

Было десять часов — время, когда обитатели фешенебельных кварталов Афин начинают подумывать о том, куда бы им отправиться ужинать. Бонд был голоден. Приземлившись днем в раскаленном, забитом людьми аэропорту близ горы Гимет, он почувствовал себя таким усталым, что не мог даже есть. Оставив чемоданы в отеле, он спустился в ближайшее кафе, расположенное тут же на тротуаре. Графинчик дешевого вина

под палящими лучами солнца явился идеальной прелюдией к семи часам обволакивающего сна в удобной постели номера 706, который он снимал всегда, когда бывал в Греции. Комната была не из тихих, но из ее окон открывался прекрасный вид на Акрополь и сверкающее вдалеке море.

Бонд был уверен, что к данному моменту противник уже знал о его прибытии, разработал окончательный план и занял исходные позиции. Пора идти. Бонд подозвал жестом официанта. Одновременно с ним тот же жест повторил и сидевший невдалеке мужчина. Он ничем не отличался от других посетителей бара, таких же благонравных обывателей. С ним был его приятель и две женщины, симпатичные, но не бросавшиеся в глаза. Они мирно беседовали. Люди Томаса. Совсем не похожи на тех молчаливых, суровых парней, которых он ожидал увидеть. Интересно было бы узнать…

Официант подал счет. Бонд уже доставал деньги, как вдруг его внимание привлекла возня, завязавшаяся за соседним столиком. Толстый, смуглый мужчина с пышными усами и внешностью турка схватил обнаженную руку сидевшей рядом с ним девушки и, притянув девушку к себе, с угрожающим видом что-то громко шептал ей.

Девушка была молода и необычайно красива. Ее отличали тонкие черты лица, полная грудь и пепельные светлые волосы, придававшие местным женщинам особую привлекательность. Теперь она пыталась отстраниться от тяжелой головы турка, ее красивый рот был искривлен, она тщетно старалась освободить руку. В широко раскрытых темных глазах застыло выражение страха и отвращения. В этот момент она заметила Бонда, который сидел в нескольких ярдах от нее и был единственным свободным мужчиной поблизости.

— Пожалуйста, — обратилась она по-английски не громко, но настойчиво. — Сделайте что-нибудь.

Бонд быстро оценил ситуацию. Он вполне мог бы расплатиться и уйти. Если турок не прекратит свои домогательства, официанты знают, как с ним поступить. С другой стороны, подсказывал Бонду профессиональный инстинкт, ситуация складывалась неординарная, резко контрастировавшая с атмосферой спокойного благополучия, которая царила в баре. И кроме того, девушка без всякого преувеличения была красива… Терять нечего. Он уже принял решение.

— Подождите минутку, — бросил он официанту

и, подойдя к столику, сел рядом с турком на зеленый плюшевый диван. — В чем дело?

— Он пристает ко мне, — в голосе девушки слышалась мольба, смешанная с отвращением. — Он говорит мне ужасные непристойности. Прошу вас, избавьте меня от него.

Греческий язык Бонда был по словарному запасу не богат, но зато очень продуманно подобран для всевозможных жизненных ситуаций. Наклонясь к самому уху турка, который смотрел на него с нескрываемым презрением, Бонд прохрипел:

— Fiye apo tho, malaka.[1]

Это было обычное в Греции ругательство, нисколько не скабрезнее того, что турок говорил девушке. И подействовало оно лишь благодаря той решительности, с которой Бонд его произнес, внезапно крепко сжав руку турка. Некоторое время они молча глядели друг на друга. Бонд все усиливал сжатие, отмечая про себя, что рука турка была гораздо крепче, чем можно было предположить судя по его дебелой фигуре. Наконец турок быстро и тихо отпустил девушку и, дождавшись, пока Бонд отпустит его руку, встал, оправил пиджак и молча покинул бар. Его уход

---

[1] Примечания: 1

Вали отсюда, дерьмо (греч.).

не остался незамеченным двумя парами, на которые Бонд обратил внимание еще раньше.

— Благодарю вас, — девушка прекрасно говорила на американском английском. — Мне очень жаль, что все так вышло. Но я не видела другого способа избавиться от него, не привлекая общего внимания. Вы обошлись с ним профессионально. — Она внезапно рассмеялась. Этот искренний, веселый смех наводил на подозрение, что ее страх прошел как-то чересчур скоро. — У вас, наверное, большой опыт.

— Выпьете со мной? — спросил Бонд, подзывая официанта. — Вы угадали, я только тем и занимаюсь, что спасаю девушек от разных не воздержанных на язык турок.

— Спасибо. Только Димас не турок, он ведет себя, как турок. И он мерзкий. Мои родители уговаривают меня выйти за него замуж — у него здесь прибыльный ковровый бизнес. Но теперь мама поговорит с отцом, и они не станут больше меня уговаривать. А у вас есть жена?

Бонд улыбнулся.

— Нет. И, наверное, никогда не будет. Что вам заказать?

— Узо со льдом, — сказала девушка, обращаясь у официанту. — Но только не это пойло «Сан

Риваль», которым вы всех пичкаете. Есть у вас «Бутариа»?

— Конечно, мадам. Что для вас, сэр?

— То же самое. И побольше льда.

— Вы знаете, что такое узо! — в глазах девушки заблестела заинтересованность. — Вы хорошо знаете Грецию?

— Грецию я знаю мало, но зато что знаю — люблю. Узо я знаю куда лучше, — греческий вариант французского перно с более резким запахом, но с тем же эффектом. Не могу сказать, что это мой любимый напиток.

— Клевета. И очень грубая… Французы похитили этот напиток у нас, добавили аромат аниса и перекрасили в зеленый цвет. Ужасно! Меня зовут Ариадна Александру.

— А меня — Бонд, Джеймс Бонд. Откуда вы узнали, что я говорю поанглийски?

Девушка опять расхохоталась.

— По-английски говорят сейчас многие. Но вы ко всему прочему еще и похожи на англичанина. Вас не спутаешь даже с американцем.

— Строго говоря, я вовсе не англичанин. Наполовину шотландец, наполовину швейцарец.

— Значит, англичане сделали вас похожим на себя. А что вы делаете в Афинах? По делам или

развлекаться?

— Вообще-то по делам, но надеюсь, что удастся и развлечься.

На какое-то время их взгляды встретились. Выдержав спокойно проницательный взгляд Бонда, Ариадна Александру отвернулась и принялась внимательно рассматривать, как стоявшие перед ними стаканчики с дымчатым напитком — таявшие кубики льда испускали белые перистые спирали постепенно наполнялись водой. Бонд любовался ее прекрасным профилем, по-настоящему греческим и при этом совсем не похожим на тот утрированный, носатый, «классический» греческий профиль, знакомый всем по античным изображениям. Ее лицо казалось словно высеченным из мрамора и расцвеченным мягчайшими мазками золотистой, белой, оливковой и розовой краски. Старинные серьги из чеканного золота в виде маленьких толстых обручей лишь усиливали эффект.

Несомненно, именно эта шикарная внешность и очевидная острота ума девушки заставили противника — а в его незримом присутствии за событиями последних пяти минут Бонд был абсолютно убежден — остановить свой выбор на ней. Ни кажущаяся уверенность Ариадны,

ни ее импульсивность не могли скрыть легко читавшегося рисунка схемы, по которой прошло их знакомство. Бонд догадывался, что предоставленная самой себе, Ариадна разыграла бы весь спектакль с куда большей фантазией. Такую сцену с неизменным любвеобильным турком мог выдумать лишь какой-нибудь заваленный работой начальник средней руки. Это ободряло — противник стал ленивее. Но Бонд отмел эту мысль в сторону: противник едва ли мог позволить себе подобное.

Подняв свой стаканчик, Ариадна смотрела на Бонда. На ее лице застыла полуулыбка — эта полуулыбка с опущенными вниз уголками рта, способная любое другое лицо лить обезобразить, у Ариадны наоборот подчеркивала бесконечно нежную, и вместе с тем решительную, линию губ.

— Я знаю, что вы ожидаете от меня сейчас услышать. — Уголки рта загнулись вверх. — Когда мы, греки, пьем за чье-либо здоровье, то говорим «ces iyian» — «ваше здоровье», или для краткости просто «yassou». Но в наши дни чаще можно услышать «чин-чин». — Ее улыбка увяла. — В Греции мало осталось греческого. И с каждым годом становится все меньше и меньше. Я заказываю узо

просто из любви к старине и из сентиментальности. Новые люди предпочитают пить «водка-тин» и скотч с содовой. Вы ужинаете один, мистер Бонд? Давайте пойдем куда-нибудь вместе.

Бонд невольно улыбнулся. Ему даже начинала нравиться тактика девушки сначала уходить в сторону от существа дела, а потом неожиданно возвращаться к нему прямым вопросом. Но другая часть сознания Бонда не могла не упрекнуть его. С какой стати он, прежде чем идти на прямой контакт с противником, не подумал о такой простой и очевидной мере безопасности, как захватить пистолет? Он уже ясно представлял себе, словно все это уже произошло — пустынная улица, куда его завезет девушка, берущие его в кольцо люди, машина, долгая дорога до болгарской границы и за нее, а потом… Довольно скверно на полный желудок, подумал он, мысленно усмехнувшись. Но был ли иной выход?

Бонд сделал небольшой глоток обманчиво мягкого на вкус напитка. Его аромат всегда напоминал Бонду микстуру от кашля, которой его лечили в детстве. Наконец он ответил:

— Прекрасно. С удовольствием. Но почему бы нам не поужинать в отеле? Я сегодня уже вдоволь находился и…

— Но ведь никто не ужинает в «Гранд Бретани», если есть возможность куда-то пойти! Здесь не интересно. Я поведу вас туда, где готовят настоящие греческие блюда. Хотите?

— Хочу. — Вероятно, следует чуть-чуть припугнуть противника. — Только я никогда не любил ложиться спать натощак.

В ее светло-карих глазах мелькнула тревожная искорка и тут же погасла.

— Я вас не понимаю. Все хорошие рестораны открыты допоздна. У нас самые старые в Европе традиции гостеприимства.

И это не просто фраза из туристического проспекта. Сами увидите.

— Черт возьми! — подумал Бонд, разозлившись на себя; сейчас он был обязан соглашаться на все. Время перехватывать инициативу еще не приспело. Он решил плыть по течению.

— Простите меня, — уступил он. — Я слишком привык к Англии, где часто приходится выбирать между ранним и вполне сносным ужином и поздним и плохим, или вообще никаким. Я весь в вашей власти, — добавил он, впрочем, почтя не погрешив против истины.

Спустя три минуты они стояли на ступенях отеля, их обступали высокие дорические колон-

ны. Площадь Конституции была залита ярким светом: на противоположной стороне площади за рядами деревьев — конторы авиакомпании Би-И-Эй, «Олимпик Эрлайнз» и Ти-Дабл-Ю-Эт, справа — «Американ Экспресс», слева — мягко подсвеченный монумент Неизвестному солдату. Бонд вспомнил слова Ариадны о том, что Греция постепенно теряет свой неповторимый колорит. Через каких-нибудь тридцать лет, а то и раньше, размышлял он, здесь воцарится одна культура; от Лос-Анджелеса до Иерусалима, а к тому времени, может, и до Калькутты, на три четверти света, раскинется единый, прерванный лишь Атлантическим океаном, комплекс суперразвязок, киосков с хот-догами и неоновых реклам. Там, где жили когда-то американцы, британцы, французы, итальянцы или греки, будут жить граждане Запада, в равной степени благополучные, в равной степени мучимые комплексом вины и различными неврозами, в равной степени подверженные алкоголизму и тяге к самоубийству; одинаковые во всем. Но так ли уж все безнадежно? — спрашивал себя Бонд. Даже в самом худшем варианте это не шло ни в какое сравнение с тем, что мог предложить Восток, где рабство процветало не само по себе,

а сознательно и безраздельно насаждалось государством. По-прежнему оставались две стороны — сомнительное и далеко не очевидное добро и безусловное и совершенное в своей законченности зло.

Облаченный в серую униформу швейцар дунул в свисток, и к тротуару подкатило ничем с виду не примечательное такси. Бонд взял Ариадну под руку, рука была напряжена, кожа отдавала приятной прохладой. Ариадна что-то быстро сказала шоферу — пожилому, с брюшком греку, в облике которого также не было ничего подозрительного — и они тронулись.

Ариадна изучала профиль Бонда. Как всегда инструкции ее начальников сводились лишь к самому необходимому. На этот раз ей только велели заставить англичанина пойти с ней в указанный район, где операцию продолжат другие люди. Официально дальнейшая судьба Бонда ее не касалась. Однако сейчас этот вопрос все больше и больше беспокоил ее как женщину, женщину, которая умела с первого взгляда распознать мужчину, знающего толк в любви. Бонд был таким мужчиной. В том, что и он находил ее желанной, Ариадна не сомневалась. Но будучи всецело преданной своему делу, она даже

не допускала и мысли о том, чтобы ослушаться приказа, то есть позволить Бонду привести ее к себе в номер и сделать с ней все, что ему захочется. Она могла только страстно мечтать о том, чтобы это было возможно. Его рот создан для того, чтобы осыпать ее неистовыми поцелуями, а не искажаться предсмертной агонией; его руки существовали для того, чтобы ласкать ее тело, а не быть растоптанными сапогом истязателя. Эти картины так живо стояли перед ее глазами, что, пока они медленно приближались к подножью Акрополя, она едва могла вымолвить хоть слово.

Сидевший рядом с ней Бонд ошибочно считал, что это ее молчание было вызвано напряжением. Он уже начал строить догадки, как станут развиваться события. На каждом перекрестке он ждал, что шофер неожиданно прибавит газ и свернет в какой-нибудь темный переулок, где их уже ждут. Он машинально прикидывал, какие контрмеры ему удастся предпринять, как вдруг с тошнотой вспомнил, что ничего этого не нужно, и что сегодняшнее похищение было не опасностью, которую следует избежать, а целью, к которой необходимо стремиться. Вдруг улица стала шире, тени отступили, и такси, замедляя ход, поползло к вершине холма, где мерцали огни ресторана

под открытым небом. Водитель затормозил, выключил двигатель и стал спокойно ждать, пока с ним расплатятся.

Отдавая деньги шоферу Бонд хладнокровно рассудил, что будет вести себя так, как будто это была обыкновенная встреча английского визитера с очаровательной гречанкой, которой не терпится развлечь гостя. Когда они подходили к узкой лесенке, ведущей к ресторану, их плечи на мгновение соприкоснулись. Бонд обнял Ариадну за талию и прошептал:

— Будем наслаждаться нашим ужином. Никто не в силах нам в этом помешать.

Изогнув спину не то в волнении, не то в любовной истоме, она обернулась к нему, ее упругая грудь коснулась его руки. Было достаточно светло, и он разглядел, как в ее глазах и на губах промелькнула выражение открытого вызова. Ее рука со странной доверительностью пожала его руку.

— Никто и не помешает, — ответила она. — Никто не испортит нам ужин… Джеймс. Можно, я буду так тебя называть? А ты называй меня Ариадной, если выговоришь.

— Ариадна. Ничего сложного. Всего четыре прелестных слога.

— Настоящей Ариадне было уготовано стать женой афинского царя Тезея. Она помогла ему убить Минотавра — монстра с головой быка, обитавшего в лабиринте. Но потом Тезей уплыл, оставив ее на острове Наксос, чтобы…

— Чтобы?

— Я забыла, что было дальше. Кажется, потом он победил Калидонского вепря. Во всяком случае, Ариадне не долго пришлось быть одной. Случилось так, что поблизости пролетал бог виноделия Дионис, он-то и похитил ее. По странному стечению обстоятельств, этот ресторанчик назван в его честь. О чем ты задумался? Красиво, правда?

С вершины лестницы открывалась панорама Акрополя — громадную скалу украшали храмы эпохи золотого века Афин, ее основание освещали огни театра Герода Аттика. Панораму венчала залитая лунным светом громада Парфенона святилища богини Афины, которое, Бонд знал, считается самым красивым сооружением в мире. Теперь он убедился, что храм действительно был прекрасен, однако ему не давал покоя тот крошечный эпизод, произошедший минуту назад Ариадна Александру прервала свой рассказ так, как человек едва не выдавший по оплошности важный секрет. Но что важного или секретного

может быть в подвиге мифологического героя?

Не найдя ответа, Бонд забыл об эпизоде. Он ощущал прилив нежности, видя, как страстно хочется Ариадне, чтобы этот великолепный вид произвел на него впечатление.

— Никогда в жизни я не видел ничего подобного, — однако его слова прозвучали как-то натянуто.

— Я рада, что тебе нравится, потому что это самая главная наша достопримечательность. — Она вошла в ресторан. — Кухня здесь довольно-таки дорогая и претенциозная, хотя если знать, что заказывать, можно вполне сносно поесть. Предоставь это мне.

— Охотно.

С их столика, окруженного кактусовыми клумбами, помимо замечательного вида Акрополя, открывался также отличный обзор входа в ресторан, куда минуту спустя, по-прежнему оживленно беседуя, вошли те две пары, которые Бонд определил как людей Томаса. Он сделал вид, что не узнал их, но не просто из элементарной предосторожности, а еще и потому, что их появление неприятно напоминало ему о суровой реальности. Его воображение рисовало куда более привлекательные картины. Он представлял, что

им с Ариадной суждено было стать этой ночью любовниками. Он видел, как срывает с этих грациозных плеч белое пикейное платье с низким вырезом, вдыхая аромат ее теплой обнаженной кожи. Их взгляды встретились, и они не отводили глаз целое мгновение. Бонд не сомневался, что Ариадна знала его мысли — знала и разделяла их. Но она, видимо, тоже осознавала, что эта мечта должна остаться лишь мечтой.

Они начали ужин нежными молодыми лангустами, приправленными свежим майонезом, которые просто таяли по рту. Бонд упивался ароматом экзотической пищи, чистым и теплым восточно-средиземноморским воздухом, спокойной торжественностью атмосферы, могучим постоянством античных строений. Кроме того, напротив него сидела красивая девушка, которая ела не спеша и С видимым удовольствием.

Ариадна вскинула голову и улыбнулась.

— Тебе правда нравится наша кухня?

— Конечно. Все приготовлено из настоящих продуктов и имеет вкус. Чего же еще желать?

— Многие твои соотечественники предпочитают другую пищу. Бифштекс, яйца с беконом, картофель по-французски.

— Англичане называют это чипсами.

— Только не здесь. Здесь это давно называют картофель по-французски. Но ты ведь не очень похож на англичанина. Даже совсем не похож. Я слышала, что то же самое говорили о вашем лорде Байроне.

— Уверен, что ты хотела сделать мне комплимент, — сказал Бонд, едва сдерживая улыбку, — но мне вовсе не льстит сравнение с Байроном. Как поэт он напыщен и претенциозен, к тому же, растолстев еще в молодости, он вынужден был сидеть на чудовищной диете, а его вкус на женщин — просто ниже всякой критики. Ну а борец за свободу в нем так никогда и не родился.

Губы Ариадны вытянулись в жесткую, прямую линию. Теперь ее голос был ровен и рассудителен, каждое слово взвешено и твердо, видимо (догадался Бонд) в центре политической индоктринации, где ее натаскивали, считалось, что идеологические дискуссии следует вести именно таким образом. Но ее удивительная женственность неизменно брала верх над формулами талмудистов от Маркса и Ленина, превращая суровую искренность чопорной классной дамы в юную и трогательную женственность. Бонд порой ловил себя на мысли, что он жалеет, что игра остается только игрой.

— Тебе не подобает отзываться столь легкомысленно об одном из твоих величайших соотечественников, — сурово отчитала она Бонда. — Лорд Байрон был основателем романтического направления в вашей литературе. И его изгнание из Англии стало победой буржуазной морали. То, что он умер раньше, чем смог повести войска против угнетателей, было трагедией его жизни.

(Урок № 1, с иронией подумал Бонд. Рождение греческой нации. Война за Независимость. Поражение турок).

— Но его поддержка дела греков деньгами и влиянием… — Ариадна запнулась, словно потеряв на миг пить рассуждений, и продолжала уже в куда более свойственном для нее горячем тоне. — Ни один грек никогда этого не забудет, вот и все. Справедливо или нет, но он наш национальный герой, и ты обязан им гордиться.

— Попробую. Наверное, меня чересчур им пичкали в школе. Чайльд Гарольд казался мне не особенно симпатичным парнем.

Помолчав немного, Ариадна тихо сказала:

— Дело, конечно, не только в нем. Англичане много нам помогали. Давно, не сейчас. Но мы этого не забыли. Несмотря на Кипр, несмотря на…

многое, мы по-прежнему…

Бонд не удержался.

— Несмотря на то, что мы помогли вашему правительству подавить после войны коммунистов.

— Если хочешь, так. — В ее светло-карих глазах появилось выражение искренности и тревоги. — Это было ужасно, вся эта война. Для всех. История может быть очень жестокой. Если бы только можно было исправить прошлое.

В сознании Бонда, впервые за все это время, промелькнула искра надежды. Каким бы безжалостным противник ни оказался в целом, тот конкретный противник, который сидел сейчас перед ним, был вовсе не так страшен. Он нашел человека, которого, при удачном стечения обстоятельств, видимо, удастся превратить в союзника.

Эта мысль не покидала Бонда, пока они непринужденно и с одинаковой неприязнью разговаривали о греческих богачах и о выходках пароходных королей. Компетентность, звучавшая в словах Ариадны, утвердила Бонда в мнении, что она, вероятно, пришла к коммунизму не по местным или семейным традициям, а через протест против прививавшегося ей с детства культа денег; не как готовый разрушить все и вся воинственный голодранец, а как разо-

чаровавшийся отпрыск буржуазного семейства. Еще один плюс в его пользу! Бонд чувствовал себя на верху блаженства: ему очень нравились приготовленные на углях бараньи котлеты с горьким местным шпинатом, он наслаждался тонким букетом рецины. Этот сорт белого вина, настоянный на изюме и, по мнению некоторых ценителей, отдававший мускатом и имевший едва отличимый привкус металла, всегда казался Бонду воплощением греческого духа в напитке — в нем был и луч солнца, и аромат наполненных зноем кипарисовых рощ, и соль Эгейского моря.

Однако события не замедлили вернуть Бонда к реальности. Когда они пили терпкий, с привкусом дыма кофе по-турецки, Ариадна быстро сказала:

— Джеймс. Я хочу тебя о чем-то попросить. Сейчас половина двенадцатого, сегодня полнолуние, и Акрополь открыт допоздна. Если мы сейчас уйдем, то успеем его осмотреть. Ты должен увидеть его ночью. Это неописуемое зрелище. И мне самой хочется побывать там еще раз. Вместе с тобой. Ты поведешь меня? А после… мы будем делать все, что ты пожелаешь.

Боже! От банальности сюжета Бонд едва не поперхнулся. Выбор места для его похищения

тошнотворно попахивал дешевой мелодрамой. Но, подавив в себе отвращение, Бонд со всей любезностью, на которую был только сейчас способен, ответил:

— Конечно. Похоже, у меня нет иного выхода.

VII. «Под колпаком»

Пожалуй, стоит сказать о том, что Парфеноном лучше всего любоваться издали. Не секрет, что в XVII веке храм был варварски разрушен в результате войны, заполнившейся именно благодаря этому событию. Реставрационные работы в их теперешнем состоянии отличаются крайней некомпетентностью, но даже немцы или, положим, американцы, бездушно и рационально, следуя рекомендациям самых авторитетных историков, попросту бы воссоздали храм заново — без единой погрешности, но при этом начисто лишив его жизни. Однако при лунном свете, когда безобразные строительные леса окутывал мрак, и внешний мир был как бы отгорожен стеной, эти высокие колонны казались не просто глыбами битого античного мрамора — от них веяло дыханием канувших в небытие веков.

Такие раздумия здесь посещали всех и не обошли стороной даже Джеймса Бонда, когда он вместе с Ариадной проходил вдоль южного нефа храма, готовый в любую секунду действовать. Навстречу им изредка попадались прогуливав-

шиеся кто парами, а кто в одиночку поздние посетители: большей частью туристы и влюбленные, стремившиеся использовать до конца те считанные минуты, что оставались до закрытия музея. Разумеется здесь, на каменистой и открытой ветрам площадке Акрополя, находились и те, кто не относился ни к тем, ни к другим. Но Бонд не стал бы тратить и капли энергии, чтобы попытаться определить их. В нужный момент подойдут сами.

Момент этот настал довольно скоро. Наблюдавший все время за Ариадной Бонд вдруг заметил, что выражение ее лица странно переменилось. Она повернулась к нему, и его сердце наполнилось страстью и отчаянием.

— Джеймс, — выдохнула она. — Khrisi mou[2]. Милый. Поцелуй меня.

Он обнял ее и тут же почувствовал, как прильнуло к нему ее скованное напряжением тело, а спустя мгновение ощутил сухой и решительный поцелуй ее губ. Отстранившись, она посмотрела ему прямо в глаза.

— Прости меня.

Ее взгляд скользнул куда-то поверх плеча Бон-

---

[2] Примечания: 2
Дорогой мой (греч.).

да, она нахмурилась. Через несколько секунд подошли они. Их было двое, оба высокие, один здоровый, другой среднего телосложения. Не вынимая рук из карманов пиджаков, они обступили Бонда с двух сторон. Тот, что здоровее, приказал Бонду по-гречески идти с ними и добавил еще что-то, чего Бонд не понял. Девушка задала короткий вопрос второму, и тот почти сразу и так же коротко ей ответил. Удовлетворенно кивнув, Ариадна Александру приблизилась к Бонду и плюнула ему в лицо.

Не успел он опомниться, как девушка пустила в ход руки. Это были не слабые пощечины уязвленной женщины, а жалящие удары доведенной до исступления львицы, от которых голова Бонда металась из стороны в сторону. Из оскаленного рта Ариадны выплескивался целый поток греческих ругательств, из которых «английская свинья» было самым пристойным. Физическую боль усугубило чувство разочарования. Мельком бросив взгляд на толстяка, Бонд заметил его смущенную ухмылку.

Не переставая наносить удары, Ариадна неожиданно перешла на английский. Тон ее разгневанных выкриков нисколько не изменился, со стороны казалось, что она по-прежнему про-

клинает врага, но уже на его собственном языке. Однако слова были другими.

— Слушай меня. Эти люди… враги, — Удар! — Мы должны бежать. Я беру на себя толстяка. А ты, — удар! — второго. Потом… сразу за мной.

Оставив Бонда, Ариадна со смехом приблизилась к толстяку и неожиданно ударила его коленом в пах, ее хищно растопыренные пальцы впились в его лицо. Толстяк пронзительно взвыл. Не отдавая себе ясного отчета в происходящем. Бонд кинулся на второго и что было сил нанес ему рубящий удар ладонью в шею. Толстяк, закрывший лицо руками, теперь присел. Не долго думая, Бонд опустил сцепленные в замок кулаки на его череп, схватил Ариадну и бросился бежать.

Они бежали вдоль погруженных во тьму колоннад в направлении западного выхода. Мощенная мраморными плитами дорожка сменилась неровной, бугристой почвой, тут и там поросшей кустиками скользкой травы. Мимо промелькнули двое долговязых, сутулых юнцов — немцев, судя по внешности… Внезапно Ариадна потянула куда-то влево. Правильно, у выхода их могут ждать. Но есть ли здесь запасной выход? Он не помнил. Куда же тогда они направляются! Хватит вопросов — если уж он решил довериться девуш-

ке, то отступать в любом случае поздно. Погоня продолжалась.

Где-то сзади раздались крики. За спиной осталась еще пара застывших в изумлении лиц. Наконец они оказались у края скалы. Скала была слишком высока, чтобы с нее прыгать, и слишком крута, чтобы спускаться по ней в такой спешке, но из того места, в котором, соединяясь со стеной, скала образовывала угол, вниз уходил толстый электрокабель. Выбора нет — вместе с девушкой вниз, по неровной, почти отвесной скале, держась за кабель. Наконец скала стала более отлогой, предстоял еще один — последний — отрезок спуска, который в значительной степени облегчал единственный натянутый здесь горизонтально кабель. Теперь совместный рывок по усеянному камнями открытому пространству. В ярде от них возник фонтанчик песка. Звука не последовало — значит, пистолет с глушителем. Откуда-то сверху доносился шум погони и проклятия. Беглецам оставалось лишь спрыгнуть с крыши примыкавшего к скале киоска, завернуть за угол, сбежать вниз по тропинке. Впереди виднелась металлическая загородка, а за ней — толпа людей. Перемахнуть через загородку, помочь перелезть девушке и смешаться с толпой

уже труда не составило.

Ариадну разбирал безудержный смех.

— Театр Города Аттика. Представление закончилось. Во всех отношениях, надеюсь.

Взгляд Бонда был полон восхищения. Каковы бы ни были мотивы поведения девушки, она показала себя быстрым, надежным, решительным, а главное, понастоящему незаменимым помощником. Он облегченно вздохнул.

— Хорошо, что ты знала об этом пути.

— О, мы готовим операции очень тщательно. Я могу нарисовать план Акрополя с закрытыми глазами.

— Кто это «мы»?

— Возможно, я расскажу тебе потом. Сейчас твое дело — пробиться сквозь эту толпу, вывести нас на улицу и любой ценой схватить первую же машину. Покажи, каким грубым, не похожим на джентльмена ты можешь быть.

Следующие несколько минут прошли в неимоверной давке и толкотне. Бонд чувствовал, как по его спине и груди градом стекает пот. Зрители явно не торопились расходиться, они были в приподнятом настроении, оживленно переговаривались и вовсе не собирались скандалить с теми, кто их толкал, впрочем, они этого и не

замечали. Дважды Бонд и Ариадна теряли друг друга, но в конце концов выбрались на свободное пространство. Стоянка такси стала местом очередной короткой свалки, Ариадна, не умолкая ни на секунду, чтото кричала об аэропорте и внезапно заболевшем отце мужа. Наконец они сели в такси и поехали.

Дрожа всем телом, Ариадна прижалась к Бонду, ее губы, прильнувшие к его щеке, тоже дрожали. Бонд обнял ее за плечи и притянул к себе. Теперь, после выматывающего нервного и физического напряжения, которого потребовала от них погоня, Ариадна была почти что полностью обессилена. Бонд пытался ее успокоить.

— Прости, что я плевала в тебя, — порывисто прошептала она и провела рукой по щеке. — Но я должна была это сделать. И все те мерзости, которые я тебе говорила. Я надеялась, что ты не поймешь. Ты ведь не думаешь, что я…

— Ты была великолепна, нет слов. Я не знаю никого, кто мог бы с такой скоростью придумать план и так профессионально его осуществить. Ты обманула их обоих. Но теперь… я должен задать тебе несколько вопросов. Верно?

Она уткнулась лицом в его плечо, и он почувствовал, как она кивнула.

— Тебе дали задание заманить меня в Акрополь, где меня должны были схватить ваши люди?

Она хотела было протестовать.

— Но я вовсе не хотела…

— Оставим это пока. Когда появились эти люди, как ты догадалась, что это не те?

Ариадна сглотнула и выпрямилась.

— Мы… Прежде чем приступить к выполнению операции, они должны были дать условный знак. Носовой платок. Они не дали. Тогда я сказала, что знаю, что операция поручена Легакису и Пападогонасу. Но этот ответил мне, что Легакису и Пападогонасу поручено другое задание. Но ведь люди с такими именами па нас не работают. И я решила пойти на хитрость, поскольку была уверена, что они не понимают по-английски. И вот мы здесь. Дать мне сигарету?

— Конечно.

Бонд протянул ей пачку «Ксанфи». Бывая в Греции, он всегда курил этот пикантный македонский табак и теперь, закурив сигарету, глубоко затянулся. Он ощущал внутренний подъем, почти ликование. Независимо о того, что ожидало его в недалеком будущем, казавшееся неизбежным похищение провалилось. Он по-прежнему был свободен, и инициатива больше

не находилась безраздельно в руках противника… или противников.

— Ариадна, на кого ты работаешь? Ты обещала рассказать.

Стоило ей заговорить, как к ней вернулись прежние быстрота и уверенность.

— Я сказала «возможно». И это остается в силе. Но пока я ничего не могу тебе рассказать. К тому же я сама многого еще не знаю. Кто были те люди? Мне страшно. За последние часы ситуация, похоже, в корне изменилась. Может быть, теперь ты нам вовсе не понадобишься. Не понимаю, что могло произойти…

Она думала вслух, но ее голос умолк прежде, чем она успела выразить что-либо более существенное, нежели свое замешательство. К этому времени Бонд уже имел собственную версию относительно недавних событий в Акрополе. А пока ему оставалось лишь положиться на микрорадиомаяк в его ботинке и па расторопность людей Томаса. Он сухо спросил:

— Куда ты меня везешь?

— К шефу. Он должен с тобой побеседовать. Разумеется, если ты этого хочешь. Ты можешь в любой момент остановить шофера и выйти. Но прошу, не делай этого. Нам необходимо во всем

разобраться. Ты доверяешь мне?

— Доверие тут не причем. Я должен ехать с тобой.

— Не понимаю. Как, впрочем, и многое из того, что сейчас происходит. Обернувшись к нему, Ариадна сжала его руки. — Но у меня все же есть причина чувствовать себя счастливой. Нет, не счастливой, а менее несчастной, чем четверть часа назад, когда я думала, что больше никогда тебя не увижу. Мы опять вместе. Конечно, что касается остального, ты вправе мне не доверять, но этому-то ты веришь, правда, Джеймс? Ты ведь веришь, что я хочу, чтобы мы всегда были вместе?

— Да, — Бонд не лгал. — Я верю тебе, Ариадна.

Они поцеловались, и на мгновение этот мир враждебности, насилия и предательства, в котором им приходилось жить, исчез. Машина притормозила и остановилась. Они отпрянули друг от друга. Из такси они выходили, стараясь держать себя как можно непринужденнее. Бонд заплатил водителю.

Это была узкая улочка на окраине города, расположенной неподалеку от Пирея, с маленьким баром, где дремал одинокий пьяница, лавкой зеленщика, длинным зданием, похожим на школу, и рядами домов самых причудливых форм,

но одинаково белых. Один из домов стоял в глубине улицы, от которой его отделяло ржавое ограждение. Ариадна открыла калитку, которая безжалостно заскрипела, и они оказались в небольшом мощеном дворике, заросшем диким виноградом и лавром. Мимо них прошмыгнула голодная пестрая кошка и, проскочив под оградой, скрылась. Подойдя к двери, Ариадна постучала условным кодом и взяла Бонда за руку.

Щелкнули замки, и дверь отворилась. Перед ними стоял человек, которого Ариадна назвала Димасом. При виде их он издал стон ужаса, но не прошло и тысячной доли секунды, как у него в руке оказался пистолет. Он знаком велел им войти и стал запирать дверь наощупь, ни на секунду не сводя с Бонда ни взгляда, ни пистолета. Ариадна прошла через квадратный, выложенный плиткой холл. Бонд не отставал от нее ни на шаг.

За дешевым, цвета ячменного сахара столом сидели двое. Оба тут же вскочили и, перебивая друг друга, стали забрасывать Ариадну вопросами. В течение последовавшей словесной перепалки, сопровождавшейся оживленной жестикуляцией. Бонд изучал людей. Одному было за тридцать; темноволосый, приятной внешности, немного тяжеловатый для своих лет — грек. Другому можно

было дать от сорока до шестидесяти; худощавый, с седыми коротко стриженными волосами, он говорил по-гречески с тяжелым акцентом — русский. Сомнений нет. Первый пункт ясен. Бонд успел даже подумать о том, не в этом ли доме находился и М. После акции в Куортердеке он, насколько позволяли обстоятельства, старался избегать сознательно думать об адмирале, зная, что эти размышления неизменно туманят его мозг бесполезной, бессмысленной яростью и ненавистью. Так случилось и теперь — сжав зубы, он заставил себя сосредоточить все внимание на нынешней ситуации.

Грек, покусывая губы, поспешил к заваленному бумагами бюро с поднятой крышкой и стал судорожно звонить. Русский продолжал свой диалог с Ариадной еще некоторое время. Его взгляд все чаще и чаще останавливался на Бонде, наконец жестом руки он отпустил девушку и подошел ближе. Он казался усталым и напуганным.

— Меры предосторожности, мистер Бонд, — по-английски он говорил с таким же заметным акцентом, как и по-гречески. — Медленно вытащите ваш пистолет и отдайте его мне.

Помня, что сбоку стоит Димас, Бонд повиновался. Прежде чем положить пистолет на бюро,

русский быстро и с видом знатока осмотрел оружие.

— Садитесь, мистер Бонд. Выпьете? Сев рядом с Ариадной на тронутый молью диван, Бонд удивленно вскинул голову.

— Охотно. Благодарю. Русский сделал Димасу знак.

— К сожалению, у нас только узо. Мы в курсе, что вы предпочитаете виски, но наш бюджет не позволяет нам его покупать. Кажется, вы называете это «экономить на сырных корках»?

Его тонкие губы искривились в усмешке. Нервы у тебя железные, подумал Бонд. Ты хоть и перепуган почти до смерти, однако гордость не позволяет тебе показывать это. Бонд кивнул и улыбнулся в ответ.

Димас протянул Бонду стаканчик для полоскания рта, наполовину наполненный мутной жидкостью.

— Fiye apo tho, malaka! — с угрозой проговорил он, заглядывая Бонду в лицо. Затем, разразившись хохотом, он треснул Бонда по спине. — Bravo! Ees iyian!

— Итак, мистер Бонд, — русский сердитым жестом велел Димасу отойти и облокотился о край стола. — Моя фамилия Гордиенко, моего помощ-

ника зовут Маркос. У нас мало времени, поэтому я вынужден просить вас проявить благоразумие и отвечать на мои вопросы. Как вы догадываетесь, сегодня вечером вас должны были захватить и доставить сюда. Вы избежали похищения, однако все равно оказались здесь. Почему?

— А разве у меня был выбор? Вам это должно быть ясно.

— Тем не менее, мае ничего не ясно. Ответьте тогда — какова цель вашей поездки в Грецию? Бонд в изумлении посмотрел на него.

— О Боже, да ведь это вы заставили меня сюда приехать!

Теперь настала очередь Гордиенко удивляться, он пожал плечами.

— Возможно, мне не стоило задавать вам этот вопрос сейчас. Все как-то перепуталось. Но хотя бы скажите, кто, по-вашему, организовал покушение на вас?

— Не знаю. Какая-нибудь могущественная частная организация. Во всяком случае, попытка провалилась. Теперь я задам вам вопрос. Где ваш другой пленник? Он здесь?

— Это… — На Гордиенко было жалко смотреть. — Понятия не имею, о чем вы.

— А сейчас кто поступает не разумно? Тогда

другой вопрос. Что вам нужно от меня? Я в полном вашем распоряжении. И вы, безусловно, можете мне об этом сказать.

— Могу, — Гордиенко оживился. — Да, могу. Вашей персоне придается огромное значение, мистер Бонд. Такое огромное, что операцию по вашему захвату передали в ведение… Другого офицера.

(Ага! — подумал Бонд, — мне следовало догадаться, что фокус в Акрополе не в твоем стиле).

— После пленения вас должны были продержать под охраной на этой явке приблизительно три дня, а затем отпустить. Вас также должны были допросить о целях вашего визита в Афины. Такие я получил указания. Скажу по секрету, вторая часть приказа внушала мне серьезные сомнения. Известно, что вы весьма устойчивы к допросам.

Бонд погасил в себе волну возбуждения. Он был почти уверен, что раскопал правду. Гордиенко производил впечатление неглупого человека и должен был отчетливо представлять, что ложь в такой ответственный момент ни к чему бы не привела. Проанализировав ситуацию, Бонд пришел к выводу, что, вырвавшись из сетей одного заговора, он увяз в другом, и что люди

на Акрополе были исполнителями настоящего, первоначального, грандиозного по своей чудовищности заговора. Это означало, что соглашение с русским было, в принципе, вполне реально. Однако следует соблюдать осторожность, ведь пока это — только предположение. В избранном ими пути нет определенности до тех пор, пока он не пройден до конца, если об этом вообще может идти речь. Бонд спокойно проговорил:

— Кажется, я вам верю. Похоже, нас просто столкнули лбами. Мы ведь привыкли считать, что есть только две стороны, и всегда забываем, что может быть и третья, враждебная нам обоим. Предлагаю на время объединить наши силы.

— Идет, — с испещренного морщинками лица Гордиенко спало напряжение. Он опять подал знак Димасу. — Обменяемся информацией. По крайней мере, ее частью. Наша сторона проводит в данном регионе важное, гм, мероприятие. Могу дать гарантию, что оно не направлено против вашей стороны. Его цель усилить здесь наше влияние, но не за ваш счет. Efkharisto![3]

Гордиенко принял от Димаса стакан с узо и принялся искоса разглядывать напиток.

---

[3] Примечания: 3
Спасибо! (греч.).

— Я тоже с удовольствием выпил бы чего-нибудь другого, но «нейтральный» напиток, по крайней мере, дает нам гарантию, что наши национальные чувства не будут оскорблены. — Его рот вновь исказился, но на этот раз с отдаленным намеком на теплоту. — За нашу удачу.

— Она нам понадобится, — Бонд поднял свой стакан и выпил.

— Итак. Мое задание состояло в том, чтобы исключить всякое постороннее вмешательство. Когда наши наблюдатели доложили о вашем прибытии, я передал информацию выше и получил приказ — принять меры предосторожности. Ваше присутствие в такой момент едва ли могло быть случайным. Нам известно, что в прошлом вы осуществили ряд успешных вмешательств… Na?[4]

Маркос повесил трубку. Подойдя к Гордиенко, он посмотрел ему прямо в глаза; его бил озноб, по лицу струился пот. Теперь настала его очередь обрушить поток информации на греческом. Бонд понимал далеко не все, но то, что он понимал, было крайне обескураживающе. Судя по лицам Гордиенко и Ариадны, они разделяли его тревогу.

---

[4] Примечания: 4
Да? (греч.).

Когда рассказ кончился и Маркос со вновь полученными инструкциями возвратился к аппарату, Гордиенко повернулся к Бонду. Его лицо стало серее прежнего. Тщательно поправив очки в тонкой проволочной оправе, он сообщил:

— Наш общий враг приступил в делу, не ведая жалости. Люди, которым было поручено похитить вас, убиты.

У Ариадны перехватило дыхание.

— Как вы понимаете, мистер Бонд, убийство агентов в мирное время случай из ряда вон выходящий. Случается, конечно, — его рот на мгновение исказился, — но редко. Боюсь, противник поставил себе целью, ни больше ни меньше, как срыв намеченного нами мероприятия. Последствия могут быть самые серьезные. Вплоть до международного вооруженного конфликта. И находящиеся в моем распоряжении силы настолько незначительны на этом уровне, что теперь потеряли всякое значение.

Гордиенко конвульсивно осушил стакан. Взгляд его был суров.

— В нашей организации действует двойной агент. Иного объяснения происшедшим событиям я не нахожу. Мне стыдно в этом признаваться, но ведь мы союзники. И чуть не забыл… я хочу,

чтобы мы пожали друг другу руки.

Бонд поднялся и без колебания протянул руку. Пожатие русского было крепким и сухим.

— Все, кто планировал ваше похищение, автоматически попадают под подозрение. — Гордиенко вновь неудобно облокотился о край стола. — С двоих я сразу могу снять подозрение. Оба они присутствуют здесь. Маркос неотлучно находился со мной с тех пор, как мы получили рапорт о вашем прибытии. Мисс Александру не знала всех деталей операции. Рассуждая логически, я не могу исключать Димаса, но ему я полностью доверяю. Мой план прост. Вместе с этими тремя помощниками я перехожу на другую явку, адрес которой известен только мне, и руковожу дальнейшими действиями оттуда. Москва пришлет мне замену, а Маркос наберет новых помощников из местных, но на это уйдет время. А у нас его почти нет. Вы хотите пойти с нами, мистер Бонд, или сперва хотите связаться с вашим командованием? В любом случае, я хотел бы услышать от вас ту информацию, которой вы вправе с нами поделиться.

Прежде чем Бонд мог ответить, с улицы отчетливо донесся скрип калитки (несмазанной специально, догадался он). У Гордиенко вытяну-

лось лицо. Он кивнул Димасу, и тот направился к двери. Затем в дверь постучали тем же условным кодом, каким пользовалась Ариадна. Маркос обмяк. Но остальных троих напряжение не отпускало. Гордиенко отдал короткую команду. Димас, молча и без колебаний, пересек тускло освещенный холл, накинул цепочку и, приоткрыв дверь на несколько дюймов, тут же ее захлопнул. Его возвращение в комнату было уже не столь уверенным и отнюдь не молчаливым.

С трудом добравшись до ожидавших его людей. Димас уставился левым глазом на Гордиенко. На месте правого глаза зияла кровавая, с фиолетово-черными краями дыра. Потом его тело стало обмякать, словно жизнь покидала его, превращая плоть в песок, и рухнуло к ногам Гордиенко.

VIII. Военный совет

Теперь времени для колебаний не оставалось. Бонд поймал налету брошенный ему Гордиенко автоматический «вальтер». Маркос рванулся к выключателю, и комната погрузилась в кромешную тьму. Кто-то — похоже, Гордиенко — натыкаясь в темноте на всевозможные предметы, попытался пробраться к окну.

— Назад, — отрывисто скомандовал Бонд, — там может быть засада. Будем прорываться через главный вход.

— Правильно. Спасибо.

Они перебрались в холл, куда почти не проникал свет, и Гордиенко, стараясь действовать бесшумно, отсоединил от двери цепочку.

— Выждем минуту, пусть их внимание немного притупится. Будем выходить в таком порядке: Маркос, мистер Бонд, мисс Александру и я. В тридцати ярдах отсюда — в конце улицы, слева — есть переулок, с обеих сторон которого тянутся высокие стены. Встретимся там.

Гордиенко переключился на греческий, Маркос коротко ему ответил. Затем наступила пауза.

Ариадна поймала руку Бонда и прижала к своей груди. Бонд ощутил, как бьется ее сердце — торопливо, но без испуга. Он прижал ее руку к своим губам.

— Удачи, друзья. — Гордиенко осторожно повернул ручку двери. Бонду на миг показалось, что Гордиенко легко коснулся плеча Маркоса. Потом дверь широко распахнулась, и они рванулись вперед.

Оказалось, враг допустил счастливую, почти спасительную оплошность забыл запереть калитку. И к тому времени, когда грянул первый выстрел, все четверо уже достигли освещенной тусклым лунным светом мостовой. Огонь вели с противоположной стороны улицы, от погруженных в тень дверей лавки. Почти сразу же раздался удивленный полувскрик-полустон Маркоса, и он, закинув назад голову и пробежав по инерции несколько шагов, упал. Бонд, почти не целясь, выпалил по дверному проему очередь из трех выстрелов, слившихся в один долгий выстрел и наполнивших тесную, мощенную булыжником улицу трескучим эхом. Молниеносно кинув взгляд влево, он увидел мчавшуюся со скоростью олимпийского спринтера Ариадну. От него и от Гордиенко ее отделяло равное расстояние, что

лишало противника возможности вести убийственный огонь по групповой мишени. Молодец девчонка!

В пространстве между Бондом и Ариадной что-то прожужжало в воздухе на уровне колена. Вспышки сверкали откуда-то спереди, по всей видимости, из того переулка, о котором ранее говорил Гордиенко. Бонд метнулся вправо, остановился, сделал еще шаг, опустился на одно колено и, дождавшись следующей вспышки, быстро, но прицельно выстрелил. Пуля, пролетев ярдах в четырех от Гордиенко, угодила в цель, о чем свидетельствовал раздавшийся вслед за выстрелом приглушенный стон. Бонд вскочил и, превозмогая в себе естественное, но так замедляющее движение и потому опасное инстинктивное желание пригнуться, сделал диагональный рывок через мостовую. Еще шаг — и он уже в переулке, очутившись на мгновение в безопасности. Гордиенко и Ариадна уже там, у их ног лежало тело.

Испытывая неуютное чувство незащищенности темнотой, Бонд выглянул изза угла и стал пристально всматриваться в сторону лавки. Тут же сверкнул выстрел; пуля угодила в стену в двух ярдах от Бонда и, отскочив рикошетом, просви-

стела у него перед лицом. Бонд невольно подался назад, однако больше выстрелов не последовало. Когда он выглянул вновь, стрелявший уже успел отбежать ярдов на пятьдесят и продолжал быстро удаляться. Бонд не стал тратить патроны на такую мишень.

Вся операция заняла не более тридцати секунд, но улица уже ожила: в окнах загорелся свет, повсюду раздавались возбужденные голоса и лай собак. И люди, державшие под прицелом задний выход из дома, если такие были, наверняка спешили сюда. Значит, оставаться здесь не имеет смысла. Однако, прежде чем уйти…

Бонд подбежал к тому месту, где упал Маркос. Грек лежал лицом вниз, его руки были вытянуты вперед в позе ныряльщика. На дешевом хлопчатом пиджаке пониже левой лопатки темнело густое пятно крови. Бонд перевернул труп, конечности двигались с ватной кукольной податливостью, которой не бывает в живом теле. Глаза Маркоса были открыты. На лице застыло выражение мягкого удивления, точно соответствовавшее тому вскрику, который он издал, когда в него попала пуля. Бонд закрыл ему глаза. Быстро окинув взглядом дом, Бонд побежал назад в переулок. Там, не теряя времени, он подошел

прямо к тому террористу, которого сразила его пуля.

Со стороны нельзя было сказать, жив ли этот человек или уже умер. Он сидел, развалясь и облокотившись спиной о стену. На рану, которую в груди террориста проделала пуля из его «вальтера», Бонд даже не обратил внимания. Его заинтересовало лицо террориста — бледное, с крючковатым носом и необычно тяжелыми веками, прикрывавшими глаза наполовину. Это лицо он уже видел около тридцати часов назад на вилле Куортердек. Этот человек руководил группой. Сомнения, если таковые и оставались, теперь были окончательно разрешены.

Довольно. Бонд поднялся и обернулся к двум своим товарищам. Картина, которую он увидел, повергла его в ужас. Гордиенко, медленно и неглубоко дыша, сидел, прислонившись к противоположной стене. Он поднял на Бонда глаза, его тонкие губы были искажены в попытке что-то сказать.

— Похоже, он ранен в спину, — пробормотала Ариадна. — Это сделал тот, что прятался у входа в лавку.

В продолжение еще нескольких мгновений русский пытался заговорить. Наконец, оставив

бесплодные усилия, он медленно поднял руку и жестом, который был красноречивее любых слов; поочередно указал то на Бонда, то на Ариадну. Неожиданно у него изо рта хлынула кровь, целый поток крови, глаза как-то странно застеклянели, и повалившись на бок, майор управления заграничной разведки Комитета государственной безопасности, Петр Григорьевич Гордиенко остался лежать в сточном желобе.

По лицу Ариадны текли слезы.

— Мы должны сделать так, как приказал нам мистер Гордиенко.

— Да, — отрезал Бонд. Те пятнадцать минут совместной работы, которые подарил ему напоследок этот седовласый человек, доставили Бонду истинное удовольствие. — Теперь, боюсь, нам предстоит еще одна пробежка. Ты можешь найти для нас какое-нибудь безопасное место? Неважно где!

— Это просто. У меня есть подруга, которая позаботится о нас.

Подруга Ариадны, чьего имени Бонд так никогда и не узнал, оказалась пышной брюнеткой в потрепанном дорогом халате, которая нисколько не удивилась, когда ее разбудили в три часа ночи и заставили открыть дверь двум в высшей

степени подозрительным субъектам — Ариадне в перепачканном землей и лопнувшем по шву платье и Бонду, еле державшемуся на ногах после второй подряд, более чем бессонной ночи. Девушки быстро обменялись несколькими греческими фразами. Подруга Ариадны улыбнулась, дружелюбно кивнула Бонду, сказала что-то очень любезное и абсолютно непонятное, приняла ответный поклон Бонда и вразвалку удалилась к себе в спальню. Было слышно, как какой-то сонный мужской голос задал вопрос; послышался резкий ответ, и собеседники разразились непристойным хохотом.

— Нам повезло, — сказала Ариадна и, услышав за стеной смех, улыбнулась. — Вторая комната оказалась свободной. Выпивку ты найдешь на кухне в буфете. Угощайся сам, а я пока постелю.

Бонд поцеловал ее в лоб и отправился на кухню. Кухня была маленькой, тесной и пахла отнюдь не неприятно козьим сыром и перезрелым инжиром. В буфете среди жестянок с итальянским супом и пачек с печеньем, чей преклонный возраст не составлял секрета, Бонд обнаружил пеструю батарею бутылок: узо, дешевое красное вино, местный бренди и — о радость! — бутылка шотландского виски марки «Беллз». Он налил

себе в стакан приблизительно четверть пинты виски и, разбавив его таким же количеством великолепной нигритской минеральной воды, выпил содержимое в два глотка. Смешивая вторую порцию напитка — послабее, он уже чувствовал, как по желудку разливается знакомый, все распространяющийся жар и разгоняет пелену усталости, которая обволакивала его мозг. Конечно, последнее ощущение было лишь иллюзией прежде, чем алкоголь начнет впитываться организмом, он должен разогреться до температуры крови. И все же, как всегда, независимо от того, было ли ощущение иллюзией или нет, эффект был налицо.

Спальня оказалась приятной маленькой комнаткой с веселой, расписанной от руки мебелью и парчовыми занавесками, но в тот момент Бонд не видел ничего, кроме девушки, которая при его появлении тут же вскочила с постели.

— Я постелила только нижнюю простыню, — сказала Ариадна. — Я подумала, что мы не станем ничем накрываться.

— Да. Очень жарко. Она медлила.

— Нам столько предстоит сделать, и у нас так мало времени. Но я подумала, что сначала мы должны выспаться.

— Да. Но прежде, чем мы заснем…

Оборванное на полуслове предложение повисло в нагретом воздухе. На лице Ариадны расцвела спокойная, сдержанная улыбка. Затем, ни на миг не сводя с Бонда своих янтарных глаз, она не спеша, но и без кокетства или самолюбования разделась. В ее движениях и позе чувствовалась полная уверенность в том, что она не может не нравиться Бонду. Ее тело было поистине великолепно — стройное, но не худощавое, с необычно длинными для гречанки ногами и полными, но вместе с тем по-юному упругими грудями. Внизу живота обращал на себя внимание треугольник светлых, как мед, вьющихся волос. Она сощурила глаза, ее губы разжались.

Бонд разделся быстро. Через несколько секунд, обнаженные, они стояли уже друг перед другом. Она судорожно вздрогнула и застонала. Ее руки крепко обхватили его шею, бедра прижались к его бедрам. Он ощутил их мощь и вместе с тем податливость. Словно слившись в нечто единое целое, они упали на постель. Никакие предварительные ласки здесь были не нужны. Мужчина и женщина соединились немедленно и с диким восторгом. Она дернулась и напряглась в его объятиях, ни один из партнеров не хотел уступать

другому в неистовости. Темп, который оба взяли с ходу, оказался слишком горяч, чтобы борьба была продолжительной. Их голоса слились в непрерывное восклицание радости, которое странным образом так напоминало нечленораздельный язык отчаяния.

Наконец единое существо распалось, вновь образуя два автономных тела. Бонд пробовал думать о завтрашнем дне, но его мозг, словно загнанная лошадь, отказывался повиноваться. Склонив голову на грудь Ариадны, он уснул.

Квартиру они покинули рано утром и первым делом приступили к самым неотложным делам: в маленьком оживленном «кафенио» за углом они выпили кофе с булочками и восхитительным гиметским медом, совершили занявшую не много времени поездку на тряском желтом троллейбусе к площади Конституции, наскоро пробежали по универмагу «Стадиу», где Ариадна купила себе новое платье (за ее квартирой в Лукиану, конечно же, следили), а оттуда отправились в «Град Бретань», ни на секунду не отделяясь от толпы. В том, что отель находился под наблюдением, сомнений не было, однако там, во всяком случае, до наступления темноты, они будут в безопасности. Впрочем, они не собирались дожидаться

ночи в отеле.

Все в том же бешеном темпе они переоделись и приняли душ. К тому времени, когда Бонд заканчивал бриться в облицованной серым мрамором ванной, с него уже сошли все следы былой усталости. Он даже ощущал в себе некоторый прилив оптимизма — он больше не был тем беспомощным барашком, которого во время охоты привязывают к дереву, чтобы выманить тигра; теперь он сам стал охотником и боролся с противником на равных, и рядом была преданная и проверенная делом сообщница.

Наконец, расположившись друг против друга, — Бонд на кровати, а Ариадна па застеленной голубым покрывалом кушетке — они приступили к военному совету.

— Рассмотрим пункт первый — самый очевидный, — начал Бонд и прикурил для них обоих по сигарете «Ксанфи». — Твое положение предельно опасно. Ты единственный оставшийся в живых сотрудник, которому доверял Гордиенко. Сейчас ты не можешь установить контакт со своей организацией, более того, после всех этих событий предатель приложит все силы, чтобы тебя убрать. Конечно, ты можешь исчезнуть, уехать в Солоники или в какое-либо другое место и подождать

там, пока буря не утихнет. Но, кажется, ты не собираешься этого делать?

— Нет. По двум причинам, по крайней мере.

— Правильно. Выходит, единственное, что в моих силах, это включить тебя в мою группу. Я ничего не стану тебе объяснять — ты просто будешь мне помогать. Идет?

— Идет. — В ней вновь ожил истовый член молодежного дискуссионного кружка, она сосредоточенно закивала. — Но я должна сделать все от меня зависящее, чтобы сообщить о случившемся в Москву. Ты понимаешь?

— Да, вполне резонно. Я уже размышлял, как тебе лучше это устроить. Встречаться с представителем советского посольства здесь, видимо, не стоит. Это может оказаться небезопасным. Просто позвони им — откуда-нибудь с улицы — и упомяни Гордиенко. Я думаю, это самое правильное решение. Что сказать — придумай сама. Не исключено, что можешь нарваться на того, кто перешел на сторону нашего общего врага. Но иного выхода нет. Согласна?

— Согласна.

— Хорошо. Теперь я должен связаться со своими и назначить встречу.

Бонд поднял трубку телефона и попросил со-

единить его с номером небольшого магазинчика, торговавшего книгами на иностранных языках, который Стюарт Томас использовал в качестве прикрытия. Меньше чем через минуту оператор отеля позвонил Бонду и сообщил, что номер не отвечает: «Нет, сэр, не занят, просто не отвечает, никто не берет трубку». Бонд встревожился. Проверив номер, он попросил Ариадну набрать его еще раз. Номер по-прежнему не отвечал, и Ариадне пришлось связаться с отделом ремонта центрального коммутатора. Дежурный техник выразил ей свое сочувствие, но помочь ничем не смог. Нет, никаких записей, касающихся этого абонента, он не находит. Конечно, конечно, он займется этим вопросом при первой же возможности. Может быть, леди сможет перезвонить попозже? Не думает ли она, что ее друг забыл оплатить телефонные счета?

Без дальнейших слов Бонд и Ариадна поспешили на улицу.

То, что произошло, оказалось предельно просто и абсолютно недвусмысленно. Пожарные, завершив работу, уже уехали, теперь дело было за полицейскими. Их действиями руководил молодой стройный лейтенант в светлосером с иголочки кителе. Он был любезен, деловит и

очень старался своим английским произвести впечатление на Бонда, который представился завсегдатаем магазинчика, привлеченный к месту пожара чувствами любопытства и участия. А причин к проявлению этих чувств было предостаточно: большие закопченные осколки стекла на тротуаре, превращенные в месиво обгоревшие и размокшие от воды книги в мягких обложках, атласы, словари, путеводители, опрокинутые ящики и стеллажи. В воздухе стоял сильный запах горелого картона и клея. Однако часть товара уцелела, огонь из внутреннего помещения магазина не перекинулся на расположенные поблизости лавку меховщика и туристическое бюро. Больше всего пострадали внутренние помещения, местами выгоревшие дотла. Крыша в одном месте рухнула, и через прореху были видны задние комнаты туристического бюро, находившиеся в таком же плачевном состоянии. Пожар, видимо, разыгрался не на шутку.

Полицейский лейтенант принял предложенную сигарету.

— Пожарные поработали на славу. Они не теряли времени даром. Пока мы не можем ничего вам сказать относительно причины бедствия, но у нас есть серьезные подозрения, что это не

несчастный случай. Температура в эпицентре была намного выше, чем при обычном пожаре. Сейчас наши эксперты уже заканчивают. Не исключена вероятность, что в магазин была подложена бомба. Кстати, сэр, вы не в курсе, были ли у мистера Томаса враги? Конкуренты или что-нибудь в этом роде?

Дело приобретало неприятный оборот. Не хватало еще, чтобы его вовлекли в полицейское расследование. Бонд, не колеблясь, ответил:

— Боюсь, я не знаком с мистером Томасом с этой стороны, ведь я всего лишь его клиент. Вам лучше всего поговорить с самим мистером Томасом.

— К сожалению, в данный момент это невозможно. Мистера Томаса здесь нет. Его не было и когда прибыли пожарные. У соседей я выяснил, что он редко отлучался. Как правило, он ночевал в комнатах, расположенных за магазином. Во-время он ушел. Однако я не сомневаюсь, что это печальное известие скоро до него дойдет, и он объявится. Вы хотели повидать именно его, сэр?

— Нет, — ответил Бонд, — я свяжусь с ним потом. Просто подумалось, вдруг ему понадобится помощь. Благодарю.

— Пожалуйста, сэр. Мисс.

Лейтенант молодцевато поклонился, взглянул

на Ариадну с восхищением, а на Бонда с веселой завистью и, отвернувшись, пошел навстречу мужчине средних лет в штатской одежде, который, стряхивая с пиджака пепел, вышел из обгоревшего здания — определенно, пожарный эксперт. Бонд также отвернулся. К информации, которую мог сообщить эксперт, у него доступа не было, да к тому же не все ли равно, каким образом противнику удалось вывести из строя всю британскую разведывательную сеть в Афинах, так же как не важно было сейчас — с этой точки зрения — находился ли Стюарт Томас в руках противника или лежал в тине на дне акватории пирейского порта. Бонд лишился самого мощного своего оружия прежде, нежели смог протянуть к нему руку.

Когда они вернулись в отель, он сказал Ариадне:

— Они охотились не только за ним, им было важно, чтобы мне в руки не попали его записи, списки агентуры, тайники и время, местонахождение «почтовых ящиков» и тому подобное. Они хотят отрезать меня от своих. Естественно, все это хранилось в задних комнатах магазина. Там и был эпицентр пожара.

Ариадна нахмурилась.

— Почему же они просто все не унесли? Меньше бы обратили на себя внимание. Ведь все это можно было бы использовать.

— Шуму, конечно, меньше, но риска больше. У них не было уверенности, что они смогут вынести все материалы. Тогда бы им пришлось перевернуть магазин вверх дном. Конечно, то, что смогли, они взяли с собой. Но, думаю, что немного, насколько я знаю Томаса.

— А его помощник?

— Не представляю, как теперь с ним установить контакт, — произнес Бонд, уставившись в стену. — Если он жив и не похищен, то за ним хвост. А я не могу сидеть и ждать, пока меня кто-нибудь разыщет. Да это и бессмысленно. Люди, которые вели меня по приказу Томаса, исчезли. Бог знает, сколько еще людей пропало. Как сказал Гордиенко? «Не ведая жалости». Похоже, что мы оказались в прежней ситуации.

— Да. Значит, будем действовать вместе. — Ариадна подошла и села рядом с Бондом. Ее голос звучал резко и решительно. — Я тоже об этом думала. Нам срочно необходимо что-то предпринять. Впереди у нас долгое путешествие, а до начала мероприятия, о котором говорил Гордиенко, остается только… шестьдесят часов. А может,

и того меньше, потому что…

— Что это за мероприятие?

— Я расскажу тебе по дороге.

— Чтобы у меня не было возможности информировать Лондон заранее, — хладнокровно заметил Бонд. — Понятно.

— Милый, я же знаю, что если у тебя будет возможность, ты обязан предупредить Лондон. Будь умницей… Хорошо. Теперь нам предстоит небольшая морская прогулка. Около двухсот километров или сто двадцать миль. Если по прямой. Итак, нам понадобится катер и человек, который его поведет. Я уже знаю кто.

IX. «Альтаир»

— В сороковом году, когда итальянские фашисты напали на Грецию, Лицас вступил в армию генерала Папагоса, чтобы драться с захватчиками. Помнишь, как греки вышвырнули их обратно в Алабинию? Так вот Лицас был в числе тех пехотинцев, которые брали Корчу. Его взвод израсходовал все патроны, и он штыком заколол двенадцать итальянцев. За это его произвели в сержанты. А ведь ему было всего восемнадцать.

Когда они вошли в тесное, похожее на пенал кафе, Ариадна прервала рассказ. Навстречу им выкатился хозяин — коренастый, седой человечек с неизменными прокуренными усами.

— Kal'imea sas, — почтительно поздоровалась Ариадна. — Boreite na mou peite, sas parakalo… pou einai o Kurios Litsas?[5]

Человек отвел их к дверям и пространным жестом пригласил выйти на набережную, которая тянулась вдоль противоположной стороны улицы. Там, на набережной, и состоялась одна из

---

[5] Примечания: 5

Добрый день. Не скажет ли почтенный… где сейчас кирие Лицас? (греч.).

тех оживленных бесед, без которых ни одно мало-мальски важное дело в Греции не обходится. В конце концов, передернув плечами, что в данной местности означает жест безразличия, хозяин кафе удалился, всем своим видом давая понять, что не ручается за те сведения, которые его собеседники, возможно, и почерпнут из его слов. Бонд и Ариадна двинулись в указанном направлении.

— Потом на помощь итальянцам пришли немцы, — продолжала Ариадна, — и перерезали коммуникации армии Папагоса; генерал вынужден был капитулировать. Однако солдат не стали отправлять в лагерь, а отпустили домой. Чтобы добраться до дому, на остров Эвбею, Лицасу пришлось пройти пешком через всю Грецию, почти двести миль. Когда он вернулся, то сразу же вступил в партизанский отряд и продолжил убивать итальянцев. А потом и немцев, когда те стали бороться с партизанами.

Переходя через улицу. Бонд взял Ариадну под руку.

— Ты неплохо знакома с его биографией.

— В сорок первом мой отец был у него командиром, а потом они встретились в рядах Сопротивления. Оба дрались очень отважно, не могу отрицать.

Ариадна помрачнела. Бонд изумился:

— Не можешь отрицать?

— Не знаю, это звучит странно, но… Видишь ли, я считаю, что у нас в гражданской войне победили не те силы. Ты бы назвал их демократическими. Но для страны было бы лучше, если бы верх взяли коммунисты. Они — настоящие патриоты Греции. Ведь во время оккупации сражались, в основном, они…

— … и, в основном, против своих же соотечественников, — сухо закончил за нее Бонд. — Но какое тебе дело до гражданской войны? Тогда тебе, наверное, не было и шести?

— Семь. Я много читала о войне в книгах. Ариадна являла воплощенное смирение.

— Нисколько не сомневаюсь. Так что ты там говорила о своем отце и Лицасе? Если я правильно понял, они сражались не за тех.

— Умоляю, Джеймс, для меня это не шутки. Отец стал реакционером. Вступил в так называемую Национальную армию. Там собрались одни фашисты, уголовники и подонки. Лицас тоже в нее вступил. Сперва он служил офицером связи с британцами, а потом добился перевода на фронт, хотел драться.

— И убивать коммунистов. Пойми, Ариадна…

— Вон он. Смотри.

Дорожка, по которой они шли, повторяла изгиб береговой линии бухты Пасалиман — большей из двух пирейских гаваней для яхт. На противоположной стороне бухты, едва заметно покачиваясь на ровной глади воды, теснилось множество всевозможных судов и суденышек: от рыболовных баркасов и двенадцатифутовых прогулочных лодок до роскошных яхт, которыми изобилует Средиземное море. Тут же внизу, на узкой полоске причала, на стапелях полным ходом кипела работа: здесь ремонтировали и переоборудовали лодки. Высокого, одетого в белую рубашку мужчину, что-то энергично втолковывавшего двум насмерть перепуганным работникам, Бонд сразу выделил из толпы. Стараясь не отставать от Ариадны, которая стремительной походкой направилась к ведущей на причал лестнице, Бонд вернулся к прерванному разговору:

— После того, что ты мне рассказала, трудно поверить, что этот человек согласится помогать твоим единомышленникам.

— Не забывай, что в данный момент это и твои единомышленники. Но не волнуйся, Лицас обожает британцев. К тому же, несмотря на то, что я вступила в коммунистическую партию вопреки

его протестам, он, кажется, попрежнему любит меня, потому что любит моего отца. И еще, если он заупрямится, я знаю что сказать, чтобы он помог нам.

В этот момент Лицас обернулся и увидел их. Годы, проведенные под южным солнцем, придали его задубевшей на соленом морском ветру коже коричневатобронзовый оттенок. В свои сорок-сорок пять лет он выглядел удивительно молодо. У него были густые темные волосы, только-только начавшие седеть; правильной формы, плотно прилегавшие к черепу уши; карие глаза, грустные и внимательные; благородный нос и рот, который сейчас казался добродушно чувственным, но в минуту опасности, тут Бонд не ошибся, преображался и жесткую прямую линию. Живот не выказывал ни малейшего намека на полноту, плечи и руки бугрились мускулами. Бонд не сомневался — этот человек может быть либо надежным другом, либо не ведающим пощады врагом. С первого взгляда он внушил Бонду доверие.

После секундной паузы лицо Лицаса засияло широкой, по-настоящему радушной улыбкой, обнажив крепкие белые зубы.

— Ariadne, khrisi mou.

— Vassou, Niko, ti uinese?

Они обнялись с Ариадной, словно старые друзья. Наконец взгляд внимательных глаз Лицаса переместился на Бонда.

— Нико, познакомься, это Джеймс Бонд, мой друг из Англии.

— Как поживаете, мистер Бонд? — Пожатие его руки было крепким и искренним. — Для визита вы выбрали время самое подходящее. Я как раз заканчивал и собирался пойти опрокинуть стаканчик. Надеюсь, вы не откажетесь составить мне компанию. Только сперва я должен разобраться с этими двумя остолопами. Смыслят в столярном деле столько же, сколько я в… вязании.

Слова эти были произнесены, если не считать нескольких незначительных погрешностей (вполне естественных при отсутствии повседневной практики) так, как прозвучали бы из уст любого представителя средних классов Англии, вдобавок в его произношении не чувствовался тот шепелявый акцент, который отличал большинство греков. Теперь Лицас вновь сосредоточил свое внимание на работниках. Однако, несмотря на шутливый, дружеский тон, его карие глаза ни на миг не прекращали — исподволь, но ничего не упуская — изучать Бонда.

Судно, о котором шла речь, представляло собой двадцатифутовый бот с необычной заостренной кормой и широченными бортами: не то рыбацкая шхуна, не то спасательный катер, переделанный в прогулочный. Остов катера, собранный из тонких сосновых брусьев, и два сиденья были уже готовы. Бонд догадался, что результат этой переделки, нелепый с точки зрения любого знатока, обречен стать местным «аттракционом», который будет с успехом привлекать многочисленных туристов из Франции и Германии, чья единственная забота — это недорого и весело провести время.

Видимо, отчаявшись выразить свое негодование словами, Лицас протянул вперед большую загорелую руку и легким движением кисти отломал часть планшира, словно та была приклеена канцелярским клеем. Оба работника тут же напустили на себя преувеличенно виноватый и раскаивающийся вид. Жестом, полным презрения, отбросив отломанный кусок, Лицас отвернулся. Подмигнув Бонду и Ариадне, он вздохнул:

— Все равно, что дети. — Он направился к лестнице. — Милые, но дети. И это не просто лень или безалаберность, нет, они просто не понимают,

что если хочешь чего-нибудь достичь, нужно потрудиться на совесть. Когда я говорю им, что палубная надстройка развалится при первой же приличной качке, они отвечают: «Наверное, вы правы, господин Лицас, но будьте справедливы, посмотрите, какие красивые получились скамеечки». Вот такова Греция, стыдно признаться. Никто не желает работать. Впрочем, не буду отнимать у вас время этой чепухой. Что привело вас в Грецию, мистер Бонд? Отдыхаете?

— Увы, нет.

Тон Бонда сразу же насторожил Лицаса.

— Надеюсь, у вас нет неприятностей? Могу я…

— Неприятности есть. И нам необходима ваша помощь, мистер Лицас.

— Нам? Выходит, неприятности у вас амурные?

— Если бы так. Мы с Ариадной противостоим международному заговору, который угрожает Англии, России и, вероятно, Греции тоже. Простите за этот высокопарный тон…

— Тон здесь не при чем, мистер Бонд, — Лицас как вкопанный остановился у дверей кафе. В его взгляде И голосе безошибочно читалась враждебность. С политикой я давно покончил. Да и в любом случае я никогда бы не стал помогать…

Той группировке, которую вы представляете. Так что извините.

Он уже хотел было войти, как Бонд преградил ему дорогу.

— Я клянусь вам, что не состою в коммунистической партии. Я на вашей стороне.

— Иные коммунисты говорили мне то же самое. А последний из них через десять минут попытался меня прикончить.

В этот момент в разговор вмешалась Ариадна.

— Нико, если бы мой отец был сейчас здесь и знал то, что знаем мы, он попросил бы тебя сделать все, что в твоих силах.

После этих слов раздражение Лицаса только усилилось.

— Милая девочка, очень скверно, что ты впутываешь сюда майора. И глупо к тому же. Ты огорчила меня.

— Послушайте, мистер Лицас, — Бонд был близок к отчаянию. — Клянусь головой, мы боремся за справедливое дело. Даю слово британца.

— Вот как? — Лицас немного остыл. — Большинству людей это уже почти ничего не говорит. Хотя мне… что ж, наверное, я сентиментален. Хорошо, мистер британец, я готов выслушать вашу историю. Большего пока не обещаю.

Без дальнейших разговоров они вошли в кафе и расположились за одним из столиков с мраморной столешницей — пластик еще сюда не дошел. Покрытые пятнами зеркала, что висели на стеках, создавали некоторую иллюзию пространства. Здесь, посреди беззаботного гомона посетителей, прерываемый возбужденными возгласами игроков в «трик-трак» и в «очко», поглощая чашку за чашкой обжигающий турецкий кофе, Бонд дал подробный отчет о том, что произошло, начиная с драмы, разыгравшейся в Куортердеке, и кончая пожаром, уничтожившим книжную лавку Томаса. Лицас ни на миг не спускал глаз с лица Бонда. Выслушав рассказ до конца, он еще минуты две сидел в свободной, непринужденной позе, его члены были совершенно неподвижны, что странным образом отличало его от соотечественников. Наконец он заговорил, голос его звучал спокойно и по-деловому.

— Значит, дело обстоит так. Вы с Ариадной хотите, чтобы я доставил вас на какой-то остров, название которого Ариадна не открывает. Далее, на этом острове должно произойти событие, которое она — тут в его низком голосе послышались нотки иронии — именует «мероприятием» и которому угрожает вражеская агентура. Та же

агентура похитила шефа британской разведки и теперь, по-видимому, попытается использовать его в ущерб интересам Британии. Когда вы высадитесь на острове, вы должны будете четко себе представлять, какие шага вам следует предпринять. Пока же мне видно, что никакого мало-мальски пригодного плана у вас нет. Да и вся история звучит скверно. Извините… но я могу лишь свести вас с людьми, которые предоставят вам яхту с командой и доставят вас на остров. Если вам так уж не терпится. А то ведь есть еще и рейсовые пароходы…

Бонд бесцеремонно прервал Лицаса. Он уже успел прийти к выводу, что для выполнения данной миссии хватит и трех человек, и был теперь уверен, что в число этих троих непременно должен войти Лицас.

— Послушайте, — сказал он, — так мы ни к чему не придем. Чем, по вашему мнению, вы рискуете? Уж не думаете ли вы, что мы рассказали вам обо всем этом для того, чтобы стащить один из ваших катеров? Чего вы боитесь?

— Все сказали, мистер Бонд? Я не потерплю… Настал черед Ариадны вмешаться в разговор.

— Нико, послушай меня. Я скажу тебе одну вещь: установлено почти на сто процентов, что в

деле замешан фон Рихтер.

Удар пришелся точно в цель. Лицас зарычал, словно раненное меткой рукой животное.

— To pousti! To Thrako, to...[6] Каналья! Палач Капудзоны! Ариадна, я должен знать все. Как об этом стало известно?

— Его случайно встретил один человек, в прошлом боец Сопротивления. Он рассказал об этом руководителю партийной ячейки и так далее. Мы получили это сообщение только вчера.

— Вот как? Значит, он в Греции. Ничего удивительного. Теперь эти немецкие ублюдки зачастили к нам, мирно наслаждаются нашей прекрасной страной, которую успели полюбить, когда жгли наши селения, убивали наших мужчин, женщин, детей. Наверное, отправился в Капудзону предаться приятным воспоминаниям.

— Нет. Он наводил справки относительно судов... идущих в то место, где назначено мероприятие. Вчера мы еще надеялись, что это лишь злосчастное совпадение. Ведь летом туда едет масса народу. Но теперь я больше не верю в совпадение. А ты что думаешь?

— Ты права, — мрачно отозвался Лицас. — Это

---

[6] Примечания: 6
Мясник! Чудовище... (греч.).

не совпадение. — Он глубоко вздохнул, но когда вновь поднял лицо, то на нем уже появилось нечто похожее на улыбку. — Ладно, ваша взяла. Я в вашем распоряжении. Пора бы и мне немного размяться. Только не думайте, что я всему поверил. Эта девчонка ведь может и приврать насчет фон Рихтера. Но, возможно, она говорит правду, и этого мне достаточно. Чтобы достать этого мерзавца, я полез бы к дьяволу в пасть и при одном шансе из десяти.

Сердце Бонда забилось от облегчения и радости. Он спросил:

— Как скоро мы сможем выйти в море?

— Скоро. Выйдем на «Альтаире». Это мощный пятидесятифутовый катер с дизельным двигателем. И, главное, не особенно приметный. Ты что-нибудь смыслишь в морском деле, Джеймс?

— Кое-что. Когда-то я частенько проводил лето на переоборудованном тральщике.

— Тогда ты нам пригодишься. — В голосе Лицаса появились начальственные интонации. — Отлично. С устрицами тогда вам придется подождать, а пока будете довольствоваться тем, что принесу вам я. «Альтаир» пришвартован возле башни с часами. Он ходит под панамским флагом. Вы найдете его рядом с огромной аме-

риканской посудиной для миллионеров. Оба немедленно ступайте прямо туда и ждите меня там. Пока не выйдем в море — не высовываться! Когда вышли из отеля, не было за вами хвоста?

— Кажется, не было. Мы ведь сделали вид, что вышли на минуту в магазин и вовсе не собираемся скрываться. Они могли что-то заподозрить, только когда мы зашли на телеграф: я — чтобы дать телеграмму в Лондон, Ариадна предупредить своих. Но на этот риск мы шли сознательно.

— Что ж, придется вам рискнуть еще раз и взять такси. Ехать тут недалеко, на борту никого нет. Джеймс, у тебя только пистолет? Хорошо. Остальное возьму на себя. А теперь исчезните.

Через десять минут Бонд и Ариадна были уже на борту «Альтаира» и направлялись в тесный салон. Салон был полностью готов для приема гостей, пол отдраен, крохотные ярко-синие занавесочки на окнах свежевыстираны. Бонд догадался, что первоначально катер предназначался для чартерного рейса, и живо представил, как Лицас с усмешкой станет отмахиваться от претензий назойливых заказчиков.

Они наскоро осмотрели катер. Узкий трап с правого борта спускался на маленький камбуз, а оттуда на нос. Из камбуза Бонд спустился в

машинное отделение и, задыхаясь от жары и испарений масел, внимательно изучил 165-сильный дизель «Мерседес». Все было сработано на уровне; узкое пространство использовано с толком; технический уход соответствовал стандартам, принятым на флоте Ее Величества. Авторитет Лицаса в глазах Бонда возрос еще больше.

К носу от камбуза и рубки располагались две двухместные каюты, а за ними — еще две, с двухэтажными койками. Бонд и Ариадна заняли каюту по левому борту в средней надстройке. Ариадна распаковала и разложила по полочкам свой нехитрый багаж: пару рубашек, туалетные принадлежности, носовые платки и, так бросавшиеся в глаза на фоне этих банальных вещей, восемьдесят патронов к Вальтеру. Зачесав назад сбившиеся на лоб светлые прядки волос, она немедленно оказалась в объятиях Бонда.

Прижавшись лицом к его шее, она пробормотала:

— Теперь, пусть ненадолго, но ты опять мой. У меня такое чувство, будто прошло много-много дней, прежде чем я поняла, что смогу соединиться с тобой. Наплевать, что случится с нами завтра. Единственное, что теперь меня волнует — это

ты, чтобы ты всегда был со мной. Так не будем терять время!

Она запрокинула голову, ее глаза застилал туман желания.

— Не закрывай дверь. Мы ведь одни.

Казалось, от прикосновения к нему ее груди взбухли еще сильнее.

Тут же, на жестком и неуютном лежаке, Бонд неторопливо овладел Ариадной. Они наслаждались любовью легко, тщательно и со вкусом, не зная того граничащего с истерикой безумия, которое они испытали ранним утром. Все, что окружало их, — и обычная возбужденная суматоха порта, и выкрики команд, и грохот якорных цепей, и раскатистый стук и рев двигателей утратило всякий смысл и исчезло. Наконец утомленные, они разъединились и погрузились в сон.

Бонда разбудили голоса и шум шагов, доносившихся откуда-то сверху. Не сводя глаз с обнаженного тела Ариадны, которая крепко спала, лежа на спине и подняв колено в позе полной непринужденности, Бонд быстро оделся. Затем наклонился и поцеловал ее в щеку.

К тому времени, когда он появился в дверях салона, Лицас уже был там. Он стоял в одиночестве,

уперев руки в бока, посреди груды всевозможных припасов; голоса удалялись в направлении причала.

— Ариадна спит?

— Да.

Во взгляде этого крупного человека, который глядел сейчас на Бонда, уже не было настороженности, а лишь грусть и мольба.

— Ты ведь не будешь обижать ее, Джеймс? Может быть, это и не мое дело, но ее отец — мой лучший друг, а в Греции это значит многое. Если будешь плохо к ней относиться, — вдруг ее бросишь, станешь давать ложные обещания или что-то в этом роде, — то оба будете иметь дело со мной, и, клянусь, вам плохо придется. Особенно тебе. Ты меня понял?

— Понял. Но нам не придется ссориться.

— Значит, у нас все будет в порядке. — Лицас дружески потрепал Бонда по груди, и лицо его прояснилось. — Завидую я тебе: едешь в путешествие с девчонкой. В свое время я себе такого позволить не мог. Пять лет назад все было по-другому. Да и не серьезно это. Никогда не слышал о девкахшпионках. Откровенно сказать, Джеймс, — он удрученно качнул головой, никак не могу понять, как это наша маленькая Ариадна

работает на русских. Я-то думал, она просто варит для своих пролетариев кофе, да читает по вечерам Карла Маркса. А вместо этого… Хорошо, что мир еще способен преподносить нам сюрпризы… Так. Топливо и вода — под завязку. Провизия это может подождать. Выпивка — тоже может подождать, но не слишком долго. Оружие. Взгляни-ка на него прямо сейчас. Вот здесь.

Бонд подошел к столу. На столе лежали обернутые в промасленную холстину аккуратные узлы. Развязав их, Лицас извлек на свет великолепный автоматический 9-миллиметровый пистолет «Беретта М. 34» с парой коробок патронов к нему, четыре осколочные гранаты «миллс» и — Бонд не верил своим глазам — британскую малозарядную винтовку «ли энфилд» с шестью пятизарядными обоймами. Все сохранилось в превосходном состоянии, сверкавшие холодным блеском металлические поверхности покрывал тонкий слой масла. Бонд поднял винтовку и, прищурившись, посмотрел в прорезь прицела.

— Арсенал как нельзя кстати.

— Никаких проблем. Это мой личный. Хранится у меня больше двадцати лет. «Энфилд» мне подарили англичане в сорок четвертом. Может быть, и не такой уж дорогой подарок, винтовка-то

ведь сработана в шестнадцатом году. Но все-таки она славно мне послужила. Я не расстался с ней, даже когда меня произвели в офицеры. Точно так же добыл я и остальное. Бонд кивнул.

— А зачем ты все это хранишь?

— Со стороны это, конечно, кажется нелепым. Но не забывай, что мы в Греции, а здесь никогда нельзя быть уверенным до конца. Коммунистов-то мы побили еще в сорок девятом, но ведь они так просто не сдаются. Хотя сейчас вроде попритихли, но недавно опять стали поднимать голову. И если они снова начнут, то со мной им будет справиться не легко.

Собственно, дело не в одних коммунистах. Только в прошлом году я попал в переделку на Крите. Да вот, увы, ребятки подкачали. Как-нибудь потом расскажу. Скажу лишь, что с этими игрушками я разогнал целую шайку. Слава Богу, достаточно было только их показать.

Рассказывая все это, Лицас снял крышку с правой скамьи и достал еще один промасленный узел. Там оказался автомат «томпсон» «урожая» Второй мировой войны. Он был упакован так же любовно и так же тщательно, как и остальное оружие.

— Подарок от США. Этот «живет» здесь постоян-

но. И патронов к нему целая куча. Надеюсь, твои беспокойства по поводу нашей огневой мощи рассеялись?

Бонд удовлетворенно усмехнулся и хлопнул Лицаса по плечу.

— С таким арсеналом нас может одолеть разве что танк.

— В данном случае, крейсер. Похоже, до утра стрелять нам не придется, так что уберем пока все это.

Они уже приступили к упаковке оружия, как вдруг на палубе раздались легкие шаги, и вскоре на пороге салона появился юноша лет шестнадцати, невысокий, но хорошо развитый для своего возраста. Он исподлобья посмотрел на Бонда.

— Это Янни, — представил юношу Лицас. — Yanni, o Kyrios Tzems...[7] Вдвоем с тобой мы безусловно справимся с судном, однако нам понадобится помощник у штурвала. Янни хорошо знает катер и ориентируется в здешних водах. Больше нам ничего не нужно. Я подкину ему пару сотен драхм и высажу с катера, когда запахнет порохом. Раз оружием ты доволен, значит, мы можем поднять сходни.

---

[7] Примечания: 7
Янни, это кирие Джеймс... (греч.).

Лицас отдал приказание Янни, и тот, кивнув, исчез так же бесшумно, как и появился. В этот момент к ним присоединилась Ариадна. В голубых джинсах и такого же цвета, только чуть-чуть темней, тонкой мужской рубашке, с подобранными на затылке волосами, она казалась недоступно желанной и одновременно выразительно деловой. Она метнула взгляд на Бонда и Лицаса. Чего мы ждем?

— Все готово, моя милая. Но куда ляжет наш курс, известно ведь только тебе. Не пора ли тебе поделиться с нами своим секретом?

— Не пора. — Ариадна избегала смотреть в глаза Бонду. Упорство, с которым она хранила молчание относительно конечного пункта путешествия, казалось ему одновременно и нелепым, и достойным восхищения. Она нахмурила лоб, в ее голове созрело решение. — Курс — острова Киклады. Точнее узнаете, когда выйдем в открытое море.

— Договорились. Идем, Джеймс.

Пятью минутами позже, задыхаясь от долгого бега, на набережной появился человек в неряшливом парусиновом костюме. Проводив глазами удалявшийся «Альтаир», он беспокойно огляделся по сторонам и бросился в ближайшее кафе в

поисках телефона.

X. Остров Дракона

— Наш курс лежит вот сюда. — Палец Ариадны ткнулся в карту. — Остров Вракониc.

Заглянув ей через плечо, Лицас кивнул.

— Четырнадцать часов хода, по меньшей мере, — больше восьми узлов в час нам делать вряд ли удастся. А если погода испортится, что, кажется, вполне вероятно, то мы проведем в пути и того больше.

— Но пока-то на море спокойно — возразил Бонд. Действительно, море, окрашенное в интенсивный синий цвет, было сейчас почти гладким. На берегу на удалении двух миль еще можно было достаточно подробно разглядеть крупные детали, однако их цвет с приближением сентябрьских сумерек начинал меркнуть, белоснежные россыпи домов потеряли свой блеск, зелень деревьев потускнела и приобрела синеватый оттенок; коричневые, охровые и яркожелтые краски холмов стали насыщеннее. Между «Альтаиром» и берегом, в направлении Пирея, прошла рыбацкая шхуна с вереницей шлюпок на буксире; и шхуна, и шлюпки скользили по поверхности воды так

легко, словно это была не вода, а лед.

— В этом месте вода всегда спокойная, — продолжал Лицас, — но погоди, вот минуем мыс Сунион и выйдем из-под защиты Аттики в открытое море налетит северный ветер: уж он нам задаст, будь уверен. Отсюда мы направимся к острову Кея, с юга пройдем мимо Китноса и Серифоса, обогнем Сифнос и поплывем дальше на восток. Там тоже может быть не все гладко, но в случае шторма па последнем отрезке пути нас прикроют острова Антипарос и Нарос. Вот так. Пойду потолкую с Янни.

Лицас оставил их. Бонд снова сел, уставив почти ничего не видевшие глаза в берег. Он чувствовал себя удивительно посвежевшим и полным сил. Широкобортый каик уверенно рассекал мощную толщу воды, приглушенно стрекотавший двигатель работал четко и размеренно, не создавая вибрации. Предстояло решить уйму важнейших вопросов, вступить в бессчетное количество схваток, но до тех пор, пока не забрезжит рассвет, об этом можно было не думать. Необходимо было научиться извлекать максимальную пользу из этих коротких передышек, смаковать каждое мгновение тишины, которое отделяло его от грядущих перестрелок, перебежек из укрытия в

укрытие, решающего усилия и крови.

Он искоса посмотрел на профиль Ариадны. Заключенные в нем сила и интеллект вкупе с роскошной, чувственной красотой поразили Бонда заново. В Америке, в Англии или в любой другой цивилизованной стране девушка, наделенная такими данными, сделала бы головокружительную карьеру в сфере журналистики или шоу-бизнеса. В Греции подобные перспективы едва ли существовали. Он по-прежнему был не в силах постичь, что толкнуло ее в лоно коммунистических идей.

Бонд поднял карту и нашел на ней изогнутый в форме серпа остров. Вдруг в его голове словно что-то включилось.

— Вракониc. Так вот куда отправился Тезей после того, как оставил на Наксосе твою тезку.

— Я думала, что ты не заметишь. — Ариадна улыбнулась и смущенно, подетски закусила губу. — Глупо было с моей стороны допустить такую ошибку.

— Стоило мне порыться в книгах, и я мог бы с легкостью обнаружить место, назначенное для проведения мероприятия.

— В книгах этого нет, это легенда, которую передают местные старики. Ариадна села и с

увлечением, которого никогда не обнаруживала, когда речь касалась политики, продолжала. — Ученые не знают, почему Тезей покинул Наксос с такой поспешностью. А вот жители Вракониса знают. Их царь прослышал о том, что Тезей победил Минотавра, и направил к нему послов, чтобы те уговорили Тезея приплыть к ним на остров и поразить дракона, который сжигал остров своим огненным дыханием. Поэтому, когда Ариадна уснула, Тезей оставил ее и вместе с послами отправился на Вракониc. Он рассчитывал скоро вернуться. Но дракон был опасен тем, что мог поражать врагов, оставаясь невидимым. Он прятался за гору и оттуда разил огнем. Тезей дождался, пока дракон спрячется и начнет извергать пламя, а затем вплавь обогнул остров, подкрался к дракону сзади и сбросил его в море. Море вскипело, пар от воды поднялся так высоко, что боги, обитавшие на вершине Олимпа, увидев это, не на шутку всполошились. Наконец дракон захлебнулся и пошел на дно. Когда Тезей вышел на берег, то увидел, что волны вскипевшей воды подточили остров настолько, что от него осталась лишь одна десятая часть. Но царь и его семейство не погибли, и дочь царя заботилась о Тезее, пока он залечивал ожоги. Времени прошло много, и

когда он возвратился на Наксос, то уже не нашел там своей Ариадны. Он оказался слишком храбрым, чтобы обрести счастье…

Конечно, можно возразить, что это всего лишь миф о том, как возник остров, и почему он имеет такую удивительную форму. И что на самом деле произошло извержение вулкана, образовался кратер, потом вода прорвала стены и заполнила воронку. Но мне нравится верить в дракона. Тебе, конечно, объяснят, что слово «враконнс» означает «скалистый остров» — какая скука! К тому же в этом случае следовало бы писать «врахонис», через букву «хи». А по-настоящему остров должен называться «Траконис» — остров Дракона.

— И теперь в этих местах объявился новый дракон, — решительно проговорил Бонд. — Только на сей раз китайский.

В этот момент вновь появился Лицас, последние слова достигли его слуха. Он остановился в дверях.

— Во всем этом деле проглядывает китайский почерк. — Бонд достал сигареты. — Об этом говорит и масштаб операции, и полное пренебрежение неписанными законами нашего ремесла в мирное время, и предельная дерзость. Ни одна из малых держав, которая хотела бы противостоять

русскому влиянию в этой части Средиземноморья или на Ближнем Востоке — скажем, в Турции, — не решилась бы пойти даже на малую толику риска, который уже позволил себе наш противник. Но прежде чем продолжить дальнейший анализ ситуации, обратимся к фактам. Ариадна уже сообщила нам о месте мероприятия. Теперь не помешало бы знать его цель.

— Хорошо. Дело вот в чем. — Ариадна забралась с ногами на скамейку и обняла руками колени. — Была достигнута договоренность о проведении секретного совещания между высокопоставленным русским чиновником — имя его вам, конечно, знакомо — и представителями некоторых стран данного региона и Северной Африки. Представители тоже занимают высокие посты. Я слышала, что собирался прибыть сам Нассер, но в последний момент вынужден был подыскать себе замену. В конечном счете, согласие на встречу дали все, однако по поводу места проведения встречи неожиданно возникли разногласия. Казалось бы, идеальным местом для такой встречи была бы сама Россия, но двое делегатов заняли правые позиции и упорно не соглашались туда поехать. Завязалась борьба за престиж. В результате было решено провести

мероприятие на нейтральной территории — по какой-то причине представители Греции не попали в число приглашенных. За этим, безусловно, скрываются козни турок. Русским следовало бы поставить их на место.

В последних словах Ариадны сквозило мимолетное, но искреннее негодование непримиримого националиста, которое властвует в сердце каждого, пусть даже самого образованного, грека. Лицас не замедлял выразить свое согласие со словами Ариадны кивком головы, но Бонд не обратил на это внимания. Его мысли были уже далеко впереди, анализируя в общих чертах сказанное Ариадной и увязывая ее информацию с той ннформацией, которой располагал он. Напрашивавшийся вывод ужаснул его.

— Итак, — продолжала девушка, — остров оказался тем вариантом, который устроил всех: он удален от коммуникаций, но вокруг много туристов, и внезапное появление делегатов не вызовет подозрений. Выбор пал на Вракоиис еще и потому, что на одной из оконечностей острова имеется большой дом на скале. Подобраться к нему можно только со стороны моря.

— Мне знакомо это место, — вставил Лицас. — Хитро придумано. Застать их врасплох чертовски

трудно, а враг намеревается сделать именно это.

Бонд задумчиво сощурился.

— Подумаем над тем, какую тактику выберет противник.

— Но только, пожалуйста, Джеймс, за стаканчиком узо. — Лицас поднялся из-за стола и подошел к леднику, находившемуся в левой части салона. — Так уж повелось у нас в Греции, что мы ничего не решаем, пока не смочим глотку чем-нибудь бодрящим, а для кофе еще рановато. Нам, современным эллинам, приходится время от времени прополаскивать мозги.

Из высокой плетеной фляги Лицас наполнил стаканы крепким напитком, положил лед и придвинул стаканы собеседникам.

— Из бочки, бутылочному до него далеко. Крепче и не такое сладкое.

Попробовав, Бонд согласился. Ему был приятен вкус этого огненного напитка, создававшего во рту ощущение вязкой прохлады и вызывавшего в желудке мощный прилив теплоты — эти качества Бонд ценил во всех напитках в первую очередь.

— Цель противника, — медленно произнес Бонд, выйдя наконец из состоять глубокой задумчивости, — заключается в том, чтобы ценой

гибели возможно большего количества людей сорвать намеченную конференцию и предать дело самой широкой огласке, после чего ответственность за преступление будет возложена на меня и на моего шефа. Но оправдаться мы уже не сможем: наши трупы обнаружат на месте трагедии с вложенным в руки оружием. Само собой, будут при нас и документы, «подтверждающие», что мы действовали по приказу нашего командования. Ни для кого, конечно, не будет секретом, что дело сфальсифицировано от начала и до конца, ни один человек, который знает британцев, этому не поверит, ко ведь мир, увы, состоит не только из наших благожелателей. Тот, кто хочет, чтобы британское влияние в этом регионе — с которым до сих пор приходилось считаться — испарилось за одну ночь, кто хочет, чтобы престиж Британии пошатнулся, чтобы повсюду возникли беспорядки, поджоги, убийства, поверят, или уж, по крайней мере, сделают вид… Нет, Гордиенко нисколько не шутил, когда говорил об угрозе военного конфликта. Похоже, в его словах было куда больше здравого смысла, чем сам он предполагал.

— Постой, Джеймс, — Ариадна порывисто подалась вперед. — Я согласна с тобой во всем, но

по-прежнему не понимаю, почему ты с такой уверенностью возлагаешь ответственность на Китай. Американцы ведь тоже способны на такое. Вспомни, как они сели себя на Кубе, в Доминиканской республике, во Вьетнаме; их не остановит…

Бонд хотел было возразить, однако в этот момент Лицас поднял руку.

— Джеймс, разреши, я отвечу. Послушай, милая девочка. Американцы дали тебе образование в афинском колледже Пирса, они же научили тебя английскому языку, объяснили свой образ жизни. Неужели ты оказалась такой неблагодарной и ленивей ученицей, что забыла все это? Разве ты не видишь сама, что нет никакой разницы между опьяневшим от крови боевиком-коммунистом и этим бандитом, убивающим людей прямо на улицах дружественной и мирной страны и открыто похитившим в Англии шефа разведки? Даже самые жестокие профессионалы из Вашингтона не позволили бы себе и помыслить о подобном. Умоляю тебя, Ариадна, забудь о своем институте ленинизма и живи своим умом.

— К тому же, — добавил Бонд, — если твои учителя по-прежнему внушают тебе, что враг номер один — это Соединенные Штаты, то им следовало бы освежить свои теории. В Кремле-то прекрасно

отдают отчет в том, что угроза теперь исходит не с Запада, а с Востока. Я полагал, что ты это знаешь.

Ариадна залилась краской. Обдав Бонда полным негодования взглядом, она проговорила все с теми же нотками вызова:

— Что ж, может быть, ты и прав. Не знаю. — Затем, обернувшись к Лицасу, она продолжала. — Но не надо говорить мне об опьяневших от крови коммунистах.

Это звучит, как цитата из… института Линдона Джонсона!

Бонд усмехнулся. Лицас разразился громоподобным хохотом и шлепнул Ариадну по ляжке. На мгновение все трое испытали чувство глубокого взаимопонимания и простого, искрящегося веселья. Но через секунду все прошло. Бонд отпил небольшой глоток узо и продолжил анализ.

— Что меня действительно тревожит, — голос его был тих, — так это неоправданная жестокость, беспощадность… фанатизм, с которыми противник взялся за дело, и это не может не наводить на мысль, что маленькая перестрелка не исчерпывает всей операции, а является лишь прелюдией к чемуто более масштабному. Прикинем реально, как могут развиваться дальнейшие события, не пренебрегая даже крайними вариантами.

Пункт первый: Британским интересам нанесен непоправимый ущерб; престиж России пошатнулся — ведь она даже не смогла обеспечить безопасность делегатов конференции, которую сама же и организовала; плюс ко всему, грубо нарушен суверенитет Греции. Китайское влияние начинает распространяться на восточное Средиземноморье. Пункт второй: китайцы проникают в арабский мир и в Африку. Домыслить, как выглядит пункт третий, уже не сложно.

Наступила пауза. «Альтаир» все так же размеренно и целеустремленно шел вперед. Лицас вновь наполнил стаканчики.

— Игра, спору нет, идет по-крупному, — сказал он и сел. — Теперь давайте конкретно. Каким образом желтолицые намереваются атаковать? С моря или с суши? Или, может быть, с воздуха? Две-три бомбы, и от острова мокрого места не останется.

— Насчет нападения с воздуха я… — тут Бонд покачал головой. — В этом случае им пришлось бы устроить катастрофу самолета где-нибудь поблизости, а с катастрофами шутить опасно. Нужно каким-то образом эвакуировать пилота — конечно, уничтожить его им ничего не стоит, но как на это посмотрит пилот? Если обрушить

самолет на остров, то создается риск, что всё вокруг выгорит до неузнаваемости, и подкинуть ложные улики будет невозможно. Если — в море, то осечка станет еще более вероятной. Наверное, можно продублировать самолет — одна машина атакует, другая терпит аварию, но с таким раскладом риск лишь удесятерится. Нет, мне кажется, вариант нападения с воздуха пока можно отбросить. Теперь суша. Нико, ты хорошо знаком с местностью?

Лицас прищурился и глубоко вздохнул.

— Пытаюсь вспомнить… Эта часть острова довольно-такизапущена. Местами даже никогда не обрабатывалась. Огромные валуны, густой кустарник. Передвигаться сложно, но лучшего укрытия не придумаешь. Если ты не дурак и знаешь свое дело, то можно спрятать хоть целый взвод.

— Что ж, тоже звучит не особенно обнадеживающе, — рассуждал Бонд. Чтобы наделать шуму, простого стрелкового оружия явно недостаточно, требуется кое-что посолиднее. Хоть какая-то артиллерия, если подступы действительно так затруднены, как ты описал.

— Вроде противотанковых гранатометов… как их там, базук?

Бонд снова покачал головой.

— Вряд ли. Максимум, что они могут сделать, так это порвать танку гусеницу. Я думаю… вот если подобраться к окну… Но для этого нужно подойти чертовски близко. Конечно, ядерный заряд решил бы вопрос однозначно, хотя остается проблема его доставки. В целом, нападение с моря я считаю наиболее вероятным. Это все, что мы сейчас можем сказать. А пока нам остается лишь продолжать путь.

Внезапно в голосе Бонда, в его манере держаться произошла какая-то перемена, он как бы сник. Ариадна, встревожившись, посмотрела на него. Бонд действительно похолодел внутри, живо, до ужаса явственно представив себе, как из-за скалы появляется быстроходный катер с похищенным ядерным устройством на борту, обрушивает на остров, где намечено рандеву, смертоносный заряд и на полном ходу удаляется к горизонту. Боже, мир в самом деле содрогнется!

Чтобы скрыть от остальных свое возбуждение. Бонд встал и отошел к дверям, машинально балансируя телом в такт качке. Погода незаметно свежела. На темной поверхности воды появились первые пенистые белые гребни. На берегу мерцала беспорядочная вереница огней какого-то

селения, уходившего вверх по склону холма. День еще не совсем угас. На фоне тусклого неба темнели очертания колонн превращенного в руины древнего храма… Этот образ гордой чистоты и одиночества развеял опасения Бонда. Создатели храма и не предполагали, на сколько веков переживут их и их бога эти развалины, ну да и знали бы, все равно не бросили бы своего дела. Наверное, только так и надо — жить, невзирая на обстоятельства, и честно делать свое дело. Подошел Лицас.

— Займемся делом. Предлагаю не тянуть с ужином: поднимается ветер, да и море волнуется.

Он посмотрел на небо, поднялся на несколько ступенек и бросил взгляд из-за палубной надстройки в сторону горизонта.

— Часика через два ветер поднимется до пяти-шести баллов, и наш «Альтаир» изрядно поболтает. Он начинает черпать воду носом только при пятифутовой волне, это единственный недостаток данной конструкции корпуса. Однако, в любом случае, когда тарелка стоит на месте, есть удобнее. А потом ложитесь, я имею в виду тебя и Ариадну. Мы с Янни останемся на вахте. К Вракониcу мы подойдем не раньше шести часов. Вот только сверю курс и прогноз погоды, а потом

посмотрим, что у нас имеется в кладовой.

Когда они остались вдвоем на узкой полосе палубы, Ариадна повернулась и прильнула к Бонду. На ее губах ощущался слабый привкус соли. Стоило Бонду закрыть глаза и прижаться к ее губам сильнее, как его вновь посетило знакомое чувство капитуляции перед другим существом, которое принесло иллюзию постоянства и зыбкую уверенность в том, что именно здесь и именно сейчас настал конец мучительным поискам совершенства. Однако знание того, что иллюзия — это всего лишь иллюзия, и что капитуляция эта не может длиться вечно, делало почему-то этот миг только слаще. Бонд отдался чувству до конца. Казалось, что посреди всей этой необъятной черной равнины существуют лишь двое.

Это тоже было иллюзией, причем опасной. В его сознании постоянно пульсировал сигнал тревоги, который предупреждает опытного солдата о не выполненных до конца обязанностях: об оставшихся без охраны, хотя и маловероятных, но возможных подходах, о проверенных, но не перепроверенных жизненно важных узлах снаряжения. Кто мог поручиться за то, что где-то в этой зыбкой равнине, только сейчас казавшейся

гарантией одиночества и безопасности, отряд противника — жестокого, умного и хорошо вооруженного не искал его, чтобы схватить или предать смерти?

Поэтому они втроем и начали с того, что разработали более или менее универсальный план защиты и сделали необходимые приготовления. Затем они ужинали маслинами, свежим хлебом, вкусными продолговатыми помидорами, сырым луком и местным сыром «манури», после чего отведали персиков и сладкого винограда без косточек. Пили легкую рецину с острова Мамос и под конец бренди марки «Сотрис», которое Лицас назвал единственным приличным греческим бренди. Бонд вполне удовлетворился двумя маленькими стаканчиками. Бренди было приторным, а этого Бонд не переносил. Однако, чтобы не огорчать Лицаса, он все же отозвался о напитке с похвалой.

В десять часов Лицас встал, потянулся.

— Спокойной вам ночи. Я посплю несколько часиков прямо здесь. Надеюсь до утра вас не сидеть. Если же ото случится, помните — быть тише воды, ниже травы.

Теперь ветер дул со стороны кормы, и «Альтаир» резко подбрасывало то вверх, то вниз.

Заниматься любовью на маленьком суденышке, отданном на милость волн, все равно, что совершать полет в какой-то странной субстанции, которая кажется то разряженное, чем воздух, то плотнее, чем вода. В какой-то момент, когда Бонд и Ариадна были уже в экстазе, оба качали парить, как в невесомости, а затем — словно нырнули в неподвижную черную толщу океана.

Бонд лег лицом вниз, обхватив Ариадну за живот, тяжелый сон быстро настиг его. Однако, стоило чьей-то руке коснуться его плеча, как он мгновенно проснулся; голос, принадлежавший юноше, по-гречески прошептал:

— Kyrios Tzems. Despihis Ariadne.[8] Катер.

[8] Примечания: 8
Кирие Джеймс. Деспинис Ариадна.

XI. Смерть на воде

Палуба была погружена со мрак, светилась лишь расположенная на корме рубка, где Лицас дежурил у штурвала. Никаких других огней видно не было. Облака скрывали луну и звезды. Ветер заметно спал, до двух-трех баллов по шкале Бофора. Стараясь не высовываться из-за планширa, Бонд прокрался на корму и укрылся за углом рубки.

— Прямо по курсу, — негромко сообщил Лицас. — Спрячься за мачту и посмотри сам.

Бонд осторожно выглянул. Прищурил глаза. Впереди, ярдах в шестистах от их судна темнели очертания катера, с правого борта которого, как того требуют правила, горел зеленый сигнал, освещена была также и рубка. Бонд разглядел короткую заломленную назад мачту, на крыше рубки и внутри нее было заметно какое-то движение. Больше ничего.

— Шли со стороны Пароса со скоростью в двадцать узлов, — продолжал Лицас. — Когда стали подходить к нам по левому борту, сбросили скорость и легли в дрейф. Либо у них неполадки с

двигателем, либо валяют дурака.

— А неполадки реальны? — Бонд по-прежнему не сводил глаз с катера.

— Еще бы. Некоторые судовладельцы частенько забывают о том, что любое судно требует ухода. Греки. Работать не любят. Как бы там ни было, если у них впрямь поломка, то при ухудшении погоды им не позавидуешь. На такой мачте не наладишь даже и носовой платок, не то что парус. Пойдем малым ходом. Не станем спешить.

Расстояние между двумя катерами медленно сокращалось, оба мужчины молча наблюдали за этим. Внезапно Бонд поймал себя на том, что уже способен различить слева плотный сгусток темноты, который, по всей видимости, был островом Парос. По правому борту виднелась еще одна тень, менее четкая и не такая большая, — Иос, догадался Бонд. Впереди, фоном для все расширявшихся контуров катера, простиралась громада, вокруг которой происходила какая-то странная перемена, словно бесконечно тонкий слой воды накладывался на чернильную кляксу: Враконис, первые всполохи рассвета.

Когда расстояние между судами уменьшилось до двухсот ярдов, с дрейфующего катера послышался еле различимый крик:

— Kapitanie![9]

— Akouo… ti thelete?[10] — крикнул Лицас в ответ и еще немного сбавил обороты.

Обмен репликами продолжился. Часть их Лицас переводил для Бонда и комментировал.

— У них перегрелись оба мотора. Говорят, что некому заняться ремонтом «Мельтеми» — северный ветер — дует уже четвертые сутки, и они опасаются, что с восходом солнца он еще усилится. Тут они правы. Если не врут, то им действительно требуется помощь. Пройдем мимо — через пару часов они налетят на риф. Просят отбуксировать их на Враконис. Конечно, за нас это сделать могут и другие. Но никого ведь нет. И не предвидится даже. Что будем делать, Джеймс?

— Похоже, это как раз та ситуация, которую мы более или менее предвидели. Нисколько не сомневаюсь, что вся эта история подстроена. Но мы не в праве бросить людей на произвол судьбы, если хотя бы есть один шанс из сотни, что они говорят правду. Каким неотложным делом мы ни были бы заняты, мы, прежде всего, моряки. Скажи им, что мы берем их на буксир.

---

[9] Примечания: 9
Капитан! (греч.).

[10] Примечания: 10
Слушаю… что вам нужно? (греч.).

— Хорошо, согласен, — крикнул в темноту Лицас и, понизив голос, добавил. — Вот твои свертки, Джеймс. Только бы не развязались.

Через двадцать секунд Бонд уже завязывал у себя на поясе тесемки небольших пластиковых свертков и надевал две весьма полезные части снаряжения, случайно оказавшиеся на «Альтаире» — ласты и нож для подводной охоты. В прошлом, попадая в подобные обстоятельства, Бонд имел в своем распоряжении значительно более богатый выбор приспособлений. На сей раз, и мысль эта бодрила, дело требовало от него максимума находчивости, решительности и физической сноровки.

Он был готов. Повернувшись к нему, Лицас тихо, но властно проговорил:

— Покуда единственное, чего нам следует опасаться, это как бы они нас не протаранили. Уйти от них я не смогу. Теперь давай за борт. Удачи, Джеймс.

Они пожали друг другу руки. Бонд перекинул ногу через ограждение и беззвучно скользнул в невидимую воду. Вода обдала его холодом, но он знал, что на этих широтах в это время года, стоит ему начать двигаться, и он не замерзнет. Следующие несколько минут уйдут на несложную

проверку его способности ориентироваться и чувствовать время — необходимо было постоянно держать между собой и предполагаемым противником корпус «Альтаира». Однако он нашел все же время улыбнуться при мысли о том, что его версия может оказаться всего лишь забавным недоразумением, и тщательные и столь опасные для жизни меры предосторожности предприняты им против группы каких-нибудь голландских бизнесменов или шведских учителей, отдыхающих на каникулах. Теперь двигатель «Альтаира» увеличивал обороты, и нос катера стал заворачивать вправо.

Чтобы сохранить свою позицию, Бонд сделал несколько аккуратных гребков.

Поймать и закрепить лишь, брошенный с другого судна, в открытом море, если только не стоит полный штиль, очень трудно. Делать это в одиночку опасно, однако еще раньше все трое решили, что Янни нельзя вовлекать в дела, которые его не касаются, и поэтому он не должен подниматься на палубу, а будет сидеть на баке, пока не минует опасность. Ариадна также не могла покинуть свой пост.

Счет шел буквально на минуты или, по крайней мере, мог идти. Катера по-прежнему сближа-

лись, и обмен репликами продолжался. Бонд оттолкнулся от корпуса «Альтаира» и поплыл по плавной дуге, стремясь обогнуть тот участок моря, который был освещен мощным лучом прожектора, закрепленного на крыше рубки у основания мачты. Но даже в этом случае никто не мог дать гарантию, что Бонда не засекут, но поскольку по-настоящему безопасный маршрут потребовал бы чересчур много времени, он решил проплыть часть пути напрямик под водой.

Плыть было не особенно тяжело. Груз заменял собой балласт, ласты придавали каждому гребку дополнительный толчок. В ярде от поверхности воды волнение уже почти что не ощущалось.

И хотя какое-то глубинное движение в виде длинных, разнонаправленных импульсов сохранялось, оно едва ли служило серьезным препятствием, скорее создавало знакомое ощущение среды. С дюжину раз он всплывал на поверхность, чтобы глотнуть очередную порцию воздуха и проверить свое местоположение. Наконец до катера осталось не более двадцати футов; он, как и задумал, приближался прямо к корме. Бонд осторожно проплыл еще немного, укрылся в тени корпуса катера, отыскал глазами свисавший с борта конец, затем слегка подался вперед, пока не

достиг той точки, откуда мог слышать и видеть все, что происходит вокруг.

Лицас крепил буксирный канат. На носу чужого катера стояли четверо мужчин, их городские костюмы странным образом не соответствовали ситуации. Мужчины о чем-то переговаривались. Бонд ждал дальнейшего развития событий. Времени прошло совсем не много. Наконец, договорившись о чем-то с Лицасом, мужчины поймали конец буксирного каната и стали неуклюже тянуть его на себя. Через минуту-другую они подтянут «Альтаир» гак близко, что с легкостью смогут перепрыгнуть на него. Теперь настала очередь Бонда действовать.

Он отстегнул ласты, позволяя им уйти на дно, подплыл к концу, уцепился за него, подтянулся, ухватился рукой за планшир и бесшумно перевалился через борт. Прячась в тень надстройки, он вскрыл прикрепленные к поясу пакеты и так их оставил. Затем он достал из привязанных к голени ножен нож и посмотрел вперед.

Один из мужчин уже был на «Альтаире»; другой опасливо разглядывал зыбкое пространство, разделявшее катера, в то время как остальные двое возились с канатом. По всему было видно, что они не торопятся. Наскоро обыскав палубу,

Бонд убедился, что противников было всего пятеро: четверо на носу и еще один, одетый в линялую рубашку и широкие матросские брюки, сидел в рубке, склонившись над приборкой доской и внимательно наблюдая за действиями своих сообщников. Если предположить, что на катере находятся враги, то в этот ответственный момент вряд ли кто останется внизу.

Бонд приблизился к открытой двери в рубку и притаился сразу за ней. Предстояло выяснить еще одно обстоятельство, правда, для этого нужна была известная доля везения. Рискуя обнаружить себя, он осторожно высунулся в дверной проем. Повезло. Возле сидения штурмана в полу был проделан люк, закрытый крышкой с зазенкованным посередине кольцом. Бонд подался назад и стал ждать. Всего каких-то два шага отделяли его от пятого участника операции, рука его сжимала нож.

Теперь на «Альтаире» было уже трое; четвертый, очевидно, должен был оставаться на катере. На «Альтаире» вспыхнула перебранка. Лицас, протестуя, отчаянно размахивал руками и всячески старался изобразить справедливое негодование. Вдруг Бонд уловил упоминание своего имени, затем имени девушки и наконец

прозвучало слово «ustinomia» — полиция.

Нечто в этом роде Бонд предвидел. Люди, назвавшиеся полицейскими, представляли, правда, весьма неубедительно, вчерашнюю жестокую перестрелку как дело рук Бонда и его людей. Но настоящая полиция подошла бы открыто, с обычными в таких случаях прожекторами, громкоговорителями, униформой и автоматами наизготовку. Теперь все было практически ясно — и, тем не менее, стопроцентной уверенности не было. Необходимо было как-то заставить противника обнаружить свое истинное лицо, притом совершенно определенно.

Лицас продолжал скандалить, жестами приказывая пришельцам убираться и объясняя им, как было условлено, что англичанина он высадил на мысе Сунион. Один из мужчин сделал шаг вперед, ощупал карманы Лицаса и отдал какой-то приказ. Двое его сообщников кинулись к дверям салона. Обыск длился недолго. Не прошло и минуты, как оба мужчины вновь появились на палубе. Главарь задумчиво кивнул головой (в Греции этот жест означает отрицание) и отдал другой приказ, после которого те двое ринулись дальше и скрылись из поля зрения Бонда.

Воцарилась полная тишина, если не считать

слабого поскрипывания, которое издавал корпус катера. Затем раздался мужской смех, до нелепости неуместный в этой накаленной атмосфере, после чего — безумный металлический стрекот автомата, разносившийся над водой сухо и без эха. Последовал громкий стон. Бонд прекрасно видел, как Лицас бросился к крыше рубки, где под сложенным брезентом была спрятана «беретта». В тот же самый момент человек, находившийся рядом с Бондом, кинулся на место штурмана и нажал кнопку на приборной доске. Тут же, где-то под палубой в чреве катера пришли в движение два мощных двигателя.

Теперь Бонд не терял времени. Он рванулся вперед и, зажав человеку рот, рукой обхватил его голову. Нож вонзился в грудь — раз, другой, третий, после каждого удара тело вздрагивало, руки тщетно пытались высвободиться из мертвого захвата. Бонд слышал еще приглушенные стоны своей жертвы, но в двух ярдах они были совершенно неразличимы. Бедняга, думал Бонд, тебе пообещали, что плавание будет прогулкой, и ты получишь сотню-другую драхм. Четвертый удар. Наконец туловище и конечности ослабели, левую руку Бонда окатило теплой кровью. Он сделал шаг в сторону и стащил неподвижное

тело с сиденья.

С «Альтаира» доносились крики и выстрелы, однако Бонду было не до того. Он бросил взгляд на нос катера. Тот, что остался на катере, теперь прятался с пистолетом в руке за планширом, вероятно, пытаясь срезать Лицаса. Бонд опустился на колени, отпихнул в сторону ноги убитого, продел палец сквозь бронзовое кольцо люка и потянул его на себя. В тот же миг его оглушил шум хорошо отлаженных двигателей, в нос ударил сильный запах машинного отделения. После этого Бонд отошел к входу в рубку и там быстро, но без излишней спешки вынул из привязанных к поясу пакетов четыре гранаты «миллс». Каждая граната была покрыта толстым, в полдюйма, слоем густой смазки, которая нашлась в запасах на «Альтаире». И опять, не делая лишних движений, он быстро и ловко брал правой рукой одну за другой гранаты, указательным пальцем левой руки срывал чеку и швырял их в раскрытый люк машинного отделения. На всю эту операцию у него ушло не более семи секунд, которые, как он знал, были отпущены па то, чтобы сработал взрыватель первой гранаты.

Палубу потряс чудовищной силы взрыв, словно по ней ударили гигантским молотом, свистели

летящие осколки, из люка вырвался столб огня. Мгновение спустя в четырех-пяти футах выше головы Бонда воздух рассекла револьверная пуля — выстрел неважный, но следующий мог оказаться точнее. Нисколько не заботясь о том, получится ли у него прыжок, Бонд перелез через борт катера и кое-как упал в море. Как только он погрузился в воду, ему показалось, что он услышал еще один взрыв. Он сгруппировался, выпрямился и, оттолкнувшись от борта, проплыл под водой около ста секунд. Наконец он перевернулся и вынырнул.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что если кто-то на катере и остался в живых, то он едва ли станет стоять у борта в надежде подстрелить пловца. Тарана также теперь можно было не опасаться. Середина катера была объята огненным смерчем, ярким маслянистым пламенем горел бензин. Ветер гнал огонь к носу; Бонд видел, как пламя поглотило надстройку. Что-то хлопнуло на корме, и с ревом и дымом в воздух вырвался сноп ярко-оранжевого пламени, дернулся и вихрем унесся в небо. В который раз за свою карьеру разведчика Бонд испытывал приступ вызывающих тошноту угрызений совести, сознавая величину и жестокость принесенно-

го им урона заколотый в штурманском кресле матрос; неизвестная, но по-видимому, страшная участь, постигшая остальных участников нападения. Он постарался отринуть от себя подобные мысли. Так было надо, внушал он себе. Этого требовал долг.

Небо над Вракониссом стало прозрачнее, и хотя до восхода солнца было еще далеко, первые признаки рассвета уже появились. «Альтаир» дал три коротких победных гудка и стал медленно удаляться от горящих остатков крушения. Бонд неторопливыми гребками, спешить было теперь некуда, стал догонять катер.

* * *

— Кажется, из строя вышли оба двигателя, — сказал Лицас, — но утверждать не берусь. Топливо тоже взорвалось. Б любом случае, им и этого хватило.

Не покидая своего поста у штурвала, он кивком головы указал на то, что осталось от посланного на перехват катера. Теперь от места катастрофы их отделяло около мили, пожар был уже не такой сильный, к тому же обзору мешали рваные облака дыма, которые ветер гнал прямо на «Альтаир». Огонь погаснет лишь тогда, когда достигнет ватерлинии, и первые волны станут

перехлестывать через борт.

Как только Бонд целым и невредимым поднялся на катер, все вновь пошло своим чередом. «Альтаир» должен был уйти из района стычки до того, как его смогут застать катера с Пароса и Вракониса. На то время, пока Лицас и Янки натягивали паруса, Бонд принял штурвал. Теперь, подгоняемый ветром, каик делал почти десять узлов. Решено было отклониться на юг и обойти остров Иос, чтобы уже оттуда брать курс на Вракониc — маневр этот занимал лишние два часа, но зато создавал какое-нибудь алиби, что позволяло им ускользнуть от неизбежного расследования. Только теперь у них нашлось время, чтобы поделиться впечатлениями.

Присев на корточки, попивая «Вотрис» и глубоко затягиваясь «Ксанфи», которую ему протянула Ариадна, Бонд рассказывал о том, что произошло с ним. Сигарета была восхитительна на вкус, и приторный бренди уже не казался ему отталкивающим. Заканчивая свой рассказ, он спросил:

— Кто видел, что произошло с тем, который оставался на катере?

— Ничего не могу сказать, — отозвался Лицас. — Он выстрелил в меня разок, но промазал. Я оказался точнее, после моего выстрела он уже

не высовывался. Потом грянули взрывы, и парня я уже, конечно, видеть не мог. Их шлюпку откинуло далеко в сторону, и он вряд ли до нее добрался.

— Как бы там ни было, он получил свое, — произнес Бонд с напускной грубостью. — В огне ли, в море. Но расскажите все по порядку.

— Ну, они стали забрасывать меня вопросами, а я стал строить из себя этакого дубоголового крестьянина — возможно, ты даже кое-что из этого видел. Потом один бандит остался стеречь меня, а двое других пошли взглянуть на мою спящую дочурку и убедиться, что опасный преступник по имени Джеймс Бонд не прячется на полубаке. После этого… хотя остальное пусть лучше тебе расскажет Ариадна.

— Нико прав, нам в самом деле здорово повезло, — Ариадна сидела рядом с Бондом, подтянув колени, их плечи соприкасались. Ее голос звучал просто и по-деловому. — Одного из них я узнала. Сначала по голосу, а потом увидела его лицо: это был Теодору, мы состояли с ним в одной партячейке, пока его не исключили за то, что он — левый экстремист и осуждал СССР за миролюбивые намерения во время Карибского кризиса. Греческая полиция, конечно, продажна, состоит из одних

фашистов, но даже они не стали бы связываться с таким подонком, как Теодору. Когда он понял, что я узнала его, то отвратительно засмеялся и сказал, что я должка перейти к ним на катер, где меня допросят и… сделают еще кое-что. Греческая полиция такого себе не позволяет.

— Тогда, — прикуривая от сигареты Бонда, Ариадна не прерывала рассказ, отчего фразы звучали как-то отрывочно, — тогда… я сказала… что согласна… и что пусть он минуту подождет, пока я… найду свитер. Но вместо свитера я под одеялом нашла автомат «Томпсон» и расстреляла его… Все было так, как ты, Нико, предупреждал — вибрация, отдача, но я попала в него, он закричал и повалился на пол. Тот, что был с ним, тоже упал, и это показалось мне подозрительным, потому что я в нею не целилась. Он, безусловно, был вооружен, и пока я сидела на крыше надстройки, он мог незаметно подкрасться и выстрелить в меня… Можно отпить из твоего стакана?

Она взяла стакан Бонда обеими руками. Руки ее дрожали. Он обнял ее за плечи.

— В этот момент в дело вмешался юный Янни, — подхватил Лицас. Сказал, что вовсе не хочет, чтобы его, словно пацана, отправляли спать, как только запахло порохом. Ему не тер-

пелось помочь нам. Он пошел к себе, взял нож и спрятался за маленьким трапом, что ведет на полубак. После того, как первый бандит был убит, второй хотел подстрелить деспинис Ариадну. Но на свою беду он повернулся спиной к Янни. Расстояние между ними не превышало и ярда, к тому же Янни способен передвигаться бесшумно, как кошка. Он вылез из своего укрытия, всадил четыре дюйма превосходной шеффидской стали нашему другу под лопатку, и тот стал уже не опасен… Я спрашиваю потом Янни, не хочет ли он отведать бренди, а он отвечает, пет, не хочу привыкать к спиртному в таком возрасте. И это после того, как только что уложил человека, пусть и преступника, — Лицас добродушно расхохотался. — Опять при деле, драит палубу. Она изрядно загажена.

Бонд вздрогнул. Он уже смирился с мыслью, что вовлекает в эту дикую, непредсказуемую цепь насилия, которое было неизбежно в его профессии, посторонних, в сущности, людей, но толкать на эту стезю убийства несовершеннолетнего подростка было ему в новинку. Он надеялся всем сердцем, что сравнительная необразованность, свойственная, в целом, греческой молодежи, убережет Янни от развращающего влияния

смертоносного оружия, которому после такого эпизода с легкостью поддался бы его британский сверстник. Лучше не думать об этом. Заставив себя улыбнуться, он спросил:

— А что было у тебя, Нико?

— Ничего из ряда вон. Мои приятель тоже хотел было пострелять, но как только «заговорил» «томпсон», парень почему-то замешкался. Я только того и ждал — выбил у него пистолет и тут же пустил пули ему в лицо. Пустяки.

Вдруг откуда-то спереди раздался крик Янни. Все трое разом обернулись и посмотрели туда, куда указывал палец юноши. На поверхности моря ничего не было видно. Лишь стального цвета вода, чуть тронутая пурпуром занимающегося рассвета, мирно плескалась там, где только что чадил катер.

XII. Опасный дилетант

Утро было великолепное. Поднявшийся на море северный ветер «мельтеми» сдувал пенистые верхушки волн, однако с южной стороны острова Вракониc он создавал лишь приятное ощущение движения, волнуя поверхность воды мелкой зыбью, отчего та становилась похожей на гигантское, сделанное из жидкого синего камня зеркало, которое непрерывно стремилось на юг и непрерывно возобновлялось у кромки берега. А в доме на безымянном осколке острова вообще чувствовалось лишь легкое, навевавшее прохладу движение воздуха. Порою оно усиливалось, и тогда колыхались некрашеные льняные шторы и шелестел ворох бумаг, лежавших на продолговатом шведском столе у окна.

Сидевший за столом со стаканом чая генерал-полковник Игорь Аренский чувствовал в теле сладостную истому. Это была его первая секретная миссия за пределами Советского Союза, хотя, будучи высокопоставленным чиновником Комитета государственной безопасности, он, естественно, часто выезжал за рубеж под видом

члена торговых делегаций, администратора художественных коллективов и т. д. Кроме того, последние пять лет он проработал советником Советского посольства в Вашингтоне.

Аренский сложил руки на плешивом затылке и вперился взглядом в мирное пространство Эгейского моря. Для человека с его опытом наблюдать за выполнением мер, призванных обеспечить безопасность делегатов конференции, было делом несложным. Вся настоящая работа была проведена еще в Москве несколько недель назад. Проделывать весь этот путь лишь для того, чтобы проследить за работой отлаженного безотказного механизма, который сам же он и создал, было, как признавался он, оставаясь наедине со своей профессиональной совестью, совершенно излишним. Полдюжины его сотрудников к примеру, этот красавец армянин, черноглазый Геворк, — справились бы с заданием не хуже его самого. Это была одна из тех прописных истин, которую эти «е… ные политики» никак не могли усвоить. Мысля лишь понятиями чина, рубля, протокола, они неизменно требовали участия старших офицеров госбезопасности, когда речь шла об охране и безопасности дипломатов высокого ранга. Как будто этим грязным арабам или левантинцам не

все равно, кто перед ними — видный работник «аппарата» или патрульный милиционер из захолустья.

И все же — грех жаловаться. Выбраться не ненадолго из Москвы было хорошо уже потому, что даже такое короткое путешествие помогает оставаться в курсе событий в мире. И хотя ни климатом, ни комфортом это теперешнее его пристанище никак не могло сравниться с его севастопольской виллой, жизнь здесь вполне устраивала его. Обитатели дома были, по большей части, людьми малообразованными, грубыми и недоверчивыми, но контакты с ними ему удалось свести к минимуму, ограничив их лишь служебными вопросами. Правда, один контакт он все же поддерживал — с сыном местного рыбака. Жизнь баловала Игоря Алексеевича.

Несмотря на то, что сам Аренский это категорически отрицал, он был политиком самой высокой пробы. При Берии, бывшем министре государственной безопасности, он вел себя с какой-то вдохновленной свыше осмотрительностью, не заводя ни друзей, ни врагов, и при этом не нажил опасной репутации индивидуалиста. Его не вполне обычные сексуальные пристрастия парадоксальным образом не шли ему во вред, ибо,

по молчаливому согласию обитателей кремлевских коридоров, эта сфера жизни была вне огня критики. Когда Берия пал, и вместе с ним в вихре кровавых событий, последовавших за смертью Сталина, канули и его вассалы, Аренский переместился на более высокую ступень служебной лестницы. Он не был ничьим выдвиженцем: надежный, молчаливый и обстоятельный, он был готов служить всем, чем весьма и устраивал политиков.

Наконец, утомленный игрой солнечных бликов, Аренский вздохнул и посмотрел на лежавшую перед ним в раскрытом виде папку. Чтобы не приобрести вредных привычек, необходимо было заниматься работой. Его маленькие голубые глазки лениво пробежали по заученному почти наизусть тексту на верхнем листе. Он читал:

ДЕНЬ 4

12.00 Желтая степень готовности. (Оцепление вокруг дома).

16.00 Прибытие министерской группы. (Начало морского патрулирования).

17.00 Красная степень готовности. (Проверка документов).

18.00–19.30 Прибытие делегатов.

20.30 Приветствия, тосты. (Проверка оцепле-

ния).

20.30 Ужин

ДЕНЬ 5

00.30 Заседание.

03.00 Закуски, перерыв на отдых. (Проверка оцепления).

04.00 Заседание.

05.30–06.00 Благодарственные речи, отбытие делегатов.

06. 30 Желтая степень готовности. (Возвращение морского патруля).

12.00 Отбытие министерской группы, синяя степень готовности (Снятие оцепления, прекращение радиосвязи).

17.00 Отбытие персонала.

Однако сам Аренский и его люди не покидали остров вместе со всеми. Близился его десятидневный отпуск, который Аренскому предложили провести здесь, на Враконисе, хоть целиком. Сейчас он склонялся к мысли провести весь отпуск здесь. Ведь мальчишка так удивительно смеется…

Стук в дверь вывел генерала из задумчивости.

— Да? — отозвался он с раздражением. В кабинет вошел один из тех двух мужчин, которые занимали дом с самого начала, и с немыслимым

украинским акцентом поздоровался.

— Доброе утро, товарищ генерал.

— Доброе утро, Милый. Садись.

Генерал быстро унял свое раздражение и говорил теперь вполне дружелюбно. У него было правило — никогда ни с кем не ссориться, даже с таким никчемным дегенератом, как Милый, годным разве что раздавать в лагере баланду заключенным.

Милый присел на краешек скверной копии венецианского стула возле пустовавшего камина.

— Замечено лишь одно происшествие. В порту говорят, что около пяти часов утра в море случился пожар. К месту происшествия были направлены два катера. Они обыскали весь квадрат, но ничего не нашли. Им удалось выловить только одного члена экипажа, он получал сильные ожоги. Его доставили в местный госпиталь. По его словам, у них в машинном отделении вспыхнул пожар.

— Невеселая история. Милый. Но я не вижу, каким образом она имеет к нам отношение, а? Какой-нибудь идиот-грек бросил в резервуар с бензином окурок и взорвался катер. Было бы странно, если бы в такой отсталой стране, как Греция, нечто подобное не происходило бы

каждую неделю. Ты зря ходишь в порт собирать сплетни. Такой хороший ленинец, как ты, должен с первого взгляда видеть, где главное, а где второстепенное. Милый покраснел и смущенно промямлил:

— Извините, товарищ генерал, я не подумал.

— Ничего, ничего. Что-нибудь еще?

— Борис продолжал прослушивание афинской частоты в обычное время. Никаких сигналов не зафиксировано.

— Прекрасно. Узнай-ка, в чем там дело. На внешней террасе происходило какое-то движение, оттуда доносился возмущенный шепот. Затем мужской голос что-то прокричал по-гречески. Милый подошел к двери, открыл ее, впустив в погруженную в тень комнату луч яркого солнечного света и душную волну зноя, и на секунду вышел. Когда он снова вошел в комнату, было видно, что он взволнован.

— Сюда приближается шлюпка с девушкой и мальчишкой лет шестнадцати. Направляются прямо к нашему пирсу.

С момента прибытия Аренского на островок подобные ситуации возникали часто — то наведывались туристы, чтобы узнать, можно ли, и если можно, снять дом, то коммивояжеры в

надежде сбыть залежалый товар. Эти ситуации легко улаживались, как он это и предвидел, одним местным сотрудником в соответствии с разработанной легендой. Как правило, во время таких процедур генерал даже не покидал кресла, но на этот раз решил понаблюдать лично. Он встал, одернул зеленую в бирюзовую клетку рубашку и неторопливо вышел из кабинета.

Солнце жгло кожу, яркие блики на воде слепили глаза. Он прикрыл их ладонью. Прямо на него на расстоянии в сотню ярдов плыла окрашенная в белый цвет шлюпка. Старший из греческой обслуги, у которого в руках был бинокль, осведомился относительно дальнейших указаний, но Аренский где-то еще с минуту наблюдал за игрой мышц на обнаженных плечах сидевшего на веслах юноши. Наконец он сказал по-английски, к несчастью, это был единственный язык, на котором он мог изъясняться со стоявшим рядом мужчиной:

— Вы узнавали, что они хотят?

— Пытался, товарищ генерал. Но они не отвечают.

— Попробуйте еще раз. Узнайте, кто они такие и скажите, что это частное владение и прочее.

Грек выполнил то, что ему велели. На этот раз

девушка ответила. Из ее ответа, произнесенного на чужом языке, Аренский не разобрал ни слова, кроме одного, услышав которое он мгновенно насторожился.

— Товарищ генерал, она говорит, что ее послал товарищ Гордиенко, и что она хочет переговорить с живущим в доме господином.

Аренский потеребил пальцами свою отвислую нижнюю губу. События, похоже, принимали непредвиденный оборот, каким-то шестым чувством он понял, что не может отказать в приеме девушке. Были у него и другие соображения. Заметно повеселев, он приказал:

— Передайте, что нам ничего не известно ни о каком мистере Гордиенко, но мы приглашаем девушку и ее… спутника сойти на берег для короткой беседы.

Спустя две минуты, генерал, сунув руки в карманы брюк, уже стоял на причале и наблюдал за прибывающими. Девушка — гречанка или болгарка — была вульгарно симпатичной, с чересчур развитым бюстом. Мальчишка, которого он успел разглядеть краем глаза, нравился ему значительно больше мускулистый, загорелый. Аренский ждал — он никогда не заговаривал первым.

Девушка смотрела ему в лицо.

— Вы говорите по-английски?

— Да.

— Меня зовут Ариадна Александру. Я работала в Афинах в группе мистера Гордиенко. У меня есть срочное сообщение для человека, который здесь отвечает за успех операции.

— Я занимаю этот дом, если вы это имеете в виду. С вашего позволения, я покину вас ненадолго.

Оставив гостей на солнцепеке, Аренский, семеня своими короткими ногами, удалился в комнату, где только что сидел, и достал желтую папку с надписью «Личный состав», в которой были подшиты фотокопии досье всех сотрудников. Александру. Вот ее досье. Волосы на фотографии длиннее, но остальное совпадает. Он захлопнул папку и вернулся к дверям.

— Проходите, пожалуйста. Не стесняйтесь. — Когда Ариадна и ее спутник подошли, Аренский продолжал. — Проходите внутрь. — Затем, жадно ощупав взглядом маленьких глаз смуглое тело мальчика, добавил. — И спросите вашего юного друга, не желает ли он выпить чего-нибудь прохладительного.

Пока девушка переводила вопрос, юноша не сводил глаз с Аренского. Его взгляд красноречивее любых слов говорил, что юноше известны

помыслы генерала, и что они внушают ему отвращение. Сказав что-то девушке в ответ, он отвернулся и отошел прочь.

Аренский сделал глотательное движение и выпрямился. С трудом заставив себя улыбнуться девушке, он представился и сказал:

— Поговорим здесь, в прохладе.

Удовлетворенность, которую он чувствовал еще полчаса назад, полностью улетучилась. С какой бы стороны ни смотреть, во всей советской спецслужбе он был, по-видимому, самым неподходящим человеком, которого можно было представить в этой изменившейся ситуации. Тем не менее, Аренский дослушал Ариадну, не прерывая ее.

Когда она замолчала, Аренский еще некоторое время сидел в своем вращающемся кресле без слов и без движения, заложив руки за голову. Затем он повернулся в кресле к столу и снова открыл папку с досье сотрудников. Наконец, глядя в окно, он произнес.

— Вы завербованы Главным разведывательным управлением.

— Совершенно верно.

— Как это случилось? Почему такая девушка, как вы, стала агентом Красной Армии? Не есте-

ственнее было бы, если бы вы с самого начала попали под опеку КГБ?

— Наверное, вы правы. Но вышло так… ну, человек, который убедил меня работать на Россию, был резидентом ГРУ в Афинах.

— Понятно. — Аренский по-прежнему смотрел в окно. — Этот человек был вашим любовником.

— Прошу вас, товарищ генерал, это важно?

— Он был вашим любовником? — вопрос прозвучал, как перемотанная назад магнитофонная запись.

— Да. Был.

— И именно он-то и… обратил вас, думаю, точнее тут не скажешь, в марксистский социализм?

— Да.

— А приходилось ли вам прежде заниматься контрразведывательной работой?

— Немного. В основном, на тех участках, где требовались девушки с моими данными.

— В качестве соблазнительной приманки, — усмехнулся Аренский. — Да уж, иногда мы ведем себя так, словно все еще живем в дореволюционную эпоху. А ваш отец… — он заглянул в досье, — … он ведь служит в авиакомпании «Паллас». Преуспевающий буржуа.

Не дождавшись ответа, он вновь покрутился в

кресле и продолжал без интереса изучать досье. Наконец он глубоко вздохнул и тоном, который, по его мнению, не должен был обидеть Ариадну, произнес:

— Видите ли, мисс Александру, вы не тот человек, от которого естественно ожидать борьбы за дело мира в такой неразвитой стране, как Греция. Разве у вас есть опыт классовой борьбы? Где ваши корни в рабочем движении? Знаете, кто вы? Вы — романтическая барышня… привлеченная к коммунистической идеологии сентиментальной жалостью к угнетенным, а к работе разведчика — ложными представлениями романтики. А это значит…

Девушка вспылила.

— Я прибыла сюда, товарищ генерал, чтобы обсудить более важные проблемы, нежели причины моего вступления в коммунистическую партию. Вашей стране и делу, в которое мы оба верим, грозит страшная опасность. Я жду указаний.

Аренский наморщил нос и фыркнул.

— Таким романтикам, как вы, свойственно терять чувство соразмерности. Давайте взглянем трезво на изложенные вами факты. К примеру, эпизод гибели майора Гордиенко и двух его по-

мощников. Установлены личности нападавших?

— Я забыла рассказать. Мистер Бонд опознал в застреленном им террористе одного из тех, кто участвовал в похищении его шефа в Англии.

— Вот как. Должен сознаться, версия с похищением мне нравится. В ней есть некий фантастический элемент. Однако фантастика тоже иногда сбывается. Жаль только, что у нас нет возможности это проверить. И этот эпизод морского сражения. Вы сами уже опознали Теодору. Видимо, он изменил рабочему делу. Вы сказали, он уголовник. Этот эпизод похож на правду. Было бы интересно допросить того человека, которого выловили в море.

— Живого? — переспросила девушка, вся напрягшись.

— Да. Сейчас он в госпитале. Я попрошу навести справки. — В голосе Аренского не чувствовалось готовности действовать. Наряду с другими неприятностями, которые принес визит девушки, его раздражало то, что теперь он был вынужден пересмотреть свое мнение о значимости ночного пожара. Он заставил себя продолжить анализ.

— В вашем рассказе имеются и другие элементы фантастики. Взять хотя бы предположение — выдвинутое, конечно же, Бондом — о том, что

правительство КНР готовит против нас заговор. Я знаю, сейчас модно считать, что главной угрозой миру в наши дни выступает Китай, а не капиталистический Запад. Не секрет, наши лидеры сурово критикуют допущенные Китаем промахи на идеологическом фронте. Но было бы совершенно не по-марксистски приходить к скоропалительному выводу о том, что их гордыня, амбиции и зависть к успехам СССР толкнет к насильственному срыву нашей конференции, которая должна открыться завтра ночью. Это обыкновенный бандитизм. Бандитизм того же рода, с каким вы уже сталкивались дважды, только большего масштаба. А терроризм это оружие из арсенала поджигателей войны с Запада… Милая девочка, Аренский вновь попытался улыбнуться, — ключом ко всему этому делу является личность самого Бонда. Я много о нем наслышан. Он участвовал в террористических акциях в Турции, во Франции, в Карибском регионе. Совсем недавно он совершил двойное убийство в Японии на почве личной мести. Он опасный международный преступник. Россказнями о похищениях и злых китайцах он ловко вовлек вас в свои планы, великолепно воспользовавшись романтичностью вашей натуры. О том, кто явля-

ется его истинными противниками, едва ли стоит ломать голову. Скорее всего, это какая-нибудь соперничающая группировка из Америки. Наши же интересы лежат в иной плоскости.

— Можно задать вопрос, товарищ генерал? — Впервые за все время беседы в голосе Ариадны прозвучало нечто, отдаленно напоминающее уважение.

— Конечно, товарищ.

— Каким образом ваша версия объясняет гибель мистера Гордиенко и двух его помощников, а также уверенность мистера Гордиенко, что в афинском отделении орудует предатель?

— На самом деле тут два вопроса, но мы рассмотрим оба. Гордиенко и его люди были убиты, так как соперничающая банда хотела заполучить Бонда, а Гордиенко препятствовал им. Очень жаль, но ничего загадочного тут нет. Мысль Гордиенко о предателе…

— Что ж… — генерал сделал маленькой холеной ручкой неопределенное движение. — Я, конечно, уважаю Петра, но он был далеко не самым способным сотрудником. И к тому же слишком долго он здесь пробыл. По вашим словам, в системе безопасности образовалась брешь. Утечка. Гордиенко допустил ошибку, но не знал,

какую и в чем. Что может быть естественнее в такой ситуации, как ни выдумать предателя и ни свалить всю ответственность на него?

— Понимаю. Вы мне все объяснили. Но скажите, почему же тогда, раз никакого предателя нет, мое сообщение, переданное через посольство в Афинах, не дошло до вас?

Аренский вздохнул.

— Вы же говорили, что не знаете, с кем разговаривали. Разумеется, попался вам какой-нибудь младший служащий, может быть, даже грек, который попросту не понял ваших осторожных намеков, ушел обедать и обо всем забыл. Ваше рвение достойно похвалы, но я уверен: нам станет все известно из газет, как только их доставят. Будет интересно посмотреть, что в них написано обо всем этом… Вот вам и объяснение. И таких объяснений можно привести с полдюжины. Ну, а ваше объяснение должно непременно включать таинственного предателя?

— Выходит, что да…

— Похищения, китайские террористы, предатели — что еще? — голос Аренского принял деловой тон, генерал устал давать разъяснения. — Теперь я познакомлю вас с планом наших действий. Мне Бонд нужен здесь. Ясно, что он что-то за-

думывает против нашей конференции. Имея в качестве союзников этого грека-головореза, да чумазого мальчишку, он не может рассчитывать на успех. У нас достаточно средств, чтобы отбить нападение даже небольшого военного корабля. Думаю, я вправе сказать, что учел все. — На лице генерала появился намек на улыбку. — Но Бонд все же может доставить нам определенные хлопоты. Пока делегаты не разъедутся, его следует нейтрализовать.

— Могу я чем-нибудь помочь, товарищ генерал…

— Да, товарищ Александру, и весьма многим. Как я понимаю, вы вступили в связь с нашим мистером Бондом? — Аренскому удалось почти полностью подавить в своем голосе нотки того отвращения, которое вызывала в нем одна мысль об этом.

— Да, и он не бросит меня.

— Он от вас без ума?

— О, да. Я могу оказывать на него большое влияние.

— Тем лучше, — Аренский просиял. — Убедите его прийти сюда для беседы. Скажите ему, что меня эта история глубоко заинтересовала, и что мне нужна его помощь. Передайте ему, что я

даю честное слово в том, что он в любой момент волен беспрепятственно уехать. Какие доводы привести, вы сами прекрасно знаете. Ясно?

— Совершенно ясно, товарищ генерал, — сказала девушка, поднимаясь. Постараюсь доставить его возможно скорее, но вы должны дать мне немного времени.

— Безусловно, — генерал тоже поднялся.

— Расскажите, как вам удалось убедить его отпустить вас сюда?

— Точно так же, как я собираюсь заставить его прийти к вам.

— Хорошо, хорошо, — заторопился Аренский, но вспомнил о своих обязанностях хозяина. — Не желаете ли выпить чего-нибудь на дорожку?

— Благодарю вас. Но чем быстрее я вернусь, тем лучше.

— Мы сделаем из вас настоящего марксиста. Разрешите выразить вам свою благодарность за ваши услуги.

Девушка признательно улыбнулась и с пафосом ответила:

— А мне, товарищ генерал, разрешите поблагодарить вас за то, что вы по-научному растолковали мне положение и не ругали меня за то, что поверила вражеским козням. Пусть это станет

мне уроком.

Аренский поклонился. Он считал ее типичной балканской шлюхой — глупой, сентиментальной, падкой на приключения с душком уголовщины, но ее решительность и готовность исправить ошибки обнадеживала. Не забыть отметить ее в рапорте.

— О ревуар, товарищ Александру. Надеюсь вновь скоро вас увидеть.

Оставшись с собой наедине, он принялся с хмурым видом мерить шагами комнату. Ему пришла в голову мысль, что предположение о возможном нападении китайской агентуры отнюдь не лишено оснований. Из сводок следовало, что стареющий Мао Цзедун впал в последнее время в опасное настроение. А если вспомнить о хунвейбинах, новой волне враждебности по отношению к иностранцам… Но вскоре лоб генерала разгладился. Похоже, он попал под магию фантазии. Открытая террористическая акция такого масштаба, да еще в мирное время просто немыслима, даже принимая во внимание крайний, безответственный неосталинизм китайского руководства. Однако кое-какие вопросы необходимо решить немедленно.

Он подошел к столу и нажал маленькую брон-

зовую кнопку звонка. Вошел Милый.

— Ступай в радиоузел, надо, не теряя времени, связаться с Афинами. Через пару минут я подойду к наушникам.

— Но ведь тогда мы обнаружим радиоточку! Аре некий сжал свои маленькие кулачки. Когда-нибудь этот раздолбай сведет его с ума. Генерал утрированно терпеливым тоном продолжал:

— Да, Милый, обнаружим радиоточку. Именно. А теперь ступай и выполняй приказание! И пусть один из грекоз — толстяк — сходит в госпиталь и все разузнает о… нет, пусть лучше придет ко мне.

Грек пришел, получил инструкции и был отпущен с обычной для Арийского вежливостью. (Оказавшись за дверью, грек не замедлил сделать традиционный жест из пяти пальцев, означающий в этих местах грубое «совсем свихнулся».) После этого генерал поднялся в крошечную раскаленную клетушку на верхнем этаже, где помещалась радиостанция и телесвязь с Афинами и Пловдивом, через которую, при необходимости, можно было установить связь и с Москвой. Этим каналом разрешалось пользоваться только в чрезвычайных ситуациях, когда решались вопросы войны и мира. Комнатка провоняла потом

и дешевыми русскими папиросами. Большую часть пространства, остававшегося от серого эмалированного передатчика, занимала разобранная постель. Аренский вынул надушенный одеколоном шелковый платок и начал дышать через него.

Радист, москвич с бычьей шеей и отросшей щетиной, протянул Аренскому микрофон, тот поднес его к лицу.

Процедура была утомительной и невероятно долгой, вой атмосферных помех, сопровождавший и размывавший доносившийся издалека голос, действовал на нервы. Однако к исходу этой двадцатиминутной агонии ситуация полностью прояснилась. Аренский поблагодарил радиста и, обливаясь потом, покинул комнату.

Спускаясь по широким белого камня ступеням на террасу, где он собирался посидеть в тени и с наслаждением выпить стакан холодного лимонада, Аренский почти улыбался, довольный тем, как ловко подготовил он ответы. Почему не поступило сообщение о перестрелке — «насильственном увольнении управляющего и двух представителей»? Потому что передатчик оказался с дефектом. А на ремонт ушло много времени. Его привели в порядок только пару часов назад.

Почему же тогда не сообщили сразу? Потому что решено было подождать условленного времени выхода в эфир, 12. 00. Почему не было доложено о прибытии Бонда — «опасного английского конкурента»? Потому что к тому времени, когда план по его захвату провалился, передатчик вышел из строя. Принесены извинения плюс заверения в том, что помощник управляющего полностью владеет ситуацией.

Удобно развалившись, Аренский сидел в плетеном кресле и потягивал лимонад. Увлеченный размышлениями, он даже совершенно искренне улыбнулся. Как это похоже на бедного Петра Григорьевича — думать, будто он сможет справиться с Бондом в одиночку. Как похоже на него — не обеспечить должного ухода за системой радиосвязи. И как безнадежно в его духе — погибнуть в схватке между двумя противоборствующими бандами уголовников. Думать плохо о старом друге было горько, но все-такихорошо, что Петр погиб, не успев натворить больших бед.

Бонд… Аренский предвкушал встречу. И не только ее. Как бы это было приятно и полезно для его карьеры — иметь возможность отрапортовать министру:

«У меня есть один пленник, который может

быть вам небезынтересен. Некий преступник по имени Бонд. Нет, довольно странно, но схватить его оказалось не так уж сложно». Затем, когда конференция завершится, Бонд выхватит пистолет, и генерал будет вынужден пристрелить его в целях самообороны. Великолепно.

Спустя минуту Аренский вполголоса по-английски произнес: «Человек, который убил Джеймса Бонда» и мелко захихикал.

XIII. Взаперти

— Возвращаются.

Лицас отнял от глаз бинокль фирмы «Негретти энд Замбра» и поставил его перед собой на крышу надстройки. Сквозь солнечные блики Бонд с трудом различил неподвижное пятно, каким издали казалась шлюпка, только что появившаяся из-за мыса, за которым скрывался безымянный островок. «Альтаир» бросил якорь в тесной бухточке, которую со всех сторон обступали уходившие глубоко под воду отвесные гранитные скалы. Здесь, на пустынном северном побережье Вракониса они были полностью укрыты от посторонних взглядов, что их вполне устраивало. Пришвартованный к причудливому выступу скалы и прикованный якорем к ее подводному продолжению каик покачивался на воде.

— А что было дальше, Нико? — спросил Бонд, сидя в чудом уместившемся на крошечной палубе шезлонге. — Кстати, где находится эта Капудзона?

— В горах Македонии. Там живут крепкие люди. И хотя мне они не по душе — много среди

них болгар и турок — но люди они крепкие. Ну так вот, как только штабная машина выехала за пределы деревни и уперлась в завал, из-за камней выскочили партизаны и обрушили на врагов море огня, все гитлеровские полковники были перебиты… Фон Рихтер командовал тогда ротой поддержки пехотного батальона СС, который был поблизости на учениях. Немцы получили новый приказ, в соответствии с которым ни одно нападение партизан не должно было оставаться без скорой и… жестокой расправы. А у фон Рихтера и без того уже давно чесались руки… Не прошло и двух часов, как он оцепил деревню, и всех жителей выстроили на площади. Женщинам и детям младше четырнадцати лет велели войти в школу — большое деревянное здание. Фон Рихтер приказал своим головорезам запереть двери, облить стены бензином и поджечь их. Некоторые матери пытались вытолкнуть своих детей через окна, но автоматчики держали окна под прицелом. Остальных жителей он приказал расстрелять. Всего погибло 208 человек. Обо всем этом рассказали потом два старика, спасшиеся чудом.

После короткой паузы Лицас продолжал.

— Об одном никогда не забуду. Фон Рихтер стоял у дверей школы и, когда видел симпатичного

малыша, трепал его по щечке, словно добрый дядюшка, любезно заговаривал с матерью. О, немцы умеют ценить семейный очаг.

Последние слова были произнесены хриплым, сдавленным голосом. Лицас повернулся спиной. Бонд поднялся и молча положил руку на его могучие плечи.

— Обещай, что отдашь его мне, Джеймс. Я должен убить его сам, понимаешь?

— Да, Нико, обещаю.

Бонд отошел и стал наблюдать за приближавшейся шлюпкой. Теперь он уже способен был разглядеть голубую рубашку Ариадны и ее сверкавшие на солнце белокурые волосы. Он помахал ей, она в ответ помахала ему. Слава Богу, она снова рядом. Он понял вдруг, что страстно желает видеть ее — не обладать ею, а именно видеть лицо, касаться рук; по отношению к другим женщинам он никогда ничего подобного не испытывал.

Неожиданно внимание Бонда привлекло какое-то движение на склоне возвышавшегося над шлюпкой холма. Кто-то осторожно карабкался по крутому склону, продираясь сквозь груды камней и заросли кустарника. Движения человека были неловки, казалось, он превозмогает страшное

увечье. Из чистого любопытства Бонд поднял бинокль, однако к тому времени, когда он поднес его к глазам, на склоне уже никого не было.

Выложенная неровными каменными плитами терраса, где полковник Сун сидел в данный момент, как и все остальные его владения на острове, была обустроена гораздо более скромно, чем резиденция его русского коллеги. Кроме того, выходя фасадом на внутреннюю часть острова, домик был и более уединен. Любопытному чужаку пришлось бы запастись изрядным терпением, а также обладать определенными профессиональными навыками, чтобы вначале вскарабкаться по обрывистому склону холма, а затем незаметно спуститься по противоположному склону, заросшему колючим кустарником и усеянному громадными осколками гранита и мрамора — некоторые были бесформенны, другие имели странную геометрическую регулярность, словно строительные блоки какого-то колоссального недостроенного святилища.

Человек, проделавший весь этот путь и теперь представший на террасе перед полковником, был действительно в физическом отношении очень крепок. Иначе как бы он смог проделать этот нелегкий путь, получив вначале обширные

ожоги второй степени, проведя затем час в воде и пройдя наконец пять миль под палящими лучами солнца вверх по закрывавшему дом кряжу. Его левая рука была перебинтована и подвешена на перевязи, из-за чего он дважды, не удержавшись, срывался вниз во время своего спуска. Поскольку, наряду с крайним утомлением, он еще не вполне преодолел шок, его история звучала путанно и с повторами.

Суну приходилось мириться с этим. Сложив руки на коленях, он сидел на стуле из оливкового дерева, абсолютно выпрямив спину, что через пять минут вызвало бы в теле любого европейца болезненное напряжение мышц, и почти доброжелательно рассматривал этого неприметного мелкого жулика из Пирея, который вытерпел все эти муки всего за две сотни американских долларов. Между ними на поролоновых подушках вольготно расположилась Дони Мадан, на которой было одето лишь черно-зеленое бикини, что не больно соответствовало ее функции переводчика. То и дело она через соломинку шумно втягивала в себя мутноватый напиток из высокого бокала.

— Скажи мистеру Арису, что теперь мне все понятно, — бросил ей Сун, поблагодари его за

службу, предложи ему выпить, что захочет. Затем я задам ему еще кое-какие вопросы. Первый — как он меня нашел?

Пока переводился вопрос, Сун не сводил своих оловянных глаз с худого, изъеденного оспой лица Ариса. Когда грек открыл рот для ответа, полковник увидел на зубах многочисленные золотые пломбы. Этот человек хорошо показал себя, не лучше, конечно, политически грамотного китайца, но все же удивительно хорошо для европейца и небританца.

Дони подалась вперед и плеснула в протянутый дрожащей рукой стакан бренди. Потом она снова откинулась на подушки, поправила рукой съехавшую бретельку купальника, обнажив при этом прядку тонких волос под мышкой. Стараясь выговаривать правильно, она сухо перевела:

— Он говорит, что обязан предупредить вас о том, что получил лишь половину обещанных денег.

— Это причина, по которой он явился сюда, а не способ, которым он узнал путь к этому месту. Пусть ответит снова.

Полковник, не меняя позы, ждал с неизменным и обескуражигяющим терпением.

— Он говорит, что всем им показали карту на

случай, если кто-то погибнет.

— Замечательная предусмотрительность и неверие в свои силы. Полностью оправдавшиеся, как выяснилось. Ну ладно, пока достаточно.

Арис проглотил бренди и сказал что-то от себя. Было видно, что чувствует он себя неуютно. Возможно, причина дискомфорта заключалась в той мягкой вежливости, с которой Сун выслушал историю о позорном и решительном провале. Именно страх — в куда большей степени, нежели совесть или мысль о деньгах — явился тем стимулом, который заставил его покинуть госпиталь в момент, когда организм уже отказывался повиноваться от усталости. По Пирею ходили слухи… Но он не смел даже думать об этом. Он все говорил и говорил, сопровождая речь причинявшими жестокую боль жестами.

Выслушав в угрюмом молчании пересказ Дони, Сун задумался:

— Как привыкли эти люди поклоняться словам. У них нет ни малейшего понятия о взаимосвязи слов и поступков. Если бы я решил воздать ему по делам, то его не спасли бы никакие слова ни на каком языке. Как он не может понять этой простой вещи? Он оторван от действительности.

Дони не могла дождаться конца аудиенции. Ею

овладела сонливая истома: так на нее подействовало солнце, морской воздух, горячий аромат чебреца и фенхеля, свободная поза, ожидание обеда и послеобеденною отдыха. Она смутно и не без удовлетворения ощущала, что ей по делам никто воздавать не станет. Делая вид, будто втирает в кожу мазь для загара, она медленно поглаживала бедро.

Немного оживившись, полковник продолжал:

— Скажи мистеру Арису, что я вполне понимаю те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться. Пусть он успокоится: бегство Бонда не будет иметь для него последствий. Мы используем сложившуюся ситуацию в интересах дела мира. И еще скажи мистеру Арису, что деньги ему заплатят сполна, плюс премия в пятьдесят американских долларов. Проводи его к доктору Ломанну. И пусть Евгений приготовит ему что-нибудь поесть. А потом, если захочет, то может воспользоваться твоими услугами или услугами твоей подруги. Но помни, он слаб, так что не переусердствуй.

Как только Дони узнала своего будущего клиента, улыбка слетела с ее лица. Она села и стала что-то с серьезным видом втолковывать Арису. Сун поднялся со стула, вытягиваясь в верти-

кальной плоскости, словно повинующаяся нити марионетка.

По-прежнему держась в тени, он отошел к противоположному углу каменной балюстрады. Там он стоял, ничем не выдавая своих чувств, его глаза были открыты яркой, ослепительной, но абсолютно неподвижной картине. Стрекот цикад достигал его ушей, но не проникал в ею сознание. Но даже если бы его мозг был сейчас свободен, он все равно не обратил бы внимания на этот бесцветный, чужой ландшафт. Имеет значение лишь действие, а не декорации. История — удел сильных личностей, людей, способных на поступки. Если возникает вопрос, где произошло то или иное событие, можно с уверенностью утверждать, что событие это не исключительное. Однако, через короткий период времени, менее чем через сорок восемь часов, он, Сун Ляндан, совершит нечто исключительное.

Когда слова у него за спиной иссякли, и собеседники ушли в дом, лицо полковника изменилось, но тело по-прежнему осталось неподвижным. По ту сторону зрачков змеились тусклые неторопливые язычки пламени, его губы цвета запекшейся крови растянулись и раздвинулись. Вдруг послышалось размеренное шипение, напоминавшее

работу насоса. Сун смеялся.

Взяв себя в руки, он поспешил в дом и стал торопливо подниматься по лестнице. Когда он подходил к расположенной в конце коридора комнате и щелкал замками, то был уже в превосходном настроении.

— Доброе утро, дорогой адмирал. Или точнее, — Сун сверился с черным циферблатом хронометра на своем запястье, — поскольку мне известно, что моряки щепетильны в вопросах времени, добрый день. Как вы себя чувствуете? Надеюсь, у вас есть все необходимое?

М. сидел и смотрел в окно. В маленьком проеме виднелось морс, и раз или два в день — почти невероятно — появлялась яхта или рыбацкая шхуна, напоминая и вселяя надежду за эти десять секунд, что мир еще существует и живет своим порядком. У окна он проводил лишь несколько минут, тах как стояние утомляло ею, а единственный стул, находившийся в тесной душной коморке, в которой, кроме стула, помещалась только кровать, был слишком низок, чтобы, сидя на нем, он мог заглянуть через подоконник. Две вещи доставляли ему особые мучения: во-первых, отдыхая на стуле, он может пропустить проходящее мимо судно: во-вторых, он пришел к выводу,

что начинает с нетерпением ожидать визитов Суна, как своего рода отдых от вынужденного бездействия. Он начинал постигать первые стадии той нездоровой и загадочной близости, которая подчас связывает жертву и палача. Теперь он повернул к Суну свое бледное, осунувшееся, с потухшими глазами лицо, но взгляд, которым он встретил китайца, был по-прежнему тверд, а голос, хотя и напряжен, но уверен.

— Какое тебе, желторожая тварь, дело до того, — отчеканил М., — есть ли у меня все необходимое? Говори прямо, что тебе нужно.

— Не сердитесь, сэр. Разгоряченная кровь и взаимные оскорбления не способствуют обоюдному пониманию. Отвечая на ваш вопрос, скажу, что мне важно, чтобы ваши потребности, по мере возможности, удовлетворялись, вы должны быть в отличной форме, чтобы с успехом выполнить отведенную вам роль в событии, которое мы оба готовим и которое, осмелюсь вас заверить, затмит собой все предпринятое нами обоими ранее. И держать вас впроголодь, лишать уборной и так далее не входит в мои планы. Я не собираюсь подвергать вас лишениям в эти последние дни вашей жизни.

Выражение лица адмирала не изменилось.

— Премного благодарен.

— Но я пришел не только для того, чтобы осведомиться о вашем здоровье, сколь дорого бы оно для меня ни было. Я принес вам известие. Известке о вашем коллеге по террористической деятельности — Джеймсе Бонде.

Усилие, которое предпринял М., чтобы сдержать свои чувства и не выдать появившийся внезапно луч надежды, а свести все к обыкновенной человеческой заинтересованности, едва не вывело его из равновесия. Адмирал не спеша протянул руку и ухватился за подоконник.

— Вот как? — удивился он, не выходя за рамки приличия.

— Между нами, признаюсь, Бонд проявил определенную активность и умение. Он нанес серьезный ущерб афинской части нашей операции. Однако я не несу ответственности за этот участок, и, в любом случае, он позади. Бонд где-то поблизости. М. никак не отреагировал.

— Наш метод работы разрозненными группами, руководимыми из единого центра, привел к неожиданному результату — пока в Афинах прикладывались все усилия, чтобы нейтрализовать Бонда, я готовился к тому, чтобы принять его целым и невредимым. Все выйдет по-моему. Мы

оба можем быть уверены, что находчивый 007 найдет дорогу в этот дом. Как только он придет сюда, а это случится завтра, если не сегодня, он будет схвачен. Сам по себе, я допускаю это, он очень опасен, но у него нет ценных помощников, кроме одной местной шлюхи, которая выполняет функции связника для русских, и греческого фашиста из портового кабака. В то время как я имею в своем распоряжении пять опытных помощников, которые сумеют с ним справиться. Успех не вызывает у меня сомнений.

— Как ты говоришь на своем отвратительном жаргоне, не мудро делать ставку на преимущество в живой силе. — М. нашел силы усмехнуться. — В прошлом Бонд выходил с честью и из более серьезных передряг. Организованных к тому же куда более опасным противником, чем китайский ребенок-садист, обитающий в мире фантазий. Молись, Сун, или жги своего идола, как это у вас принято.

Сун обнажил свои сдавленные внутрь зубы.

— Я бы на вашем месте помолчал о сожжении, адмирал. Каково будет вашей коже на груди? М. по-прежнему молчал.

— Потом мы придумаем, что можно сделать с вашей спиной. Здесь существует дополнитель-

ный фактор, который заключается в том, что пациент не знает, в какую точку и в какой момент будет нанесен следующий удар. Неведение дает иногда любопытные результаты. Но нет смысла обмениваться банальными угрозами. А теперь спокойно обедайте. Евгений обещал приготовить какой-то невероятный омлет. Думаю, вам не повредит сегодня и бокал вина. Вам непременно захочется выпить за успешное прибытие вашего друга и коллеги.

М. отвернулся и вновь неподвижно уставился на пустой сектор моря.

XIV. Палач Капудзоны

— Генерала очень встревожило мое сообщение, — рассказывала Ариадна. Он хочет, чтобы ты встретился с ним и поговорил. По-моему, он собирается предложить сотрудничество. После встречи ты, разумеется, в праве выбирать.

Взгляд Бонда задержался на кончике сигареты.

— Каковы гарантии, что он даст мне уйти беспрепятственно?

— Он дает честное слово. Слово генерал-полковника КГБ.

На короткое время в салоне «Альтаира» воцарилась тишина. Затем, не сговариваясь, Бонд и Лицас разразились хохотом.

— Я что-нибудь сделала не так? — спросила уязвленная Ариадна. — Или когда-нибудь вас обманывала? Бонд обнял ее и поцеловал в щеку.

— Нет, — успокоил он. — Нет. Боюсь, настоящий шпион из тебя никогда не выйдет — слишком ты честная. По одному твоему виду можно сказать, что каждое произнесенное тобой слово внушает тебе отвращение, и ты сама себя презираешь за свою неискренность. Актриса из тебя нику-

дышняя.

— Он что, свихнулся, этот твой генерал? — Лицас разлил по стаканам узо. — О чем он думает? Ты, полагаю, рассказала ему обо всем?

— Обо всем. Но он не поверил. Про Гордиенко-то он поверил, потому что даже такая дуреха, как я, не станет врать о том, что он сам может легко проверить. Но про остальное он сказал, что это Джеймс уговаривает меня помочь ему в борьбе против каких-то бандитов, с тем чтобы в конечном счете попытаться сорвать конференцию. Но у него, конечно же, ничего не выйдет, потому что генерал все предусмотрел; но все-такиэтот Бонд — опасный преступник… — в этом месте она с уничтожающим правдоподобием передразнила акцент Аренского. — … и может наделать дел. Мне пришлось притвориться, что я с ним согласна, а то бы ни за что оттуда не выбралась.

— Иными словами, — заключил Бонд, — он вел себя так, словно решил ни в коем случае не верить тебе, как только ты перед ним предстала.

Энергичным кивком головы Ариадна подтвердила предположение Бонда.

— Именно. Я — как раз тот человек, которому он попросту не в состоянии поверить. Я гречанка, а, значит, недоразвита, тупа и вообще. К тому же

женщина.

— Ага, выходит, он… — Лацис изобразил жестом, — один из этих?

— Да, видели бы вы, как он пожирал глазами Янни. Спросите у него. Ну и еще я из буржуазной семьи и, следовательно, сентиментальная идиотка, которая ничего не смыслит в политике. И наконец — я из ГРУ, а Аренский из КГБ.

— Понятно, в таком случае, вы — враги, — сухо заметил Лицас. — Как же иначе. Бонд усмехнулся.

— ГРУ — это управление разведки Красной Армии, Нико. Они тоже занимаются шпионажем и на этом поприще конкурируют с КГБ, а КГБ — это тайная полиция, которая гораздо обширнее и могущественнее ГРУ. Как видишь, поводов для соперничества предостаточно.

— Соперничество! — Ариадна фыркнула. — Зависть и ненависть. Междоусобная холодная война. Помните Олега Пеньковского, полковника ГРУ, который работал на Запад в связке с английским бизнесменом Гревиллом Уинном и покончил с собой в 1965 году в тюрьме? Так вот, — продолжала она, а Бонд в этот момент вскинул глаза, — по официальной версии он погиб в шестьдесят третьем, но на самом деле его держа-

ли в надежде использовать в своей игре против американцев. В конце концов, отравившись, он ускользнул от них. Во всех капиталистических странах гадали, почему он стал шпионом — ясно, не из-за денег. А в ГРУ все знают, что Пеньковский только так и мог отомстить КГБ за то, что они сделали с ним, с его друзьями и с…

Ариадна внезапно умолкла. Бонд иронически взглянул на нее и прикурил от окурка новую сигарету.

— От генерала помощи ждать нечего, — сказал он. — Нам даже следует остерегаться его. Это мы уже знаем.

— Больше того. В здешнем госпитале находится человек с катера, и Аренский собирается его допросить.

Бонд и Лицас переглянулись.

— Значит, его все-такивыловили, Джеймс. Занятно.

— И только. У нас ведь нет возможности разыскать его или установить, кто его навещает, к тому же, я думаю, он не представляет для нас угрозы. Наш маяк — это фон Рихтер. Где начнем поиски?

— В гавани. Всегда в гавани. Там на короткое время мы будем в безопасности, там же найдем горячую пищу, мясо, а не эту трапезу пастухов. И

самое главное — хочу заправиться, ведь полного бака этой посудине хватает, лишь на пару сотен миль. Ну что ж, вперед.

Лицас скрылся в машинном отделении. Бонд посмотрел на Ариадну. В светло-карих глазах девушки стоял туман, углы решительного греческого рта были опущены вниз. Он нежно обхватил ее за шею.

— Что с тобой, Ариадна?

— О, любимый, мне так жутко. Задумана крупная операция, а ее безопасность поручена жирному болвану, самодовольному чудовищу. По крайней мере, раньше-то они свое дело знали. Что же произошло?

— Я мог бы прочитать тебе целую лекцию о бюрократической системе и о том, что выдвижение сотрудников по политическим мотивам не всегда означает выдвижение лучших сотрудников. Я не стану всего этого рассказывать. Выбрось из головы. Положись на Нико и на меня. И на себя. Мы сделаем то, что не сделает Аренский.

Ариадна уютно прижалась к нему. Бонд улыбнулся своим мыслям. Среди них была одна, поразившая его своей парадоксальностью — он пообещал советскому агенту встать на страже советских интересов. Если бы узнал об этом, он

бы… Рев двигателя прервал ход мыслей Бонда.

Главная гавань на Вракониссе, хотя и относительно мала, но считается одной из самых удобных в южной части Эгейского моря: в любую погоду она уютна и спокойна, когда не дует южный ветер, который в этих водах встречается нечасто. Большинство островов вулканического происхождения имеет вокруг себя резко уходящее на глубину дно, что не позволяет устраивать у их берегов хорошие якорные стоянки — к примеру, Санторинский залив имеет глубину более тысячи футов, судам приходится швартоваться прямо к причалу или на буй — но доисторические колебания морского дна накренили Вракониссе к северу, уменьшив крутизну скал и создав полосу отмели, простиравшуюся ярдов на восемьдесят от берега. По бокам эту акваторию ограничивали два коротких мола, один из которых — западный — сохранился еще с времен венецианского владычества. У этого мола после заправки и пришвартовался «Альтаир».

Бонд стоял в ожидании своих спутников на моле под ярким солнцем и смотрел по сторонам. Многое привлекало его взгляд. Справа гавань заполняли мелкотоннажные суда: яхты, рыбацкие шхуны, транспортные суда (все, в чем

остров испытывал нужду, доставлялось морем) и целая флотилия маленьких двадцати- и тридцатифутовых лодок, необходимых на острове, где дороги были плохи и малочисленны, а доступ в некоторые селения открывался лишь по воде. Впереди располагался ряд одноэтажных домиков, который образовывал что-то вроде набережной. С ближнего конца ее стояли несколько белоснежных построек с синими и светло-коричневыми дверями и ставнями, за ними — лавка зеленщика, а дальше — склад, службы порта и таверна с выгоревшим зеленым тентом. Ни неоновых реклам, т автомобилей, ни сувенирных лавок не было. Пока не было.

Лицас и Ариадна сошли на берег, и все трое двинулись в направлении охваченного деловой сутолокой порта. Грязная извилистая дорога вела из порта к россыпи ослепительно белых домов, составлявших поселок, который был разбросан среди полудюжины холмов высотой всего четыреста-пятьсот футов. И повсюду — за исключением стоявшего особняком известнякового холма, который заслонял полнеба и был старше самого вулкана — виднелись фантастические горизонтальные полосы вулканического камня, черной лавы, пористого белого и желтого туфа, а

также более твердых и ярких пород, окрашенных в бордовый, темно-синий, темно-зеленый цвет. Враконис представляет собой незабываемое, но странное зрелище, скорее тревожащее, нежели радующее глаз; Бонд не мог понять, почему здесь живут люди. Он даже невольно вспомнил легенду, которую слышал от Ариадны. Ему подумалось, что, в известном смысле, она выражает ужас перед сверхъестественным; тот ужас, что внушает человеку всякая его попытка представить мысленно фантастический размах катаклизма, который все равно правдоподобнее любой научной геологической гипотезы.

Их поздний обед состоял из рыбного супа, приправленного изрядным количеством лимонного сока, и полутора дюжин восхитительных, похожих на перепелов птиц, которых в это время года в Греции добывают в изобилии. Все это они запили умеренным количеством рецины. От кофе Лицас отказался и ушел, объяснив, что ему необходимо зайти в порт — не только, чтобы, оставаясь в рамках закона, зарегистрировать «Альтаир», но также послушать, о чем говорят местные сплетники, да и самому поспрашивать.

Приблизительно через два часа он вернулся. Его карие глаза часто моргали, рот был плотно

сжат в веселой усмешке. Достаточно было одного взгляда на него, чтобы понять, что Лицас принес важные новости.

Еле сдерживая триумф, он сел, заказал кофе и облокотился головой на сцепленные пальцы.

— Есть две новости, — тихо проговорил он. — Кажется, я напал на след фон Рихтера. Объявился некий загадочный голландец, который называет себя Вандервельдом и утверждает, что изучает камни. Он снял домик на восточной оконечности острова, с ним юноша, который тоже якобы интересуется камнями. Разузнать это было нетрудно. Фон Рихтер не слишком утруждает себя конспирацией. Вчера вечером он ужинал в этой самой таверне. Конечно, он не рассчитывает, что его узнают. Думаю, во время оккупации он в этих краях не бывал. Нам здорово повезло.

Бонд нахмурился.

— Нико… извини, но откуда известно, что это именно он? Одного описания явно не…

— Дорогой дружище, Лицас еще не выжил из ума. У фон Рихтера есть отметина. Ожог от выстрела. Раскаленные газы из ствола оставили на левой стороне головы страшную рану. Повреждено ухо и кожа вокруг него, кое-где даже выпали волосы. У нашего друга из Голландии имеется

точно такое же увечье. Ну что, хватит?

— С этим уже можно работать.

Хотя в голосе Бонда и прозвучала лишь спокойная взвешенность, он ощутил прилив воодушевления. Весь день он не находил себе места от вынужденного бездействия, опасаясь, что верный путь так и не будет ими найден, и что всем троим придется позорно и безнадежно провести решающую ночь на островке под открытым небом, готовясь противопоставить смертоносному оружию, которое собираются пустить в ход китайцы, «Альтаир», винтовку и автомат. Но теперь-то они, в любом случае, знали, каким будет их первый шаг. Однако прежде необходимо было узнать, в чем заключалась вторая новость Лицаса.

— Это во-первых, а что во-вторых?

— Ах, да, — Лицас допил кофе и сполоснул горло холодной водой. — В госпитале выяснять что-либо бесполезно. Этот человек сбежал оттуда, как только ему сделали перевязку. По дороге в поселок он встретил крестьянина верхом на муле и попросил завязать ему ботинки. Крестьянин хотел его довести, но тот сказал, что предпочитает идти пешком. В селении ему предлагали кров и отдых, но он снова отказался. Все об этом только и говорят и сходятся к тому мнению, что

крестьянину следовало отвезти его обратно в госпиталь. А в последний раз этого человека видели на дороге к западной оконечности. Как раз в тех местах русские и собираются провести конференцию. Но ведь убежище фон Рихтера находится на противоположном конце. Что ты на это скажешь?

— У них две точки, — отозвался Бонд, задумчиво глядя на выскобленные доски столешницы. Какое-то смутное воспоминание тщетно пыталось оформиться в его сознании. Что-то мимолетное, происшедшее совсем недавно. Попытки сосредоточиться, он знал, ни к чему не приведут; наоборот, следовало не думать об этом, чтобы потом эпизод, набрав новую силу, вспомнился сам собой. Бонд продолжал:

— Вскоре противник объединит усилия. Скорее всего, сегодня вечером более поздний срок их не устроит. По всей видимости, основные события должны развернуться в западной части острова, а, следовательно, первый шаг сделает именно фон Рихтер. Вопрос только — какой. Нико, к дому, где остановился фон Рихтер, ведет какая-нибудь дорога или тропа?

— Над домом расположены виноградные террасы, но чтобы добраться до них, нужно карабкаться

по скале. Дело выполнимое, но чрезвычайно трудное. Думаю, ему это не подойдет. Он отправится морем.

— В таком случае, мы можем следить за ним с «Альтаира», и когда он появится, сядем ему на хвост, — отбарабанила Ариадна. — Это же очевидно.

Лицас скорчил гримасу.

— Это чертовски трудно, моя милая. Если мы будем слишком близко, нас заметят. А если сделать вид, что мы просто идем мимо, тогда он подождет, пока мы не пройдем. Да, ситуация.

— А мы погасим огни.

— А луна?

— Я видел его! — вдруг сказал Бонд и привлек их взгляды к себе. — Не фон Рихтера, а человека из госпиталя. Утром, пока мы ждали твоего, Ариадна, возвращения. Он карабкался по склону — очень неуклюже, словно раненый. Судя по всему, он направлялся к одному из дюжины домов на побережье. Теперь мы знаем, где искать.

— Откуда ты знаешь, что это был он? — поинтересовался Лицас.

— Готов поклясться чем угодно. Помню, я еще спросил себя, какое срочное дело может заставить калеку взвалить на себя столь дьявольски

трудное испытание. Никаких сомнений, это был он, спешил с донесением к своим хозяевам.

— Но ведь это северное побережье, — казалось, Лицас до сих пор был неудовлетворен. — Откуда даже не видно островка.

— И тебя, кстати, тоже. Пока что данная часть диспозиции нам не ясна. Сейчас требуется решить, что нам делать дальше. Снимемся с прикола и пройдем на безопасном расстоянии вдоль побережья. Посмотрим…

Неожиданно лицо Лицаса изменилось, все тело напряглось. Его рука, лежавшая на предплечье Бонда, обрела твердость металла. Он с трудом выдавил из себя:

— Он здесь. Герр гауптман Людвиг фон Рихтер. Справа, Джеймс. Выходит из лавки зеленщика. Можешь полюбоваться на него. В этих краях до сих пор принято глазеть на чужаков.

Бонд, как бы невзначай, обернулся и в двадцати ярдах от себя увидел немца. Тот стоял в спортивной рубашке и шортах, с пухлой хозяйственной сумкой в руке, поглядывая через плечо и вместе с зеленщиком смеясь какойто шутке. Его спутник, белокурый юноша с винной флягой в руке, радостно улыбался. Оба являли привлекательную картинку безоблачного отпускного настроения,

чистоты и свободы от хлопот. Затем фон Рихтер повернул голову, и Бонд увидел синевато-багровое пятно уха и плешь за ним. Беззаботно болтая, парочка удалилась по набережной.

— Уходят, — прокомментировал Лицас. — Схожу, посмотрю на их лодку. Потом пригодится. Он ушел.

— Джеймс, — Ариадна очнулась от задумчивости, — Среди прочего мне не дает покоя один вопрос. Зачем им понадобился этот человек? Его всегда могут узнать. Что в нем такого, что заставило их прибегнуть к его услугам?

— Хороший вопрос. Наверное, он уже выполнял для них кое-какие задания прежде. К тому же он обладает военным опытом. А на это всегда есть спрос.

Ариадна задумчиво покачала головой.

— Значит, ты думаешь, что речь идет о какой-то пушке. Диверсия с суши вероятнее диверсии с моря?

— Пока с уверенностью сказать нельзя. Атака с суши, с моря, может, еще что-нибудь. Выбор велик.

Последовал еще один задумчивый кивок, однако было видно, что Ариадна думает о чем-то другом.

— В мире миллионы бывших военных. Этот — специалист по пыткам. Вот в чем его ценность. Но зачем им это? Да и пушка меня тревожит. Как можно поднять на этот холм такой тяжелый предмет? И как они доставили его на остров? Может быть, это такая пушка, которая…

— … стреляет ядерным зарядом, — угрюмо закончил за нее Бонд. Миниатюрный вариант. Вполне транспортабельный. Другой реальной альтернативы я пока не вижу.

Слова эти заставили замолчать обоих. Наконец вернулся Лицас.

— Большая лодка с навесным мотором, — доложил он. — Сейчас они отчаливают, дадим им минут пять.

— А за это время нам необходимо уладить одно дело, — сказал Бонд. — Я имею в виду Янни.

— А что такое?

— Надо с ним расплатиться. Возможно, другого случая нам не представится. Лицас задумался.

— Верно, был об этом разговор, но стоит ли это делать сейчас, при данных обстоятельствах? Он отлично владеет ножом. И на катере не лишний. А опасность он может и переждать.

— Послушай, Нико, — прямой взгляд Бонда был суров, — Янни уйдет. Прямо сейчас. У парня, на-

верное, есть семья, родители? Как мы посмотрим им в глаза, если парня убьют или искалечат? Да ведь и искалечить человека можно не только физически. Янни уже достаточно пережил за время путешествия.

— Об этом я не подумал, — признался Лицас, на него теперь было жалко смотреть. — Конечно, ты прав. Я встретил тут приятеля, он поздно вечером идет в Пирен.

Договорюсь с ним.

Десять минут спустя, после короткого рукопожатия, Янни сошел на берег, а «Альтаир» взял курс в открытое море. На фотопленке памяти, которую сознание иногда приводит в действие в такие моменты. Бонд с предельной точностью запечатлел все, что окружало его.

Позади оставались веселые пестрые краски гавани, парусов, пляжных тентов, флагов разных стран и свежевыкрашенных кораблей, поросших густым лесом мачт. И над всей этой яркой палитрой возвышался Враконис, не менее разноцветный, но мрачный и древний, с гигантскими проплешинами первобытных скал. Справа от Бонда за штурвалом стоял Лицас, его темные глаза были прищурены, загорелые руки неторопливо поворачивали штурвал вправо; слева, точно

изваянная из мрамора статуя, с развевающимися на вечернем ветру тонкими прядями светлых волос, стояла Ариадна. Впереди — огромным раскаленным апельсином — садилось солнце, и на сверкающей сталью глади моря проступил свинцовый оттенок.

XV. «Следуйте, мистер Бонд»

Бонд сидел на залитом лунным светом склоне холма на высоте двухсот футов над уровнем моря, и ему чертовски хотелось курить. Он нашел гранитную глыбу размером со сторожевую будку, которая давала обширную тень и о которую можно было удобно облокотиться спиной. В качестве наблюдательного пункта эта точка была далека от совершенства, однако ничего лучшего во время беглого визуального осмотра местности с палубы «Альтаира» на исходе дня присмотреть не удалось. Расположившись чуть повыше и чуть позади группки из пяти домов, где, по их предположению, мог размещаться штаб противника. Бонд имел возможность вести прямое наблюдение за двумя домиками; переместившись ярдов на пятьдесят, видел третий; а также обозревал четвертый и пятый в достаточной мере, чтобы не дать фон Рихтеру и его людям, даже если лодка и подойдет без огней, высадиться на берег, не выдав конечной цели своего путешествия.

Пока все было в порядке. Еще днем, проплывая вдоль побережья, они обратили внимание на

крошечный кусочек пляжа — не больше бильярдного стола, откуда можно было без особого труда взобраться на круто уходившую вверх скалу. Изрядно поворчав, Лицас согласился остаться там и следить за развитием событий снизу, поскольку выступ скалы, к которому обязательно станет прижиматься лодка, сделает наблюдение за ней с моря, тем более ночью, невозможным. «Альтаир» с проявившей еще даже большую несговорчивость, чем Лицас, Ариадной находился в полумиле отсюда, на южном побережье, пришвартованный в числе дюжины таких же, как он, посудин к пристани рыбацкого поселка — о лучшем камуфляже нельзя и мечтать.

Большую часть времени тишину ничто не нарушало, но иногда до слуха Бонда долетали различные звуки. Лишь час назад в ближайшем к нему коттедже смолкли (то ли приемник, то ли пластинка) мелодии бузуки — своеобразная смесь обычной западной гармонии и характерных ритмов славян, турок, арабов. Лучшие певцы в этом стиле своими надломленными, исполненными жалобы голосами могли одновременно выразить и ярость, и любовное возбуждение, и безысходную грусть. Затем музыка оборвалась, и домик, из которого она доносилась, погрузился

во тьму, однако в домике по соседству по-прежнему горел свет, и до Бонда по теплому воздуху долетали обрывки разговора и смех. Раз или два он слышал шум прибоя, где-то в зарослях жутко кричала сова, вдали, в окрестностях рыбацкого поселка побрякивал колокольчик. Больше он ничего не слышал.

Напрягая зрение, он посмотрел на фосфоресцирующий циферблат хронометра «Ролекс Ойстер» па своем запястье. Три десять. Он не сомневался, что его расчет в основе своей верен и фон Рихтер прибудет. Когда это произойдет уже другой вопрос. Скорее всего, с первыми лучами рассвета, однако нельзя исключать и другого времени. Возможно было также, что фон Рихтер появится завтра утром у всех на виду, и его вместе со спутником примут как гостей. Такой поворот событий почти на сто процентов лишит его хоть сколько-нибудь оправданных надежд на принятие эффективных контрмер. Как бывало всегда в подобных ситуациях, Бонд заставлял себя не думать о неудаче, но он хладнокровно отдавал себе отчет в том, что операция все больше и больше становится похожей на скользкий склон, на котором может оказаться роковым и каждый неверный шаг, и ложный расчет.

Наконец послышался шум лодочного мотора.

Лодка приближалась с запада, как раз из-за того выступа, который заслонял островок. Через пару минут она вошла в поле зрения, на ней горели навигационные огни и тусклый фонарь на носу. Завершив огибающий маневр, лодка прошла с четверть мили параллельно берегу, затем повернула и взяла курс прямо к дальнему из двух коттеджей, которые Бонд видел со своего поста, к тому, где горел свет. Никакой спешки, никакой скрытности, но и никакой излишней рекламы. Кивнув самому себе, Бонд встал. Он должен спуститься вниз и рассмотреть все вблизи.

Он начал спускаться — теряя в расстоянии, но выигрывая во времени тем же путем, каким и пришел: по зигзагообразному желобу, вившемуся под десятипроцентным уклоном между двумя гранитными плитами. За желобом следовал широкий участок более гладкого, наклонившегося, словно палуба гибнущего каменного корабля, пространства, где нужно ползти на четвереньках, затем предстоял прыжок с высоты восьми футов на лишенную растительности почву, и завершал все это участок, откровенно требовавший профессиональных альпинистских навыков, так как необходимо было спускаться по изъеденной эро-

зией поверхности отвесной скалы, на вершине которой находился выступ, защищавший скалолаза от посторонних взглядов. Этот первый этап позволил Бонду преодолеть половину пути, но при этом увел его почти на сотню ярдов к востоку. Здесь, очень кстати, имелся левый поворот, который вел на ровную естественную террасу, тянувшуюся вдоль берега почти восемь-десять ярдов; она также была частично укрыта нависавшим уступом. Бонд ступал по заросшему густой травой упругому дерну, какой встречается лишь на хорошо ухоженных лужайках английских гольф-клубов. Когда же он был в Саннингдэйле? Во вторник в полдень. А сейчас пятница, или точнее — первые часы субботы. И пришлось же ему поработать за эти три дня!

В том месте, где почва под его ногами стала уходить вниз, Бонд опустился на колени и заглянул через край. Лодка приближалась на малой скорости. Он видел часть якорной стоянки, однако сам дом был еще скрыт. Требовалось спуститься еще ниже. Низко пригибаясь, чтобы быть незаметным на темном фоне зарослей колючего кустарника. Бонд поспешил к дальнему концу террасы. Теперь он стоял перед освещенным ярким лунным светом голым склоном белесой

скалы, загроможденным готовыми сорваться в любой момент камнями; вход в узкую расселину, которая вела вниз, находился на противоположной стороне голого пространства. Времени на обход не было. Осторожно и медленно Бонд ступал по открытому со всех сторон пространству. Заметить его мог лишь тот, кто специально стал бы смотреть в этом направлении, однако, стоило ему сделать лишь один неосторожный шаг и столкнуть камень, как шум моментально выдал бы его присутствие. Мотор лодки заглох, и он слышал теперь голоса. Затаив дыхание и напрягая слух, он пытался определить, нет ли в этих голосах встревоженных ноток, которые свидетельствовали бы о том, что он обнаружен. Но тон голосов был по-прежнему ровен.

Бонд добрался до расселины. Она представляла собой трещину в граните, которая, причудливо извиваясь, вела куда-то в направлении дома. Ложе расселины было гладким, поросшим высокой жесткой травой и напоминало бы русло пересохшей реки, если бы на острове была вода. Дважды ему приходилось прорываться сквозь цепкие объятия кустарника, который преграждал путь от стегал до стены. Было еще место, где расселина круто уходила влево, потом неудобный отрезок,

где края расселины сходились так близко, что пять или шесть ярдов ему пришлось проползти, затем крутой спуск, преодоление которого облегчалось своего рода перилами со стороны моря, еще колено — и он оказался в опасной близости от цели.

Прежде всего — укрытие. Он юркнул в спасительную тень каменной глыбы в форме двускатной крыши сельского дома, которая лежала поперек расселины, словно поваленная ветром, хотя в действительности находилась в таком положении еще до того, как Враконис появился на картах. От ближайшего угла дома его отделяло не более тридцати ярдов; плоская крыша дома была на одном уровне с его прежним наблюдательным пунктом, ко туда он еще успеет. Чуть дальше в сторону на миниатюрном каменном причале высаживался фон Рихтер. Бонд заметил сверкнувший плешивый участок кожи повыше левого уха. Низкий, коренастый мужчина, только что торопливо подскочивший к носу лодки, теперь был на ней и с помощью белокурого спутника фон Рихтера выгружал на берег нечто, напоминавшее огромную спортивную сумку. Бонд подался вперед. Бока сумки были неестественно раздуты, создавая впечатление неуклюжести и

тяжести. За ней последовала примерно дюжина квадратных металлических ящиков шириной около восьми дюймов, окрашенных — насколько позволял судить тусклый свет фонаря на носу лодки и фонаря, прикрепленного кронштейном к углу дома — в темный цвет. Ящики также казались чересчур тяжелыми для своих размеров. Затем, к удивлению Бонда, появились два дорогих клетчатых чемодана, обтянутых прозрачной полиэтиленовой пленкой. До сих пор разгрузка протекала почти в молчании, но вдруг раздался голос.

Говоривший стоял где-то у входа в дом, и его не было видно. В голосе звучали обыкновенные разговорные интонации, полностью соответствовавшие той деловой и открытой атмосфере, в которой протекала разгрузка. Человек обратился к фон Рихтеру по имени и пригласил пройти в дом. То, что человек говорил по-английски, было неожиданно, но куда более поражал его выговор, как будто вместо того, чтобы выучить язык, он механически проглотил его; обращали на себя внимание и спрятанные под тонкой оболочкой любезности властные нотки, которые нельзя спутать ни с чем. Бонд понял, что говорит главарь. Он стал терпеливо ждать, пока ему представится

возможность увидеть этого человека.

Однако, по всей видимости, это должно было произойти не сейчас. Фон Рихтер, выкрикивая ответные приветствия и вытянув вперед правую руку, направился к дому и исчез из поля зрения. Разговор продолжился (увы, неразборчиво), затем послышался смех, и голоса смолкли — вероятно, собеседники удалились в дом. Свет на лодке погас. Коренастый мужчина и белокурый юноша вдвоем взяли спортивную сумку и, миновав то место, где притаился Бонд, внесли ее в дом через боковую дверь. Затем они вернулись за ящиками и чемоданами. Наконец дверь закрылась и больше не открывалась. Фонарь на углу дома погас. Наступила тишина, если не считать приглушенного шороха разговора и слабого плеска воды о борта пришвартованной лодки.

Бонд вытянулся в темноте во весь рост, нужно было выждать какое-то время на случай, если эти люди забыли что-то в лодке и захотят вернуться. Он был не в силах сопротивляться назойливой мысли о том, что только что видел оружие нападения — или хотя бы какую-то его часть — и боеприпасы к нему; где-то поблизости, видимо, находилась и сама установка, доставленная сюда заранее. Но даже если все действительно

обстоит именно так, то дьявольское устройство выглядело уж что-то слишком малым. При таких размерах орудия и неизбежно низкой в такой ситуации начальной скорости заряд едва ли отколет хотя бы крошечную песчинку от стены дома на островке, который основательно выстроен из местного камня. Напрашивался мрачный вывод о том, что верна была его первая догадка, и здесь расположен лишь штаб диверсантов, а настоящая атака будет предпринята с моря, где исходную позицию определить невозможно. Однако он вновь отмел это предположение. Главари были здесь, а значит, здесь должен быть и он.

Бонд выждал еще двадцать минут. По-прежнему без перемен. Он начал действовать.

На то, чтобы произвести тщательный и неторопливый рейд вокруг дома и определить возможные подходы, у него ушло около часа. К концу осмотра он знал, что вокруг дома нет скрытой проволочной системы сигнализации, что подход со стороны моря, в силу огромного риска быть немедленно обнаруженным, практически невозможен, и что вдобавок к той расселине, которой он воспользовался сегодня ночью, с противоположной стороны к задней части дома вела хорошая дорога, по которой можно было

добраться до террасы секунд за десять. Взобраться на террасу было не легко, но реально, тем более вдвоем.

Вернувшись в убежище, Бонд оценивал свое положение. Сейчас было как раз то время, когда луна уже зашла, и темноту нарушали лишь звезды, однако с минуты на минуту следовало ждать первых признаков рассвета. Вскоре он будет вынужден уйти отсюда. Но взглянуть на внутреннюю планировку дома, хотя бы мельком, явно не помешало бы. Скорым шагом он спустился с возвышенности, пересек мощенное грубыми каменными плитами пространство и подошел к боковой двери. Не теряя времени, он ухватился за ручку, приподнял дверь на петлях и, с едва слышимым металлическим скрипом, повернул ручку. Затем, по-прежнему поддерживая дверь и предохраняясь от возможного скрипа, он толкнул ее. Дверь подалась. Миллиметр за миллиметром.

Минут через пять щель была уже шириной с фут. Его взгляду открылся стоявший торцом чемодан, слева он увидел нижние ступеньки лестницы, которая, видимо, вела на заднюю террасу, тускло освещенный коридор с выходящими в него комнатами. В этот момент, словно под воздействием его взгляда, одна из дверей откры-

лась, и из нее кто-то стал выходить. Бонда спасло лишь то, что человек, собиравшийся выйти из комнаты, замешкался на пороге, как будто хотел напоследок перекинуться репликами с тем, кто в ней оставался. Бонд захлопнул дверь и, раздираемый противоречивыми стремлениями не выдать себя и скрыться как можно скорее, повернулся и бросился бежать. Не успел он преодолеть и половины расстояния до расселины, как зажглось внешнее освещение дома. Он нырнул в укрытие и, сжимая в руке «вальтер», стал напряженно вглядываться в сторону дома. Все мысли улетучились из его головы.

Осторожность оказалась оправданной. Боковая дверь отворилась, и из нее появился фон Рихтер. Он наскоро огляделся, а затем быстро и целеустремленно зашагал вверх по склону прямо к тому месту, где лежал Бонд. Бонд взял грудь немца на мушку. Фон Рихтер прошел еще немного, пока не оказался в пяти ярдах, затем он резко свернул и исчез. Бонд выждал две минуты, три. Было тихо, и он решил, что фон Рихтер остановился где-нибудь поблизости. Ожидая чего-то или кого-то. Теперь из боковой двери вышел еще один человек, и Бонд впервые увидал полковника Сун Лян-дана воочию.

Он напряженно вглядывался в приближавшуюся высокую и худую фигуру движения плеч и бедер отличались гибкостью, на губах застыло подобие улыбки, предназначенной, очевидно, для фон Рихтера, но нисколько не менявшей бесстрастного выражения желтого лица. И в движениях, и в мимике чувствовалась беззаботная привычка повелевать. Такой человек не остановится ни перед чем. Однако, находясь под сильным впечатлением, Бонд не мог не усмехнуться, убедившись в том, что и второе его предположение подтвердилось. Сомнений нет — это рука Пекина!

Человек шел в том же направлении, какое выбрал фон Рихтер. В десяти пятнадцати ярдах, чуть в бок я чуть выше тайника Бонда. Они начали разговор.

— Подходит ли данное место для ваших целей? — голос, заговоривший первым, был точно таким же, как тот, что слышал Бонд у входа в дом.

— Да, полковник, я уверен, что все пройдет как нельзя лучше, — слова были неожиданно произнесены с тягучим акцентом, но вполне сносно. Конечно, не на скальной породе, возможно, придется немного увлажнить почву, но

это я установлю опытным путем позже. Итак, я вполне доволен. Вероятно, мы могли бы теперь отключить свет.

— Разумеется, — китаец повысил голос. — Евгений! Пожалуйста, свет!

Евгений — значит, русский. Видимо, тот крепыш.

— Сейчас мы рассмотрим в деталях условия проведения операции, продолжал голос с причудливыми интонациями. — Я думаю, вы согласитесь с нашим расчетом времени.

Свет погас.

— Нам придется немного подождать, пока не будет хорошая видимость, продолжал фон Рихтер, — но теперь, кажется, уже все в порядке.

Это уж точно — все в порядке! Бонд закусил губу. Последующие десять секунд полностью убедили его, что до восхода осталось не долго. Первые бледные краски уже стали проступать на окружавших его скалах, растениях, стенах домов. Как долго эти двое собирались еще продолжать переговоры?

К раздражению Бонда, в течение нескольких минут собеседники молчали. Затем немец сказал:

— Вон! Видите?

— О, да. Превосходно.

— Мы используем элементарный цветовой код, который за последний месяц нам удалось довести до совершенства. Как я уже говорил, у нас не было никаких затруднений. Не работа, а сплошное удовольствие. А необходимые опыты, — фон Рихтер особо выделил это слово, и Бонд даже представил его мимику и жесты в этот момент, — были просто обворожительны.

— И результативны, надеюсь?

— Конечно, конечно. Исход ожидается самый оптимальный. И в баллистическом, и в медицинском отношении. На этот счет можете быть уверены.

Китаец пробормотал в ответ какую-то любезность, и вновь наступила тишина.

Бонда прошиб холодный пот. Он только что решил застрелить обоих в спину, когда те станут возвращаться, а потом, воспользовавшись эффектом внезапности, расправиться с Евгением, белокурым юнцом и остальными, если таковые окажутся. Он вытер правую ладонь о разодранные на колене брюки и сел плотнее.

— Что ж, думаю, что пока мы увидели достаточно, — сказал фон Рихтер. После завтрака мы с Вилли займемся последними приготовлениями.

— Очень хорошо. Этот Вилли — как такой юноша отнесся к вашим опытам?

— Чрезвычайно хорошо. У юного Вилли весьма любопытная биография. Его отец был человеком Гиммлера, американцы повесили его в Нюрнберге по вздорному, как вы понимаете, обвинению в военных преступлениях. После этого Вилли стал сыном полка…

Последовало еще что-то, но Бонд уже не слушал. Голоса удалялись в сторону якорной стоянки. Он поднял пистолет и стал ждать. Однако, вопреки ожиданиям Бонда, парочка вовсе не собиралась приближаться к нему, а вместо этого они пошли куда-то к воде. Когда они снова оказались в поле зрения, их отделяло от Бонда семьдесят или восемьдесят футов. Бонду пришлось отказаться от своей затеи — при таком ненадежном освещении точный двойной выстрел вызывал большие сомнения. Если только они не вернутся… Но нет, неловко ступая, они миновали надводную часть лодки и исчезли за фасадом дома. Ладно, пока довольно.

Если для стрельбы свет был еще явно недостаточен, то для того, чтобы обнаружить передвижения Бонда, он вполне подходил и становился все сильнее, словно кто-то постепенно подкручивал

фитиль огромной лампы. Бонд подождал три минуты, прислушиваясь, собираются ли немец и китаец вернуться, затем выбрался из тайника и стал подниматься к началу расселины. Подъем занял у него больше времени, чем спуск, и к тому моменту, когда Бонд оказался наверху, солнце уже всходило. Он остановился, чтобы перевести дух и все обдумать; покрытый камнями склон казался пугающе открытым; но ведь еще предстояло преодолеть сто футов голой поверхности холма. Так что… Он встал, расправил плечи и решительно зашагал вперед. Наконец он достиг ровной площадки — теперь, при свете дня, искать защиты в колючем кустарнике не было смысла — и поспешил в укрытие нависающего выступа и дальше — туда, где кончалась ровная тропинка.

Теперь перед ним простиралась россыпь странных геологических образований — это была гряда огромных, в двадцать — тридцать футов высотой, каменных блоков почти правильной прямоугольной формы, тянувшаяся примерно на полмили и наваленная так беспорядочно, что перемещение хотя бы на десяток ярдов означало бесконечную цепь подъемов и спусков. Снизу и сверху были скалы. Во время первого путешествия на преодоление этой груды глыб у Бонда

ушло пятьдесят минут, но и сейчас он не мог надеяться уложиться меньше, чем в полчаса. Далее лежал еще короткий подъем на ровную площадку скалы, а после — легкий спуск на пляж и к лодке. Что ж, вперед.

И действительно, каменная гряда отняла у него куда больше, чем тридцать минут. Теперь он поднимался на скальную площадку, и в этот момент на противоположном конце площадки появился человек и направил на Бонда револьвер.

Это был высокий мужчина в дешевом темном костюме, теперь помятом и порванном. На плече у него висел зеленый пластмассовый футляр для бинокля.

— Доброе утро, мистер Шемс Бонд, — проговорил он с сильным русским акцентом и захихикал. Бонд стоял без движения.

— Я видел вас… сверху, — добродушно объяснил незнакомец. — Мы пойдем наверх. — Левой рукой он указал в сторону холма.

Бонд не шелохнулся.

— Нет? Тогда… застрелю. Мне все равно, — русский топнул ногой. — Мой друг… наверху. — Не сводя револьвера, он сделал поднимающее и несущее движение. — Тяжело. Можно упасть. У меня… в порядке. — Новый смешок.

Все было очень просто. Оставалась крошечная надежда на то, что пока не появился отсутствующий друг, Бонду удастся найти мимолетное укрытие от револьверной пули во время предложенного подъема. Бонд согласно кивнул.

— Молодец, — незнакомец оскалился. — Подойдите сюда. — Левая рука указала на место, с которого нельзя было кинуться в схватку. Бонд подошел.

— Теперь ваш пистолет. Медленно, пожалуйста, без резких движений.

Револьвер настойчиво смотрел в грудь Бонда. Никому не дано прицелиться и выстрелить раньше, нежели человеку, который уже навел оружие на цель и готов стрелять в любой миг. Будучи не в силах помочь себе. Бонд вытащил «вальтер» из заднего кармана и протянул его на ладони.

— Благоразумно… Бросьте его.

Еще один шанс упущен. Бонд отшвырнул автоматический пистолет в сторону и услышал, как тот брякнулся о камень.

— Ваш друг… — жест в направлении побережья. — … не поможет, а? Теперь… следуйте, мистер Бонд. Не торопитесь, не торопитесь.

Бонд хотел было уже повиноваться, как вдруг его конвоир зашатался, словно от сильного удара

в спину, и откуда-то снизу послышался резкий характерный хлопок патрона среднего калибра, за ним немедленно последовал тихий, но отчетливый лязг передернутого винтовочного затвора. Вдалеке едва слышно прокатилось запоздалое эхо.

Рука, державшая револьвер, опустилась. В устремленном на Бонда взгляде застыло жуткое выражение изумления и мольбы объяснить, как такое могло случиться. Бонд хрипло произнес:

— Это стреляли с пляжа из винтовки. Его сердце глухо стучало. Он так и не узнал, были ли поняты его слова. Русский сделал полуоборот, чтобы посмотреть назад, но грянувший в этот момент второй выстрел вывел его из равновесия. Подкошенный, он рухнул и уткнулся лицом в щебень. На плече и чуть выше поясницы темнели пятна крови.

Схватив свой «вальтер», Бонд бросился к пляжику и спустя две минуты был уже там. Лицас столкнул шлюпку в воду и сел за весла.

— Превосходный выстрел, Нико, — сказал наконец Бонд.

— Тебе понравился? Целиться пришлось вверх, однако, воюя в Греции, к этому привыкаешь. Да здесь не было и двухсот ярдов. Этой сво-

ей подружкой я срезал однажды фрицевского унтера с шестисот. — Он любовно кивнул лежавшей теперь на коленях Бонда винтовке «ли энфилд». — Сегодняшние наши клиенты начисто забыли о том, что существуют винтовки. Если в радиусе пятидесяти футов они никого не видят, то думают, что в безопасности. Бьюсь об заклад, наш друг на скале был немало удивлен, когда я его зацепил.

— Да уж, — глухо ответил Бонд, вспомнив выражение лица русского.

— Я следил чертовски внимательно, но пока он не возник перед тобой, даже не подозревал о его присутствии.

— А он тебя видел. Сам мне сказал.

— Вот как? Тогда с его стороны совсем непростительно так светиться, да еще стоять, размахивая пистолетом перед твоим носом. Кстати, кто он такой?

— Человек Аренского. Патрулировал холмы, увидел меня и спустился, чтобы перехватить.

— Боюсь, мы очень рассердим бравого генерала. Но будем надеяться, что он не станет пытаться вмешиваться в наши планы на сегодняшний вечер.

XVI. Временный капитан

В полдень «Альтаир» находился в пяти милях к югу от порта Вракониса, и его курс лежал на северо-восток. Видимость была превосходной, обещая хорошую погоду, но море еще играло, и каик, устремленный наперекор волнам, то и дело неуклюже переваливался. Более неуклюже, нежели позволяла бы опытная рука у штурвала.

Георгис Ионидес имел сравнительно небольшой опыт в вождении судов такого класса, хотя собственным судном — двадцатичетырехфутовым мотоботом «Цинтия» — он управлял с завидным мастерством. Он очень надеялся, что прежде чем погода улучшится, она не станет хуже; он боялся не за себя последующие несколько часов плавания пройдут под прикрытием того или иного острова — а за свою «Цинтию» и за людей, правда, в меньшей степени, которые теперь находились на ней. Зачем им понадобилась именно она, и куда они направляются?

Однако все по порядку. С довольной ухмылкой Георгис переложил штурвал на несколько делений влево, и «Альтаир» плавно соскользнул

с гребня волны. Он быстро постигал искусство управления «Альтаиром», да ведь он все схватывал на лету. Все дело в инстинкте, в том, что он прирожденный моряк. Дед частенько говаривал… А впрочем, ладно. Эти люди. Они, без сомнения, затеяли что-то противозаконное. Греки-то, мужчина и девушка, спокойные, вполне внушают доверие, но англичанин с его горящим взором, конечно же, сорвиголова. Георгис Ионидес понял это сразу. Он нисколько не удивился, когда часом ранее эти люди перенесли на «Цинтию» два завернутых в мешковину предмета, сильно смахивавших на винтовки. Георгис, разумеется, вежливо повернулся спиной и сделал вид, что интересуется только погодой. Недаром же он был уроженцем ионического острова Кефалиния. Кефалинийцы так обделывают свои дела — все видят, все примечают, но рот держат на замке.

Именно так он и молчал — открыл рот лишь затем, чтобы сказать «да» когда в гавани к нему подкатил этот афинянин и за три тысячи драхм (половина сейчас, половина потом) предложил обменяться посудинами на 36 часов. И когда афинянин поставил условием, что обмен должен состояться не здесь — на якорной стоянке, а в открытом море южнее острова, и что он должен

выждать, по меньшей мере, полчаса, прежде чем отправиться кудалибо, он попросту кивнул головой, словно такие предложения ему делают каждый день. Не выказал он удивления, не говоря уж о недовольстве, и тогда, когда афинянин тоном, не терпящим возражений, велел ему сразу же после свершения сделки взять курс на юг к острову Иос и оставаться там, покуда ему не дадут знать на следующий день к полудню или к вечеру. Весело и с готовностью он плыл на юг, делая свои восемь узлов, пока «Цинтия» не скрылась за горизонтом. Затем, недолго думая, он круто повернул штурвал и взял курс на северо-запад.

Просто Георгис с самого начала не имел никаких намерений плыть на Иос. По крайней мере, сегодня. Часам к шести вечера, не позже, он пришвартуется в порту Пароса. А утречком, встав пораньше, он преспокойненько с попутным ветром устремится на юг к Иосу, и у него еще останется времени с избытком, чтобы как ни в чем не бывало сесть у дверей портовой таверны и, попивая кофе, дождаться «Цинтии». Он усмехнулся своим мыслям и позвал двоюродного брата — паренька лет четырнадцати, который помогал ему на «Цинтии», и который теперь грелся под ласковыми лучами солнца на крыше надстройки

«Альтаира». Когда мальчишка прибежал, Георгис сказал ему несколько слов, указал направление и, оставив у штурвала, прямиком направился в салон. Когда они оказались под защитой Вракониса, море умерило нрав, да к тому же с этой стороны острова нет мелей.

Следуя указаниям афинянина — ни в чем себе не отказывать, он налил себе стакан «окитро» и уселся на одной из скамей. Он с наслаждением отведал благородный напиток, который вел свою родословную с острова Наксос, и который можно достать лишь там, да еще на Иосе и на Враконисе, и подумал, что для выпивки время, пожалуй, еще не наступило, но, в конце-то концов, он ведь в отпуске. Обманчиво слабый напиток, мягкий и тягучий, с привкусом горьковатой лимонной цедры и подслащенной остроты мякоти, расслабил его.

Раскурив сигарету, он выглянул в иллюминатор. В ста ярдах от них лежала юго-западная оконечность безымянного островка, на котором стоял огромный дом, где, было известно, живет сейчас богатый иностранец и развлекается с местными мальчиками. Похоже, эти люди считают, что здесь на островах им все дозволено! Георгис сделал гримасу отвращения. Потом он заметил,

что какой-то человек в темном костюме — быть может, сам иностранец — стоит на террасе и смотрит прямо на него. Пока Георгис, прищурив глаза от яркого солнечного света, наблюдал, человек юркнул в дом и почти тут же вернулся, но не один. Этот второй, подолгу не отрываясь, стал изучать «Альтаир» в бинокль, затем он передал бинокль первому. Теперь первый смотрел в бинокль. Наконец к двум наблюдателям поспешно присоединился третий. Казалось, всех троих очень интересовал проплывавший мимо каик. Георгис никак не мог понять причин этого интереса. Он встал, подошел к борту и дружески помахал рукой.

Реакция их, не заставившая себя долго ждать, оказалась самой неожиданной. Все трое резко выпрямились, переглянулись и снова обернулись к «Альтаиру» с видом священников, которых застали врасплох за каким-то неблаговидным занятием. Георгис помахал еще. На этот раз ему ответили, правда, сперва как-то вяло, но потом с энтузиазмом — священники решили показать, что они такие же люди. Георгис весело расхохотался и удалился в салон. Старый грек был прав, когда говорил, что все иностранцы сумасшедшие! Но эти-то, безусловно, богаты, — подумал он

минуту спустя, заметив огромный серый катер, мирно покачивавшийся на якорной стоянке перед домом. Богатые. И сумасшедшие. Однако вскоре его осенила неприятная мысль: что, если причиной их недавнего возбуждения было то, что они узнали в «Альтаире» похищенное судно или принадлежащее разыскиваемым преступникам? Он уже и раньше думал об этом. Но ведь известно, что туристы такими вещами не интересуются. Он выбросил эти неприятные мысли из головы.

Когда полчаса спустя он заканчивал на корме вместе с мальчишкой закусывать хлебом с сыром, маслинами и пивом, мысли Георгиса вновь вернулись на Парос. Парос интересовал его лишь постольку, поскольку там жила Мария; уже три года они были помолвлены, и вскоре должна состояться свадьба, но притворяться, что все идет так как надо, нет смысла. Хотя ее родители любили его и знали, что он человек честный, они явно не считали, что он в свои двадцать шесть лет занимал подобающее возрасту место в мире. Сегодня вечером он покажет им, насколько они не правы. Первым делом, он всех их пригласит на каик — Марию, ее отца и мать, младшую сестру — покажет его, угостит в салоне, спокойно объяснит, что один афинский приятель предоставил

эту посудину в его распоряжение на пару дней, чтобы он всесторонне испытал ее и высказал свое мнение. Затем он пригласит всех на ужин с омарами и наконец купит каждому хороший подарок в одном из дорогих магазинов для туристов, что тянутся вдоль главной улицы.

В благодарность за эти героические усилия, Георгис получит право говорить с Марией, держать ее за руку и даже видеть ее лицо. Конечно, на то, чтобы побыть с ней наедине подольше, рассчитывать не приходится. Таков был здесь жизненный уклад, так было принято. Георгис высок, хорошо сложен, и работа в сфере туризма приносит ему немало любовных приключений. Он не пренебрегает ими. И никто не пеняет ему за это, но если бы он позволил себе обращаться со своей невестой так, как он обращается с девушками из Германии или Англии, приезжающими на каникулы, то многие стали бы смотреть на него косо. Он знал, что молодежь смеется над обычаями предков, но его они устраивают. (Что думает об этом Мария, ему и в голову не приходило поинтересоваться).

Однако время от времени, вызывая в сознании образ Марии, он, как теперь, ловил себя на мысли, что пытается представить в деталях то, что

скрывалось под безукоризненно белым платьем, каково было бы смотреть и трогать эту полную грудь, что она сделала бы, если бы он… Георгис взял себя в руки. Такие мысли, помимо того, что будоражили сознание, были еще и бесплодны — если бы вместо того, чтобы быть современным и утонченным, он был отсталым и провинциальным, то назвал бы такие мысли греховными.

Стоило ему оглянуться за корму, как эти мысли оставили его навсегда. Каик быстро догоняла какая-то машина, вскоре обозначившаяся как мотобот, стоявший на приколе у островка. Это озадачивало и отчасти пугало. Георгис Ионидес порылся в совести и, насколько мог, обдумал свой легальный статус. Может, с бумагами у него и не все в порядке, но он ни в чем не нарушил закон, временно обменявшись каиками с человеком, в добросовестности которого у него нет никаких оснований сомневаться. Георгис продолжал путь.

Мотобот уже догнал «Альтаир», сбавил скорость и теперь шел нос в нос. Те трое, которых Георгис видел на террасе дома, вновь смотрели на него. Он ждал и думал, не сбавить ли скорость. Через полмили мимо них в противоположном направлении проплыла рыбацкая лодка, и у горизонта показалось перышко дыма большого

пассажирского лайнера, направлявшегося к острову Сикинос.

Наконец его окликнули по-гречески:

— Что за судно?

— «Альтаир», порт приписки Пирей. А вы кто? — спросил Георгис с дерзостью, которой не ожидал от себя. Ответа не последовало.

— Кто ты такой?

— Георгис Ионидес, временный капитан.

— Кто еще с тобой?

— Двоюродный брат, вот этот парень. На мотоботе посовещались.

— Мы перейдем к тебе.

— По какому праву?

— Именем Королевского управления береговой охраны.

О таком учреждении Георгис никогда раньте не слышал, но на сей раз у него достало ума не раскрывать рта, как принято у кефалийцев. Было ясно, что он вляпался в большие неприятности, усугублять ситуацию бессмысленным пререканием резона не было. Люди, на чьей стороне сила, а эти были именно таковы, в каких бы отношениях с законом они не находились, чрезвычайно вспыльчивы. Одно необдуманное слово могло навеки лишить его шансов добраться до Пароса.

Он заглушил двигатель и сказал брату:

— Экая досада, малыш, но ничего не бойся. Наверное, разыскивают какого-нибудь опасного преступника из Афин. Хотят убедиться, что мы не прячем его. У них это называется «необходимыми формальностями». Когда они к нам перейдут, примешь штурвал, а я с ними поговорю.

Некоторое время спустя, когда обыск «Альтаира» был завершен, мужчины обступили на корме Георгиса. Двое были иностранцами — отвратительного вида молодчики с хищно сжатыми губами; третий — толстый и рыхлый — представлял собой наиомерзительнейший тип грека, вероятно, из Салоник. Один из иностранцев говорил на языке, отдаленно напоминавшем Георгису диалект болгарского. Толстяк переводил.

— Где Бонд?

— Мне не известен человек с таким именем.

— Врешь. Несколько часов назад он был здесь. Георгис пожал плечами. Толстяк переводил дальше.

— Здесь утром был англичанин, отвечай?

— Да. Но он мне не представлялся. Я не имел с ним дел.

— Где он теперь?

— Не знаю. Он мне не исповедовался.

— Ты врешь, дерьмо. Где ты видел этого человека в последний раз? И постарайся говорить правду.

— В пятнадцати милях отсюда. В море, южнее Вракониса. Он и его друзья взяли мой каик, а я их.

— Куда они направлялись?

— Я уже сказал: не знаю.

Но прежде чем толстяк успел перевести, один из чужаков сделал шаг вперед, схватил Георгиса за грудки и тряхнул его. Одновременно он прокричал что-то на своем варварском языке прямо в лицо Георгису.

Это была ошибка. Нет оскорбления страшнее, чем обвинение во лжи, к тому же его нанесли на своей же территории и обдали при этом вонью гнилого картофеля; все это заставило Георгиса позабыть о том, что он кефалиниец, и вспомнить о том, что он грек. Ему на миг показалось, что он может поднять всех этих мошенников разом и кинуть за борт. Он схватил своей мускулистой рукой одного из чужаков за запястье и так толкнул его, что тот, шатаясь, отлетел к мачте. Со всем достоинством, на которое он был только способен, Георгис проговорил:

— Или вы предъявите документы, или я прика-

жу вам немедленно покинуть судно.

И это тоже было ошибкой, но куда более серьезной. Не успел Георгис договорить, как получил страшный удар в живот, а затем — рукояткой револьвера — в голову, после чего в полубессознательном состоянии распростерся на палубе. Он услышал протестующий крик брата; потом брат вскрикнул от боли. Толстяк продолжал.

— Где Бонд?

— Не знаю. Знал бы — сказал. А я не знаю. Наступила пауза. Кто-то отдал приказ. Затем еще пауза. Пытаясь встать хотя бы на четвереньки, Георгис опрокинулся на спину. Кто-то схватил его за лодыжки и широко развел ноги в стороны. Потом внезапно его правое колено взорвалось пароксизмом боли. До этого он никогда не думал, что такая боль возможна, она мгновенно захлестнула бедро, всю правую часть таза и даже кишки. В сравнении с этой болью любая другая могла показаться лишь неприятным ощущением, легким зудом.

Удар каблука пришелся Георгису прямо в коленный сустав с внутренней стороны. Это наиболее простой и скорый способ обрушить на человека лавину мучительных страданий. Он способен вызвать рвоту даже в самых сильных,

самых несгибаемых личностях. Георгиса рвало.

— Ну. Где Бонд?

— … Я не знаю. Он не сказал мне. Кажется, они повернули на восток. Я не заметил. Они посовещались.

— Хорошо. Как называется твоя посудина, и как она выглядит?

Георгис рассказал все, что ему велели — это была не та ситуация, когда следовало держать рот на замке. Он дал подробное описание «Цинтии». Он еще что-то говорил, как вдруг раздался новый взрыв — на этот раз где-то внутри его головы — и солнце в его глазах померкло.

XVII. В море

Георгис Ионидес был прав, когда высказал предположение, что, расставшись с ним, Бонд и его спутники взяли курс на восток, однако те, кто допрашивал Георгиса, все равно не смогли бы воспользоваться этой информацией. По заранее обговоренному плану, как только «Альтаир» скрылся за южным горизонтом, Лицас сделал крутой разворот и направил «Цинтию» прямо к Вракониcу. К трем часам «Цинтия» стояла уже на якоре у южного побережья острова, почти у самой восточной оконечности в восьми милях от безымянного островка. Рядом на волнах качалась дюжина прогулочных лодок, на берегу виднелись группы людей.

Место, где они стали, не было бухтой в полном смысле слова, а скорее вырубленной в береговой линии дырой с искромсанными краями. В одном углу, слегка выдаваясь над поверхностью воды, находился узкий, но ровный гранитный уступ, который значительно облегчал высадку. За ним на дюжину ярдов простирался покрытый галькой пляж, составлявший приблизитель-

но девять десятых всех пляжей острова. Вдоль противоположного берега бухты тянулась гряда причудливых каменных образований; поражала правильность их форм блоки так точно подходили друг к другу, что казались не то частями мегалитического дворца, не то прямоугольными башенными конструкциями, не то опорами исчезнувшего моста, окрашенные во все оттенки от коричневобронзового до оливково-зеленоватого. Почва здесь была менее пересеченной, чем на остальной части Вракониса, ее покрывали террасы виноградников и зарослей вечнозеленых растений — мирты, земляничного дерева, олеандра.

Решительным жестом Лицас опустил истрепавшийся тент, который закрыл их от палящего солнца, а вместе с этим и от посторонних взглядов.

— Здесь мы в безопасности, — прокомментировал он. — Сюда постоянно приплывают туристы, чтобы покупаться и вдобавок поглазеть на развалины древнего храма. Правда, единственное, что от него осталось, — это мощеные дорожки, но ничего другого в этом роде на острове нет, и узнаешь об этом лишь тогда, когда приезжаешь сюда. Во всяком случае, наша лодка не привлечет

внимания. Меня вот только беспокоит горючее. Его у нас всего миль на тридцать. Может, после наступления темноты быстро смотаться в порт?

— Нельзя, — отрубил Бонд. — Если, как мы предполагаем, у них в самом деле есть в порту человек, то ночью их будет двое. Мы рискуем раскрыться. А завтра… завтра весь бензин и так будет наш.

Это невысказанное «если» в последней фразе заставило всех троих на мгновение замолчать. Затем Лицас вскочил и откинул гофрированную крышку ледника.

— Я собираюсь выпить пива, — проворчал он. — Надо с ним кончать. Кто еще будет?

Сидевшая на палубе, подобрав ноги и опустив глаза, Ариадна отрицательно покачала головой. Бонд тоже отказался. Он был уже сыт этим водянистым, мыльным местным варевом.

Лицас приставил горлышко бутылки к крышке ледника и ударом левого кулака сбил пробку. Казалось, он вливал пиво прямо в желудок, не глотая.

— Теперь, — сказал он, вытирая губы, — если хочешь, Джеймс, вернемся к обсуждению плана операции. Поговорить об этом никогда не лишне.

— Согласен, — Бонд расстелил на палубе морскую карту, на обратной стороне которой он условно набросал план местности. — Уйдем отсюда ровно в двадцать ноль-ноль и идем в обход вдоль северного побережья. У пляжика мы будем, самое позднее, около двадцати двух…

Ариадна закачала головой, лицо ее было серьезно как никогда.

— А я думаю, что это слишком рано. Они будут предельно внимательны.

— Они будут начеку всю ночь. Но в это время они нас не ждут. Их расписания мы не знаем, значит, мы не можем откладывать до последнего момента. В десять часов вокруг будет еще достаточно лодок, и нас никто не заподозрит.

— Логично, — признала Ариадна тоном прилежного ученика. — Продолжай, Джеймс.

— Хорошо. Мы затаскиваем «Цинтию» на берег и привязываем ее. Нико, ты уверен, что это возможно?

— Вполне. На якорные цепи полагаться нельзя. Предоставьте это мне. Никаких проблем.

— Затем мы взбираемся на скалу. Это вовсе не так сложно, как может показаться. Но для автомата понадобится ремень — обе руки должны быть свободны.

Лицас кивнул.

— Устроим. Несложно.

— Теперь здесь, — палец Бонда остановился на плане, — здесь находится та скальная площадка, где Нико застрелил русского. Затем следует тот неприятный участок, о котором я рассказывал, но он всего лишь неприятен, а отнюдь не сложен или опасен. После этого…

Бонду понадобилось больше десяти минут, чтобы в мельчайших подробностях описать предполагаемый путь к штабу противника и ландшафтные условия,

— Остановимся здесь, — закончил он, указав на последнее колено расселины, ведущей к дому. — Нико и я обходим дом и занимаем позицию для броска к задней террасе дома. Этот этап сравнительно прост. На то, чтобы занять исходную позицию, мы потратим около пятнадцати минут. Как только мы ее займем, все вместе начинаем атаку. К этому моменту ты, Ариадна, уже будешь находиться под прикрытием той плиты, о которой я упоминал. Ты сразу услышишь, когда мы войдем в соприкосновение с противником. С этого момента делай вот что. Как только начнется стрельба, ты, не торопясь, начинаешь отсчет. Кто попадется на глаза — стреляй, затем входи в бо-

ковую дверь. Подойдешь к подножью лестницы и возьмешь на прицел все двери, что выходят в коридор. Там встретимся. Поливай всякого, кто попадется на глаза; моему шефу всяко не позволят разгуливать по дому… В случае, если ты никого не увидишь, то досчитай до тридцати, после чего входи в ту же боковую дверь. Но только при условии, что стрельба уже прекратилась. С другой стороны, отсутствие выстрелов будет означать, что наша атака провалилась. Тогда отходи тем же путем, каким пришла, и выходи на «Цинтии» в море — Нико подготовит каик и покажет, как завести мотор. Затем скройся. Берегись островка. Если эти люди не оставят своего замысла, там будет заваруха. В остальном — действуй по своему усмотрению. Я дам тебе письмо, которое прошу передать в Британское посольство в Афинах… Вопросы есть? Тогда давайте отдыхать и набираться сил. Они нам понадобятся.

Сон Бонда, прикорнувшего возле Ариадны на импровизированной постели из подушек, был судорожен, его мучали кошмары. Какое-то бесформенное существо — его очертания были слишком фантасмагоричны, чтобы определить их преследовало его во сне. Бонд бежал по абсолютно гладкой мраморной поверхности. На

дальнем ее конце росли геометрические деревья, совершенно одинаковые, схематичные, словно значки на чертеже архитектора. Когда он пробегал мимо них, они друг за другом беззвучно взрывались облачками пламени, не оставляя следа. Оглянувшись назад, он уперся глазами в кирпичную стену, сооруженную таким образом, что вместе с кирпичами в нее были вмонтированы жерла мортир. Отдаленный гул усилился, и стена стала падать на него. Однако, прежде чем она обрушилась. Бонд усилием воли стряхнул с себя сон, но ровный гул продолжался. Испытывая чувство алогичности происходящего даже в полусонном состоянии, Бонд встал, отогнул угол тента и выглянул наружу.

То, что он увидел, показалось ему разочаровывающее второстепенным. Не совсем еще освободившись от смутного, но тягостного воспоминания сна, Бонд апатично уставился на огромный дорогой серый мотобот, который, сбрасывая скорость, входил в залив. Очевидно, компания богатых туристов в поисках подходящего места для купания. Он лениво окинул взглядом палубу вновь прибывшего судна. Никакого движения или людей на ней не наблюдалось. Казалось, машиной управляли с расстояния по радио.

По-прежнему сонный. Бонд опустил тент и снова погрузился в сон. Он не слышал приглушенного рокота двигателей мотобота, когда тот, выполнив свою тайную миссию, отошел от берега и медленно покинул стоянку. Не мог он, само собой, знать и о прибытии мотобота в небольшую бухточку, что находилась в двухстах ярдах к востоку, и о том, что на причудливые вулканические арки разноцветных скал, которые обступали бухточку с одной стороны, был высажен наблюдатель.

Когда Бонд пробудился, сумеречный свет уже приобрел тот слабый и меланхолический оттенок тусклости, который в Греции, как нигде, делает конец дня так странно не отличимым от раннего утра. Через секунду Ариадна очнулась и перешла от по-детски глубокого сна в состояние настороженного бодрствования. Медленно моргая, она посмотрела на Бонда.

— Что будем делать?

— Что будем делать мы, я не знаю, — ответил он, целуя ее. — Знаю лишь, что буду делать я. Я буду купаться.

— И я тоже.

Пока Лицас спал, они разделись донага, и спустя несколько минут оба оказались в невероятно

прозрачной воде. Бонд повернулся и улыбнулся Ариадне.

— Кажется, с твоей стороны это довольно смело? — спросил он. — Я считал, что греческие девушки предпочтут скорее умереть, чем показаться на людях в обнаженном виде.

Она рассмеялась.

— Как мало ты понимаешь! Дело не в скромности и стыде, а в социальных предрассудках. Но здесь меня никто не знает, да к тому же мы так далеко от всех, что разглядеть ничего нельзя. А тебя мне стесняться уже поздновато.

Сказав это, она размеренными и неожиданно мощными экономными гребками поплыла от берега. Бонд был поражен. Со всех сторон эта девушка показывала себя все лучше и лучше. Он последовал за ней тем же стилем и без удивления обнаружил, что для того, чтобы догнать ее, ему приходится прикладывать определенные усилия. Когда они поровнялись, Бонд принял ее скорость, и ярдов сто они проплыли бок о бок. Вода, точно шелк, скользила по их телам. Теперь она стала темной и плотной. Бонд догадался, что они заплыли на огромную глубину. Остановившись, Бонд ощутил на своей щеке легкое прохладное дуновение бриза — первое напоминание о том, что лето,

расцветившее все вокруг, было небесконечно.

Не сговариваясь, они повернули и поплыли назад к лодке. Они хотели лишь освежиться, расслабиться, а вовсе не изнурять себя упражнениями. Через какое-то время показалось дно, и Бонду захотелось внезапно донырнуть до него, вновь побывать в этих сумеречных коралловых рощах подводного царства, которое в детстве он так любил. Но не сейчас. В другой раз…

Лицас помогал им взобраться на борт. Когда Ариадна ступила на палубу, он окинул ее одобрительным взглядом знатока.

— Знаю, не должен бы я смотреть, — сказал он ласково. — Сразу начинаю чувствовать себя как-то не так. Не по-родственному. Повезло тебе, Джеймс. А теперь, Ариадна, сушись и быстренько одевайся. Я хочу показать тебе «томпсон», пока не стемнело. Эти велосипедные фары Ионидеса ни к черту не годятся.

Восьми еще не было, когда Ариадна закончила тренировку с оружием (включая такой наиважнейший момент, как смена магазина на ощупь); Бонд еще раз тщательно объяснил диспозицию, они перекусили колбасой, овощами и фруктами, и Лицас поднял якорь. Положив руку на рычаг, он посмотрел Ариадне прямо в глаза.

— Thee mou, voi thisse mas![11] — буркнул он, и она наклонила голову. — Извини, — перешел он на обычный свой тон, переключив скорости и дав максимальный газ. — Короткая молитва. Очень помогает. Прости нам этот предрассудок.

— Передо мной извиняться не надо, — Бонд почувствовал себя неуютно, ибо и он хотел иметь что-то или кого-то, к кому мог бы вот так же обращаться в подобные моменты.

Операция началась точно по расписанию. Вся ее первая фаза так позже отразилась в памяти Бонда: выход в темноте в открытое море, тихий залив, поворот на север, затем на запад, долгий бесхлопотный поход под луной мимо гористого черного массива, тут и там проглядывающего огоньками деревушек, крошечная якорная стоянка, одинокий дом, редкие встречные лодки, монотонный вибрирующий гул маленького дизеля, плеск рассекаемых «Цинтией» волн и белизна пены, расходящейся от ее носа. Все шло своим чередом и внешне неизменно, покуда Лицас, занимавший сиденье у штурвала, не поднял глаз и не сказал:

— По-моему, нас преследуют. Трудно сказать

---

[11] Примечания: 11
Господи, помоги мне! (греч.).

точнее. Вон там. В шестистах-семистах ярдах позади. — Бонд уставился в темноту, следуя указанному направлению. — Крупное судно. Сколько времени это уже продолжается, не знаю. Не к добру это.

За кормой довольно ясно проглядывались темные очертания не освещенного, если не считать навигационных огней, судна. Других судов в море не было. Противник, если это он, ждал лишь благоприятного момента. Бонд бросил взгляд сперва на часы, потом на берег.

— Поворачивай к берегу и выжми из этой посудины все, на что она способна, — велел он Лицасу. — По моим расчетам, мы находимся в двух милях от места высадки. На суше у нас будет больше шансов уйти, чем в море.

— Если только мы доберемся до берега. Плыть-то далеко.

— Поворачивают вместе с нами, — бросила Ариадна, не оборачиваясь. Какие еще нужны доказательства? Увеличивают скорость.

— Ариадна, прими штурвал, — сказал Лицас. — Джеймс, я включу свет. Нужно снять регулятор. — Он поднял крышку машинного отсека и стал там ковыряться.

Бонд внимательно смотрел на преследова-

телей, которые теперь были на расстоянии не более чем в один фарлонг и продолжали быстро приближаться. Его ногти вонзились в ладони. Положение казалось почти безнадежным. Открытая палуба не обещала никаких укрытий, и козырей про запас у них не было. Он с яростью пытался понять, каким образом врагу удалось выйти на их след. Быть может, Ионидес…

Внезапно звук двигателя поднялся до невыносимого визга, и «Цинтия» словно зарылась носом в воду. Лицас вырубил свет и перешел на корму.

— Через час-другой двигатель просто рассыпется. Хотя, наверное, он нам на столько и не понадобится. Что будем делать, капитан? Продадим наши души подороже?

Он вытащил «ли-энфилд» из чехла, и Бонд услышал, как Лицас открыл казенную часть, вставил обойму и закрыл затвор. Совершенно инстинктивно Бонд прикоснулся к рукоятке «вальтера», заткнутого за пояс. Что делать — он не знал, но волна отчаяния схлынула.

— Все дело в том, что им от нас нужно, — сказал он. — Если они имеют задание уничтожить нас, то положение наше безвыходно. Если хотят взять живьем, то мы можем побороться.

Лицас заворчал.

— Ничего, скоро узнаем, что им нужно. Они могут… Он осекся, поскольку какой-то беззвучный взрыв осветил все вокруг хрупким, ярким блеском. Он почувствовал себя жестоко раскрытым и совсем беззащитным. Моральный эффект, который производит на расстоянии меньшем, чем сотня ярдов, прожектор в миллион свечей, поистине чудовищен, и противник, видимо, знал об этом, поскольку невыносимая иллюминация продолжалась в тишине целую четверть минуты. Крепко зажмурив глаза, Бонд всеми силами старался сопротивляться воздействию света, он нащупал «томпсон» и привел его в состояние готовности. Следом над водой разнесся усиленный громкоговорителем голос:

— Остановиться! Немедленно остановиться, иначе вы будете уничтожены!

— Ну что, выключить этот фонарик, Джеймс? — послышался голос Лицаса.

— Не сейчас. Сейчас ляг. И ты, Ариадна, тоже. Пусть решат, что им делать дальше.

Прошло еще с четверть минуты, в течение которых «Цинтия» изо всех сил тянула к берегу. Затем раздался резкий, трескучий хлопок выстрела из легкого орудия, и где-то впереди, на воде, тяжело ухнуло.

— Что ж, теперь ясно, с кем мы имеем дело — генерал Аренский. Фон Рихтер и его люди не осмелились бы выйти в море с такой помпой. — Теперь Бонд знал, что делать. Он выпалил скороговоркой. — У нас есть немного времени. Огонь они откроют не сразу — у них приказ взять нас, по возможности, живьем. Потянем время. У нас только один шанс на спасение. Надо принайтовить штурвал, тихо спрыгнуть за борт и плыть на буксире. В данный момент от берега нас отделяют около полутора миль. Нико, сделаешь?

— Само собой.

— Мы тебя ждем. Приготовь винтовку.

— Готова.

Громкоговоритель обратился снова.

— Немедленно остановиться, или следующий выстрел будет произведен в вас!

— Попробую поводить их за нос, — сказал Бонд. Выждав столько, сколько позволяли нервы, он крикнул:

— Согласен. Я готов сдаться. Но при условии, что вы отпустите девушку, которая со мной. Она здесь случайно.

Пауза. Бонд считал драгоценные секунды. Наконец послышалось:

— Никаких условий. Сдавайтесь немедленно.

— Я требую отпустить девушку.

Еще одна короткая пауза, и за ней резкая фраза:

— Даю десять секунд на то, чтобы выключить мотор. В противном случае открываю огонь!

— Считай до пяти, Нико. Ариадна, прими штурвал, пока он будет стрелять.

Бонд затаил дыхание и приоткрыл один глаз. Свет мгновенно проник внутрь черепа. При первом выстреле из винтовки, раздавшемся рядом, он застрочил из «томпсона», стремясь не столько попасть в людей, сколько заставить их отскочить от орудия. Лицас выстрелил еще раз, и все погрузилось в кромешную тьму. «Цинтия» круто накренилась. Сердце успело стукнуть лишь дважды, когда вновь раздался грохот орудия, и мгновенно в нескольких футах от Бонда что-то дико заскрежетало, обдав его голову и плечи фонтаном брызг. Только теперь он понял, что задержал дыхание, и шумно выдохнул.

С победоносным хохотом Лицас вывинчивал лампы в навигационных фонарях и выбрасывал их одну за другой за борт.

— Теперь на несколько минут они будут слепы, как кроты. Беда только в том, что они все же смогут нас слышать, если догадаются выключить

свой двигатель. Воспользуемся паузой. Подадим назад и немного поперек прежнего курса.

Пушка выстрелила еще дважды, но снаряды легли где-то в пятидесятишестидесяти ярдах.

— Злятся. Держи, Джеймс. Знаю, ты это не очень-то уважаешь, однако, когда ты окажешься в воде, это подействует, как коньяк.

Бонд сделал хороший глоток из предложенной бутылки и передал ее Ариадне. Распространившееся от напитка тепло принесло ощущение физического комфорта, но когда Бонд заговорил, в его голосе не было благодушия.

— Итак, мы безоружны. Я говорю о наших операциях на суше. Сейчас мы спокойно можем выкинуть наши автоматы и винтовки в море. Единственное стоящее оружие теперь — мой нож.

— Оставь, Джеймс, — Ариадна положила руку ему на плечо. — Сейчас наша задача — добраться до берега. По-моему, нужно думать об этом.

— Верно, — угрюмо подтвердил Лицас. — Надеюсь, они не смогут наладить свой прожектор скоро. Если я не прав, нам конец. — Он вперился в темноту. Эх. Направились к берегу по ошибочному курсу. Хотя погодите… Кажется, сбавляют ход. Точно. Вырубили мотор. Пора уходить. Но не

все разом. Первым — лучший пловец.

— Да, чуть не забыл, — внезапно сказал Бонд. — Возьмите обувь. Без нее мы пропадем. — Он снял свои ботинки с парусиновым верхом и заткнул их за пояс. — Ладно. Я пошел.

— Ариадна следом, за ней я. Я ей скажу, куда плыть. Давай, Джеймс. Увидимся на берегу.

— Конечно, Нико. Удачи. — Бонд пожал руку Лицаса, поцеловал Ариадну. Он вытащил из-за спины вальтер и бросил его за борт. Затем и сам он оказался в воде.

Плыть нужно было около мили, может, чуть меньше. Бонд поплыл с такой скоростью, которую считал оптимальной, собираясь перехватить Ариадну где-то на мелководье, чтобы вывести ее на берег. Море было совершенно спокойно, никакие течения не затрудняли его пути. «Цинтия» удалялась и вскоре исчезла совсем. Он уже преодолел около двухсот ярдов, когда вдруг понял, что мотобот на скорости пересекает его курс. По крайней мере, один раз он заметил вспышку выстрела. Скоро его захлестнула волна от бота, но когда он выплыл, то уже перед собой ничего не увидел. Только остров. Он ровными гребками плыл к той точке горизонта, которую взял за ориентир, не глядя ни влево, ни вправо, сознательно

сосредоточиваясь лишь на работе конечностей это отвлекало от тошнотворных мыслей о поражении.

Спустя двадцать минут, он приблизился к краю тени, которую отбрасывал на морскую гладь освещенный луной Враконис, и ему показалось, что впереди него какой-то пловец также пересек эту границу. Он переждал и посмотрел на запад, но ничего не увидел. Поплыл вперед, в тень, показался берег, только чуть левее, скорректировал курс, последняя сотня ярдов. Никаких признаков Ариадны. Должно быть, она самостоятельно нашла берег и теперь где-нибудь лежит, отдыхая. Несколько ярдов отмели; Бонд старался держаться как можно ближе к поверхности, опасаясь морских ежей. Он встал на ноги, он был на берегу. Он обернулся кругом.

Бонд только начал, отчаянно напрягаясь, обшаривать взглядом черную поверхность воды, как что-то яркое, более яркое, чем прожектор, сверкнуло у него в мозгу, и он понял, что падает.

XVIII. Когти дракона

— Превосходно. Превосходно. Наконец-то мистер Бонд с нами.

Сознание возвращалось к Бонду так быстро и так полно, как будто он пробуждался от естественного сна. Он полулежал в удобном низком кресле в комнате среднего размера с высоким потолком и достаточным освещением. Несколько человек обозревали его с разной степенью заинтересованности. Две девушки, обе дьявольски привлекательные, сидели на софе. Бонд видел их впервые. Но всех из пятерых присутствующих мужчин он встречал прежде. Человек, стоявший спиной к террасе, был тем черноволосым террористом, которого Бонд встречал на вилле Куортердек. Доктор, который тоже был там, теперь прятал шприц в черный кожаный чемоданчик. У двери стоял коренастый русский — слуга из прошлой ночи. Грека с грубым лицом и забинтованной рукой Бонд вспомнил не сразу. Однако высокого китайца, склонившегося над ним с озабоченным видом, забыть было невозможно.

Бонд резко спросил:

— Где девушка, которая была со мной?

— Вопрос естественный. — Китаец одобрительно улыбнулся. — Вам не нужно о ней беспокоиться. Ей не причинили вреда и пока не причинят. Теперь разрешите представить вам собравшихся здесь людей. Мисс Мадан и мисс Тартини, мои помощницы. Мистер де-Грааф, думаю, вам знаком, и доктор Ломанн также. Мистера Ариса вы тоже уже встречали, но только на расстоянии, во время вашей другой — более успешной — морской операции. Ему стоило большого труда доставить мне известие о вас. Мой слуга Евгений, — как хорошо обученный дворецкий, русский комично сделал легкий и достойный поклон, — и я. Меня зовут Сун, полковник народно-освободительной армии Китая Сун Лян-дан.

В течение всего спича Бонд удерживал себя от расспросов о Лицасе, чье продолжительное отсутствие было единственным лучом надежды — при условии, что он не был убит и не утонул. Помолчав немного, китаец уселся на мягкий стул из оливкового дерева в паре футов от Бонда. Его улыбка приобрела задумчивый и сочувственный оттенок.

— Невезение явилось характерной чертой

всей операции, — произнес он с забавным акцентом. — И сегодня ночью вы, мистер Бонд, испытали это в полной мере. Даже вы не смогли предсказать, что наши общие друзья — русские устроят такой прием в вашу честь, так сказать, настоящее галапредставление. — Сун хихикнул собственному остроумию. — И вдобавок, вам не повезло с заплывом, я смог послать людей к единственно возможному месту вашей высадки на берег. Но ведь это жизнь, не так ли? Как бы там ни было, примите от нас всех самые сердечные приветствия. Некоторые из моих коллег, мне известно, почувствовали большое облегчение и благодарность в связи с вашим прибытием. Они уже сомневались в том, что это вообще случится. А я не сомневался. Я верил. Так, меня нисколько не тронули рассуждения де-Граафз о том, что слишком решительные меры предпринимаются для обеспечения вашей безопасности. Мои же опасения, наоборот, заключались в том, чтобы какойнибудь не в меру ретивый исполнитель не убил вас раньше времени. Я всегда знал, что пока вы живы, вы будете стремиться сюда по собственной воле. В этом была неизбежность. Как вам предстоит понять, вы и я созданы друг для друга.

Здесь полковник Сун вновь замолчал. На лице

застыла улыбка, металлические глаза, не мигая, изучали Бонда. Затем он снова превратился в заботливого хозяина.

— Но простите меня… за невнимательность и черствость. Как ваша голова? Надеюсь, она не доставляет вам неприятных ощущений?

— Благодарю, немного побаливает. Но это пустяки, — Бонд заставил себя следовать в русле вежливого тона, предложенного Суном. Оставаться спокойным, не выдавать своей ярости и отчаяния — вот все, на что он был сейчас способен.

— Превосходно. Значит, обезболивающее средство, которое ввел вам доктор Ломанн, подействовало. Евгений ведь настоящий художник дубинки. И кроме того, я надеюсь, вы не испытываете скверных ощущений после вашего утомительного заплыва. Как видите, мы взяли на себя смелость высушить вашу одежду, пока вы лежали без сознания. И заодно забрать нож, прикрепленный к вашей голени.

— Весьма разумно с вашей стороны, — сказал Бонд легко. — У меня нет претензий. Я бы выпил немного виски.

— Конечно, мой дорогой друг, с удовольствием. Специально для этого случая я хранил бутылку

виски марки «Хейг». Со льдом, с водой?

— Если можно, чистого.

Сун кивнул Евгению, впервые отведя глаза от Бонда. Но почти тут же они вернулись в прежнее положение. — Кажется, если не считать мелких неудобств и некоторого утомления, ваше физическое состояние удовлетворительно.

— Вполне, — Бонд пытался скрыть растущее раздражение по поводу продолжения этой нелепой игры.

— Весьма рад. Усталость — это ничто по сравнению с тем физическим и общим состоянием, которое вас ожидает. Я искренне рад.

Появилось виски, и в щедром количестве. Бонд с благодарностью его принял и сделал объемистый глоток огненной жидкости цвета меда. Сун наблюдал. Когда он заговорил вновь, в его тоне произошла неуловимая перемена.

— Видите ли, для моих целей необходимо, чтобы вы сотрудничали со мной в наибольшем объеме, на который вы только способны. Во всяком случае, на протяжении последующих… — полковник сверился с часами на своем запястье, которые появились на свет явно не в Народном Китае, — … пяти часов. По истечении этого времени вы будете не способны на сотрудничество.

— Ни о каком моем сотрудничестве с вами ни по одной из ваших целей не может быть и речи, — с презрением ответил Бонд. — Каковы бы они ни были, я обещаю сопротивляться им до тех пор, пока у меня будут силы.

— Смелые слова, мистер Бонд. Но — и это понятно — вы поняли меня превратно. Ваше сопротивление и есть сотрудничество. Отсюда моя заинтересованность в том, чтобы вашей воле к сопротивлению не был нанесен ущерб Однако полное разъяснение этого вопроса перенесем на более позднее время. А пока я раскрою вам свои Цели, — при этих словах на его лице вспыхнула и угасла полуулыбка, — в самых доступных терминах. Необходимо, абсолютно необходимо, чтобы вы теперь же узнали то, что вас ожидает… Очень скоро вас отведут в подвал, который находится под кухней этого дома. Там, с применением самых изощренных методов допроса, которые я имел честь разработать, я стану пытать вас, пока вы не погибнете. Но вы должны понимать, что это не будет допросом в обычном смысле этого слова, иными словами, вам не будут задавать вопросы, и никакая информация, которой вы, возможно, захотите поделиться, никакие обещания, которые вы, возможно, захотите дать, никак не

повлияют на неумолимое продолжение допроса. Вам понятно, мистер Бонд?

— Вполне.

— Хорошо. Я не боюсь признаться, что в этом отношении я немного отклоняюсь от того приказа, который я получил. Или, если быть честным до конца, нарушаю его. Прежде чем убить вас, мне поручено узнать от вас как можно больше оперативных сведений, которыми вы владеете. Это крайне близорукое задание, типичный образец стерильного образа мышления бюрократа с упором на рутинную методику, стандартную процедуру и тому подобное. Думаю, все мы, каждый по-своему, сталкивались с ограниченностью чиновничьей мысли. В данном случае я буду действовать лишь по собственной инициативе; уверен — как британец, вы не можете не одобрить этого, мистер Бонд. А будучи, как и я, человеком дела и, следовательно, привыкшим к глупости начальства, вы понимаете, что у меня не будет трудностей в деле введения в заблуждение моих хозяев. На их обвинения я отвечу, что, ввиду вашего широко известного мужества и в силу ограниченности времени, явившейся следствием некомпетентности моих коллег, меня нельзя винить в том, что мне не удалось

сломить вас. На самом же деле, если бы я хотел добыть информацию, то мог бы заставить вас, как и любого другого, выдать ее за несколько минут. Но точно так же человек вашего опыта знает, как желательно подчас позволить боссам недооценивать вас.

Было до ужаса очевидно, что китаец говорит совершенно серьезно, что в его словах нет ни иронии, ни, что странно, триумфа от сознания всевластия палача над своей жертвой. Любой европеец расценил бы такие мысли, как признаки сумасшествия, однако Бонд достаточно читал и слышал об особенностях мыслительных процессов у восточных коммунистов, об их искреннем безразличии к человеческим страданиям, привычке видеть и в мужчинах, и в женщинах лишь предметы, бессловесные манекены, научные абстракции — так что в клиническом смысле психическое здоровье Суна не вызывало сомнений. Это обстоятельство делало его личность еще более чудовищной.

Но была ли у Бонда, пусть самая призрачная, самая невероятная, надежда, что в ком-то из присутствующих хотя бы начинает шевелиться чувство протеста при мысли о пытке ради пытки, хотя бы искорка участия? Он украдкой посмот-

рел на девиц. Стройная брюнетка отвернулась, вероятно, скорее от безразличия, чем от отвращения. Ее подруга с тяжелым бюстом смотрела на него пустыми темно-карими глазами; неутомимо безумная в постели, догадался Бонд, вне ее она была вялой и неповоротливой, как корова. Грек откровенно скучал, русский не обращал внимания. У дверей на террасу стоял этот самый де-Грааф, с ухмылкой на лице — полупрезрительной, полувосхищенной — наблюдая за Суком. Лишь доктор, побледневший и кусавший губы, выказывал признаки беспокойства; его поддержка могла бы оказаться бесценной.

— В любом случае, — нетерпеливо вернулся Сун к своей теме, — от меня требуется позаботиться, чтобы вы испытали максимальную боль и, вместе с тем, оставались живы… до рассвета. Деликатная работа, серьезный вызов моему мастерству. И вашей стойкости, мистер Бонд. Затем в надлежащий момент я вызову вашу смерть методом, который, насколько мне известно, еще ни разу не испытывался. Он состоит в том, чтобы, во-первых, сломать все двенадцать основных костей ваших конечностей и, во-вторых, впрыснуть вам препарат, который вызовет в вас конвульсии. Возможно, вам удастся создать мысленную

картину агонии, которая ожидает вас, когда мышцы выйдут из-под контроля, и раздробленные конечности станут дергаться, извиваясь и выкручиваясь как попало. Через несколько минут вы погибнете от шока. С этого момента вы перестанете меня интересовать. Под наблюдением одного из моих коллег ваше тело вместе с телом вашего шефа превратится в важную составную часть бесхитростного политического заговора, цель которого, говоря в общих чертах, нанести серьезный ущерб престижу вашей страны и еще одной враждебной нам державы. Прошу вас пройти со мной. Или у вас появились вопросы?

Бонд допил виски, казалось, он погрузился в размышления.

— Нет, вопросов нет, — проговорил он, как бы подбирая слова. — Все кажется предельно ясным.

— Превосходно. Тогда идемте. Я провожу вас. Когда Бонд встал, у него мелькнула отчаянная мысль броситься в яростную схватку; конечно, он ничего не достигнет, покажет лишь решимость сражаться до конца, но все же на несколько секунд инициатива перешла бы к нему. Едва он успел прикинуть расстояние до этой желтой глотки, стоявший за спиной де-Грааф схватил его

правую руку и подтянул ее к лопатке в губительном заломе. На миг Бонд обессилил от боли, и в этот момент Евгений ухватил его левую руку.

— Потише, Бонд, — деловым тоном посоветовал де-Грааф. — Одно движение — и твоя рука будет сломана. Тогда на вилле твоего босса нам было запрещено использовать болевые приемы. Сейчас другое дело. Все равно через пару часов эта рука будет сломана. Ну! — Давление немного ослабло. — Иди. Как я сказал, потише.

Они вышли из комнаты и пересекли низкий холл, увитый гирляндами вьющихся растений. Когда они поднимались по лестнице, мозг Бонда был словно заморожен, полностью растворен в механике движений. Наверху они повернули направо в лишенный коврового покрытия коридор. На двери в конце коридора Сун снял запоры, судя по их виду, установленные недавно, и вошел в комнату. Следом за ним через порог втолкнули и Бонда.

М. стоял неподвижно, заложив руки за спину. Он был бледен и изможден, казалось, что все те четверо суток, которые он провел в руках противника, он не ел и не спал. Как и прежде, он держался прямо, при этом его глаза, налитые кровью и чуть выступавшие из орбит, никогда

не были столь спокойны, как сейчас. Он слабо и сдержанно улыбнулся.

— Здравствуй, Джеймс,

— Добрый вечер, сэр, — неловко ответил Бонд. Сун расплылся в участливой улыбке.

— Вам, джентльмены, конечно же, нужно многое сказать друг другу. Было бы несправедливо смущать вас своим постоянным присутствием, посему мы удаляемся. Даю слово, что мы не станем подслушивать. И кстати, не теряйте времени зря на окно: оно закреплено надежно. Будут какие-то просьбы?

— Только одна — убирайтесь поскорее, — голос М. был хриплым.

— Разумеется, адмирал, — ответил Сун с ироническим почтением. Бонд скорее рефлекторно — лягнул каблуком де-Граафа в голень, но каблук, усиленный лишь парусиновым верхом и веревочной подошвой, не может служить оружием; единственное, чего он добился, так это того, что его заломленную руку лишь больнее потянули вверх. Бонда держали до тех пор, пока Сун не оказался у двери. В последний момент Бонд заметил, как Сун взглянул на часы и слегка нахмурился. Пусть на минуты, но расписание было уже нарушено.

Дверь захлопнулась, щелкнули запоры. Бонд повернулся к М.

— Боюсь, мне не очень-то удалось вам помочь, сэр. С видом человека, бесконечно уставшего, М. покачал головой.

— Я знаю, что никто не смог бы сделать больше, чем ты. Подробности можешь мне не рассказывать. Есть у нас шансы выбраться из этой мышеловки?

— Самые минимальные. Я насчитал здесь пятерых здоровых мужчин и одного раненого, который может стрелять. Есть ли тут еще кто-нибудь, сэр?

— Не знаю. Они все время держали меня взаперти. Кроме этого китайского лунатика я видел только слугу, который приносит пищу и водит на оправку… Как видишь, помощи от меня никакой.

Последние слова были произнесены тоном побежденного человека, чего Бонд никак не ожидал услышать из уст своего шефа, который теперь садился на неприбранную кровать. Вдруг Бонд услышал хрип.

— Они вас пытали?

— Немного, Джеймс. В основном, термически. И только по коже. Он заставил доктора сделать

перевязку. Кстати, совсем забыл о нем: выходит, что я видел троих. Странно получилось с этими пытками. Сперва Сун много угрожал. Говорил, что я буду молить его о смерти и так далее. Но похоже, это были пустые слова. У меня складывается впечатление, что главная его цель — ты.

— И мне так кажется, — вяло отозвался Бонд. М. молча кивнул. Затем продолжал.

— Кстати, в чем смысл всей этой чепухи? Вряд ли они пошли бы на все это лишь для того, чтобы испробовать новые методы пыток. Тогда, может быть, их цель — выкуп? Но мне ничего не говорят.

— На той стороне холма русские проводят секретную конференцию. Наши клиенты хотят устроить на них вооруженное нападение. Когда дым рассеется, там найдут нас с вами. Мертвых, но безнадёжно скомпрометированных.

Пока М. осмысливал значение сказанного, стояла тишина.

— Мы не имеем права допускать этого, — сказал он наконец. — Послушай. Если тебе представится хотя бы малейший шанс на побег, ты обязан воспользоваться им и оставить меня здесь. Я стану тебе роковой обузой, да и в схватке от меня толку не будет. Это приказ, 007.

— Извините, сэр, — не замедлил возразить Бонд. — Но в данных обстоятельствах я вынужден ослушаться вас. Либо мы вместе уходим отсюда, либо вместе остаемся. И чтобы быть честным до конца, существует еще один человек, о котором я обязан позаботиться. Одна девушка.

М. хмуро поднял глаза.

— Я должен был об этом догадаться. Теперь мне понятно, каким образом ты угодил в эти сети. Что же, весьма галантно с твоей стороны.

— Дело обстоит не совсем так, сэр. Мы работали вместе и были захвачены почти что одновременно. Если бы вы знали все подробности, то поняли бы, какую неоценимую услугу она нам оказала. К тому же она смела и упорна и все испытания прошла рядом со мной. Она…

— Хорошо, хорошо, — пробормотал М. Внезапно его настроение изменилось, он как бы ушел в себя. Пару раз его руки нервно сцепились и расцепились. Бонд услышал, как шеф сглотнул. Затем он произнес:

— Я должен спросить тебя кое о чем, Джеймс. Этот вопрос грузом лежит у меня на сердце. Какова судьба Хаммондов, Джеймс?

— Они погибли, сэр, оба. Застрелены. К счастью, профессионалом. Миссис Хаммонд, похоже, так и

не узнала, что с ней произошло.

При первых же словах Бонда, М., взмахнул рукой в странном и трогательном жесте, словно отводя удар. Затем — почти бесстрастно — он сказал:

— Еще один повод… чтобы остановить этих людей. Снова наступила тишина, но шаги, доносившиеся с лестницы, а затем из коридора, в конце которого была дверь в комнату, нарушили ее. Щелкнули запоры, и в комнату вошел Сун. Теперь он был оживлен и доверителен.

— Вы должны извинить мое вмешательство, джентльмены, но пора приступать к следующей стадии.

Произошла небольшая задержка, связанная с необходимостью нейтрализовать помощника мистера Бонда. Теперь эта работа завершена.

— Что вы с ним сделали? — Ощутив при этой новости приступ тошноты, Бонд понял: несмотря ни на что, он держался до сих пор за призрачный кусочек надежды. Теперь его у Бонда отняли.

— Он затеял борьбу и в результате пострадал. Ничего опасного. Сейчас он здесь, отдыхает. Мы сумеем найти применение и ему. Забудьте о нем. Идемте со мной, оба.

Возможно, из-за усталости Бонд позже вспо-

минал, что некоторые впечатления той ночи приобрели какую-то размытую скоротечность сна. Вот рядом с ним возникли де Грааф и Евгений; вот Лицаса с окровавленной прядью поперек лба вталкивают в комнату, соседнюю с комнатой М.; вот они снова на нижнем этаже, и фон Рихтер церемонно вручает своему юному белокурому коллеге Вилли бокал. Девицы исчезли. Говорил Сун.

— … для моих целей. Об этой части замысла вам лучше расскажет мой друг — майор фон Рихтер. В вашем распоряжении пять минут, Людвиг.

С сосредоточенным видом, словно сознательно выстраивая мысли в определенном порядке, бывший эсэсовец откинулся в кресле. На ярком свету поблескивал рубец. Он говорил без спешки со своим занятным певучим акцентом.

— Техническая сторона проблемы состояла в том, чтобы разрушить мощное каменное строение посредством не привлекающего внимания своими размерами оружия, которое отчетливо ассоциировалось бы с британцами. Исследование конструкции строения на островке предполагало лишь один ответ. Все подобные дома обладают весьма толстыми стенами, которые не пробьет даже полевое орудие. Но их крыша не так крепка.

Кроме того, она имеет плоскую поверхность, и падающий сверху снаряд не может отскочить рикошетом. Лишь одно оружие подходящего размера удовлетворяет этим требованиям, вдобавок к своим малым размерам, оно невидимо для тех, кто находится в зоне поражения.

— Миномет. — Позднее Бонд не мог с уверенностью сказать, что это слово произнес именно он. Даже в эти мгновения его наполняло чувство триумфа и неземное ощущение чуда, словно он разрешил извечную загадку. Четыре внешне не связанных между собой факта неожиданно предстали перед ним, как замаскированные ключи к истине: та деталь в легенде о драконе, который мог поражать свои жертвы из-за горы; давешние рассуждения Ариадны о пушке, едва не приведшие ее к правильному ответу; спортивная сумка с тяжелой и неудобной поклажей, которую он своими глазами видел здесь, на берегу; наконец тот кошмар, который мучил его во сне около шести часов назад, и в котором он заметил мортиру, вделанную в обрушивающуюся на него стену. Последний эпизод, конечно, ключом не был, он был лишь ответом на вопрос, всплывшим из глубин его подсознания, пока сознание боролось с логикой, математическими расчётами, практи-

ческими возможностями. Если бы только он смог оценить истинное значение той стены! Но даже если бы смог, то что тогда?

— Ха! Высший балл! Es ist ja schlau, Willi, was?[12] — Так же, как и Сун, фон Рихтер проявлял признаки чрезмерного и нервического добродушия, которое Бонд и прежде замечал в людях, отправлявшихся на опасное, но верное дело. — Совершенно верно, мистер Бонд. Если быть точнее, то это тяжелый миномет «стоукс» трехдюймовою калибра. Наш экземпляр этого орудия мы получили на складе неонацистов в Аугсбурге. Там хранится много оружия, добытого во время второй мировой войны, и достаточно боеприпасов. Нам повезло. «Стоукс» — это замечательное орудие. Типично британское. Идеальный образец легкой артиллерии карманного размера, который может настигать противника из укрытия. Высота траектории его снаряда такова, что может с легкостью перенести мину через вершину холма и приземлить ее на островке. Поскольку установка не имеет спускового крючка, а лишь боек в основании ствола, который воспламеняет запал каждой мины, когда та опускается по

---

[12] Примечания: 12
Вот так хитрец, а, Вилли? (нем.).

каналу ствола, то может быть достигнута умопомрачительная частота стрельбы. Мастер сумеет поднять в воздух одновременно до двадцати мин. Каждый десятый наш заряд будет дымовым. Вы можете представить, какая суматоха поднимется у наших друзей, когда мы начнем атаку. К тому же людские потери. Они будут весьма значительны… Важен также вопрос точности. Здесь необходим практический опыт. В течение десяти дней, проведенных в Албании, я приноравливался к нашему экземпляру миномета. Я изучил все его особенности. Но как вы понимаете, когда человек, ведущий огонь, не видит цель, как это будет в нашем случае, то ему нужен корректировщик. Этим займется Вилли. Албанское правительство любезно предоставило в наше распоряжение участок земли, сходный по своим данным со здешними условиями. Мы с Вилли разработали процедуру. Он поднимется на вершину холма, в ту точку, которая лежит на условной линии, связывающей цель и огневую позицию. Сразу под вершиной он установит фонарь. Это будет мой ориентир, который задаст направление. О расстоянии я уже имею точную информацию. В намеченное время не ожидается почти никакого ветра. Мы придумали систему сигналов,

и моя стрельба будет контролироваться. Наше мастерство таково, что в течение одной минуты три снаряда из четырех попадут в дом или прилегающую непосредственно к нему территорию. Этого будет достаточно… Бомбардировка начнется на рассвете. После ее завершения на арену выступаете вы и ваш шеф. Люди, которым будет поручено проводить расследование, обнаружат ваши останки на огневой позиции. Один из вас был неосторожен с боеприпасами, и последовал взрыв. Это вполне правдоподобно, поскольку капсюль взрывателя мины крайне чувствителен. Если уронить мину на поверхность скалы с высоты грудной клетки, то последствия могут быть самые печальные. Нет нужды говорить, что подлинный ход событий будет совершенно иным. Я из-за укрытия просто брошу гранату на огневую позицию, где вы и ваш шеф будете лежать, лишенные возможности двигаться. Эта стадия операции потребовала предварительных опытов. Взрыв не должен, с одной стороны, нанести вам лишь поверхностные повреждения, которые не скроют того, что вас предварительно подвергали пыткам, а с другой стороны, он не должен искалечить вас до неузнаваемости. Поэтому, пока я находился в Албании, я вынужден был провести

определенные эксперименты. Они проводились на трупах. В основном, на трупах. В этой стране всегда есть изрядный запас свежих трупов. Произнеся эти слова, фон Рихтер от души рассмеялся, потом овладел собой. На этом я завершаю изложение военного аспекта данной операции. — Не глядя на часы, он добавил, — чуть меньше пяти минут, полковник.

Бонд вспомнил о том, что Ариадна уже ставила когда-то этот в высшей степени важный вопрос — зачем им понадобился человек, являющийся специалистом по жестокости. Ответ был теперь достаточно ясен. Его подтекст внушал ужас.

— Благодарю вас, герр майор. Нужна ли кому-нибудь из вас, джентльмены, еще какая-нибудь информация? М. сказал:

— Я полагаю, вы уже заготовили для нас фальшивые документы?

— Отличный вопрос, адмирал! Да, в нашем албанском управлении уже подготовили полный приказ, в соответствии с которым вы выполните сей вопиющий акт агрессии. Его остатки будут обнаружены на вашем трупе. Ваше правительство, конечно, объявит приказ фальшивкой, но разве не то же самое они стали бы делать, если бы он был подлинным? Все улики будут доказывать

ваше соучастие. Ущерб престижу России будет достаточно ощутим, чтобы потребовались какие-то дополнительные искусственные шаги.

— Откуда вам известно о предстоящей конференции в таких подробностях? — спросил Бонд.

— О, один из мелких чиновников в Москве, связанный с этой конференцией, бессознательно потерял на минуту бдительность в то время, когда поблизости находился наш агент. Мы организовали встречу с этим чиновником, и мне удалось в итоге заставить его еще раз потерять бдительность, но на сей раз сознательно. И убедить, что если он вздумает открыться своему начальству, то мы непременно узнаем об этом и соответствующим образом отреагируем. Однако оставим эти разговоры, и давайте перейдем к делам более захватывающим. Будут еще вопросы?

Наступила тишина, ибо какой прок в словах? И неподвижность, ибо ничего нельзя было сделать. Ни сил. Ни надежды.

— Советую вам, мистер Бонд, проститься со своим шефом. Когда вы встретитесь с ним снова, вы, вероятно, не сможете уже этого сделать.

XIX. Теория и практика пытки

Подвал был тесен, всего десять футов в длину, двенадцать в ширину и шесть с половиной в высоту, с бугристым, покатым полом. Одну из стен образовывала неровная, грубо обтесанная скала. Если что-то и оставалось тут от прежних обитателей, то было вынесено — помещение было пусто, чисто выметено и вымыто. Крепкая деревянная лестница вела к прорезанному в потолке люку. У одной из стен располагалась школьная скамья, у другой шаткий маленький столик и табуретка. Подвал освещала тусклая лампа без плафона, но в проволочной оплетке.

Как Бонд ни сопротивлялся, он не мог избежать того, что его крепко-накрепко привязали к тяжелому креслу, стоявшему в противоположном скальному выступу углу. Его запястья и лодыжки были стянуты обрезками полотенца; борясь с де-Граафом, Евгением и Вилли, Бонд в полуха слышал пространные объяснения Суна относительно того, что веревка может вызвать отеки и крайне нежелательные побочные болевые эффекты. Прикрепленные к металлическим кольцам,

вмурованным в пол и стены, цепи обеспечивали неподвижность кресла независимо от поведения сидящего на нем человека.

Оставшись на короткое время в одиночестве. Бонд сидел и ждал. Как никогда, хотелось курить. В мозгу одна за другой проносились беспорядочные картины: тонкие черты лица Ариадны, ее нежный румянец; состоявшееся каких-то десять минут назад крепкое рукопожатие с М.; бессловесная мольба последних мгновений Гордиенко; окровавленная голова Лицаса; гольф с Биллом Тэннером целая вечность прошла с тех пор; страшное изумление настигнутого пулей русского: воодушевленный рассказ фон Рихтера о его албанских «опытах»; распростертые тела Хаммондов на кухне Куортердека; и вновь Ариадна. Затем перед мысленным взором Бонда предстал Сун, его властные раскованные движения, металлические глаза, вдавленные внутрь зубы, темные губы. Этому человеку предстояло отправить его в мучительнейшее путешествие, конечный пункт которого — смерть. Вдруг Бонд почувствовал: спина его покрыта холодным потом.

Наверху послышались шаги. Бонд заставил себя сделать несколько глубоких вдохов. Крышка люка откинулась, и в просвете показался Ев-

гений. В руках у него был деревянный поднос, который он разместил на маленьком столике. Даже не взглянув на Бонда, он вернулся к лестнице и поднялся наверх. Бонд стал изучать лежавшие на подносе предметы: две металлические иглы разной Длины, напоминающие шампуры, и одна деревянная, пузырек с бесцветной жидкостью, воронка размером с кофейную чашку, пучок каких-то щетинок от метелки, кож с шестидюймовым лезвием в форме тонкого прямоугольного треугольника, несколько коробок спичек. Дыхание Бонда стало вдруг хриплым.

Спустя минуту, в течение которой стояла абсолютная тишина, появился Сун. Он улыбнулся и, словно приветствуя любимого друга, кивнул, после чего тихо сел возле столика.

— Прежде чем вы приступите, Сун, — ровным голосом проговорил Бонд, — я хочу попросить вас об одной услуге.

— Просите, мой дорогой Бонд. Вы ведь знаете: я сделаю все, что в моих силах.

— Та девушка. Что с ней?

— Я думаю, с ней сейчас развлекается де-Грааф. Или Евгений. А то оба разом. Возможно, к ним присоединились и девушки. В такую ночь, как эта, мне кажется, можно позволить себе толику

безумия.

Бонд постарался не обращать на эти слова внимания.

— Утром отпустите ее. Отправьте куда-нибудь. Что бы она ни рассказывала позднее, это не сможет поставить под вопрос успех вашего замысла, к тому же вы и ваши люди будут уже вне опасности.

— Весьма сожалею, — возразил Сун, качая головой и вздыхая. — Поверьте мне, я желал бы вам помочь, но это невозможно. Вы должны это понимать. Что скажут мои простоватые боссы, если я оставлю в живых хоть одного свидетеля операции такого масштаба? Правила запрещают подобное. К сожалению, она должна умереть.

— Тогда можете вы сделать это быстро? Безболезненно? — Бонд вряд ли заметил жалкие, умоляющие нотки в своем голосе. — Ведь правила, наверное, этого не запрещают?

— Разумеется, не запрещают. Что бы вы обо мне ни подумали, мистер Бонд, я все-такине варвар. Я всегда выступаю против бессмысленной жестокости. Я прослежу, чтобы де-Грааф — большой мастер в этом ремесле застрелил ее в затылок. Она не успеет ничего почувствовать. Я прослежу за этим лично. Не беспокойтесь на этот счет.

— Спасибо, — Бонд верил ему и был благодарен. Затем его вновь наполнили ярость и ненависть. — Теперь приступайте к своей грязной забаве садиста. Доставьте себе это грязное удовольствие. Пользуйтесь моментом.

— У меня складывается впечатление, мистер Бонд, — как ни в чем не бывало сказал Сун, — что ваши представления о природе садизма пребывают в сумбурном состоянии. Вы сказали…

— Какое вам дело до моих представлений? Несите ваши тиски для пальцев и раскаленные гвозди. Едва ли они принесут мне большие страдания, чем ваши безумные разговоры.

Полковник улыбнулся.

— Ваш вызов делает вам честь. Но вы даже не знаете, чему бросаете вызов. Вскоре вы будете желать всей душой, всем сердцем, чтобы вам удалось уговорить меня отсрочить боль хотя бы на несколько секунд… Что ж, Джеймс. — Сун встал и принялся мерить шагами крошечное пространство перед стулом, на котором сидел Бонд. — Надеюсь, вы не станете возражать, если я буду называть вас Джеймс? Мне кажется, что мы так долго знакомы.

— Разве я могу возражать?

— Конечно, не можете, Джеймс. К тому же это

было бы так естественно, вы не находите. Это установит между нами подобающий тон близости.

— А я-то думал, когда же вы решитесь на это, — сказал Бонд внезапно изменившимся голосом. — Я думаю, что вы и люди, подобные вам, с трудом находят добровольных партнеров, поэтому их приходится привязывать и…

— О, нет, нет, нет. — Сун был искренне расстроен. — Я знал, что вы заблуждаетесь в этом вопросе. Настоящий садизм не имеет никакого отношения к сексу. Близость, о которой я говорил, морального, духовного свойства союз двух душ в своеобразном мистическим смысле. В великом произведении божественного маркиза де Сада «Юстина» есть один персонаж, который говорит своей жертве: «Небо предопределило вам роль терпящего страдания, точно так же как мне — роль причиняющего их». Вот каковы те отношения, которые отныне будут нас связывать, Джеймс.

Сун продолжал мерить шагами пол, сосредоточенно хмурясь — глубоко задумавшийся философ, напряженно подыскивающий верные слова, чтобы точнее выразить свои мысли. Наконец, словно поняв, что слова никак не желают

ему повиноваться, он вздрогнул.

— Вы должны понять, что меня ни в коей мере не интересует изучение сопротивляемости боли и подобной этому псевдонаучной ерунды. Я просто хочу пытать людей. Но — и это главное — не из каких-то эгоистических побуждений: разве святой или мученик может быть эгоистом? Как объясняет де Сад в своей книге «Философ в будуаре», через жестокость человек поднимается к высотам сверхчеловеческого знания, к высотам ощущения новых способов бытия, чего нельзя достичь другими средствами. А жертва — и вы не исключение, Джеймс, — духовно освещается; христианские иерархи описывают это, как возвышение души — через страдания. Вы и я — бок о бок — станем исследовать эти высоты.

Возбуждение или какое-то более глубокое чувство окрасило щеки Суна в темно-желтый цвет. Под белой рубашкой вздымалась и опускалась его широкая грудь. Однако, нисколько не вняв этим рассуждениям. Бонд скептически проговорил:

— Скучно, Сун. От ваших рассуждений. Нет ничего более безынтересного, чем умалишенный.

Сун хихикнул. Внезапно он оживился. Его руки задвигались.

— Эту реакцию я предвидел, дорогой друг. Од-

нако продолжим. И вот мы вместе, Джеймс, вы и я, в подвале на одном из греческих островов. Боюсь, эти декорации уступают в роскоши тем, что приготовили для вас ваши недавние оппоненты. Но ведь мы-то с вами не оппоненты, не правда ли? Мы ведь сотрудники. Прекрасно. Что же я с вами сделаю? В какую часть вашего тела я нанесу удар? И чем?. Может быть, электричеством? Электричество способно вызывать некоторые из самых утонченных болевых ощущений — при условии, что удар нанесен правильно. Но это слишком легко. Нет простора для изысканности. И вдобавок — будем смотреть правде в глаза — здесь, в Восточной Европе, на электропитание нельзя полагаться. Нет, я глубоко убежден: любой уважающий себя офицер безопасности обязан уметь обращаться с инструментами, которые можно найти на всякой кухне — ножи, шампуры, щеточные щетинки, — все это вы уже наверняка заметили на этом подносе. Однако я слегка грешу против истины, когда говорю о той роковой инъекции, которая ввергнет вас в пучину конвульсий. Этот препарат вы не найдете на всякой кухне. Его получают из грибницы, которая растет в Китае, так что, с определенной долей допущения, можно представить себе кухню, где имеется

эта самая эссенция… А теперь наиважнейший вопрос — в какое место направить атаку? Казалось бы, напрашивается ответ — в половые органы. Я уверен, вы по опыту знаете, что здесь может быть достигнут колоссальный болевой эффект, а также весьма любопытный психологический эффект, который рождает в жертве сперва страх, а потом горечь по поводу утери своего мужского качества. Но вряд ли это сильно подействует на вас. Верю, что уже убедил вас, Джеймс: я собираюсь лишить вас не мужского качества, а самой жизни. Да и вся идея атаки на половые органы представляется такой… вульгарной.

Наступила пауза. В ушах Бонда пульсировала кровь. Сун достал из спортивных брюк красную коробку сигарет «Бенсон-энд-Хеджес» и протянул ее Бонду.

— Спасибо, не хочу.

— Вы уверены? Это будет ваша последняя сигарета.

— Я сказал, не хочу. — Бонд почти забыл, как мучил его никотиновый голод. Мысль о том, что эти желтые пальцы вставят сигарету ему в рот, будут заботливо вынимать ее изо рта, чтобы встряхнуть пепел, была просто непереносима.

— Как угодно. — Сун щелкнул отделанной

кожей зажигалкой «Ронсон» и выдохнул клуб дыма. — Итак. Куда же? В какой части человеческого тела спрятана его жизнь? Где находится его самая сокровенная точка, его душа, его сущность, его личность?…

К примеру, можно очень плодотворно работать с ногтями. Или, как мы уже обсуждали, с половыми органами. Коленный сустав довольно нейтрален, но даже работая с ним, можно добиться самых неожиданных результатов. Но все это имеет место, так сказать, за пределами личности человека. Человек, конечно, видит, как его потрошат и вместе с болью испытывает от процедуры парализующий ужас. Но все же это происходит на расстоянии. Не внутри человека. — Сун приблизился к креслу, в котором сидел Бонд, и опустился на колени. Теперь он говорил полушепотом. Его горло подрагивало. — Человек живет внутри головы. Именно там находится его душа. И это утверждение истинно и с субъективной, и с объективной точки зрения. Однажды в Корее в моем присутствии — я, правда, не имел к этому прямого отношения — одному американскому пленному выкололи глаза. Случилось самое невероятное. Он прекратил существование. Он умер, хотя по-прежнему был жив. Внутри его черепа

ничего не было. Поверьте, это в высшей степени странно.

Итак, Джеймс, я собираюсь проникнуть туда, где находится ваша сущность: внутрь головы. Первое наше сближение произведем через ухо. — Сун встал и подошел к столику. — Я возьму этот шампур и введу его внутрь вашего черепа. — В тусклом свете сверкнула тонкая длинная полоска металла. Сначала вы не почувствуете ровным счетом ничего. В буквальном смысле ничего не почувствуете. Барабанная перепонка, которую я собираюсь раздражать, не имеет осязательных рецепторов, только болевые. Поэтому о присутствии шампура вы впервые узнаете лишь тогда, когда… я предоставляю вам самому подыскать подходящее определение для ваших ощущений. Если сможете.

Раздавив каблуком сигарету, Сун посмотрел на Бонда с чем-то вроде сострадания.

— И последнее, Джеймс. Подвал обладает хорошей звукоизоляцией, под нами скала. Пол над нами устлан коврами и одеялами, что еще больше уменьшило слышимость. Испытания показали, что с расстояния в сто ярдов уже практически ничего не слышно. Так что кричите, сколько влезет.

— Бог вас накажет.

— Не накажет, Джеймс. Ему меня не достать, а я вас достану.

Затем энергичной походкой человека, который спешит по какому-то важному делу, полковник Сун подошел к креслу. С необузданной решительностью он своей мощной левой рукой, словно хомутом, обхватил голову Бонда и прижал ее к груди. Бонд изо всех сил дернулся, но безрезультатно. Через несколько мгновений он почувствовал, как в его левую ушную раковину осторожно вводится кончик шампура. Сжав зубы, он ждал.

Боль кольнула внезапно, первый ослепляющий толчок агонии своей губительностью напоминал выстрел из пистолета в упор. Он услышал собственный сдавленный стон. Затем была передышка, во время которой он успел понять, что прекращение боли — куда более тонкое чувственное переживание, чем самые неистовые спазмы любви. И снова боль — взрывами, толчками, пластами, потоками; боль, от которой захлебываешься и которая выжигает; боль нескончаемая, как море или песок пустыни. Новая передышка и новая мысль: больнее уже быть не может. И тут же боль в тысячу крат страшнее. Вдох; и стон.

Вдох; и стон. Вдох…

Крик прекратился. Сун почувствовал, что тело Бонда ослабело, и отпустил его. Голова Бонда, из каждой поры которой сочился пот, упала на еле дышавшую грудь.

Сун, словно снисходительный наставник, взъерошил взмокшие волосы Бонда. Потом он резко повернулся, приподнялся на лестнице и с силой толкнул люк. Крышка приоткрылась на несколько дюймов.

Тут же раздался приглушенный голос:

— Слушаю, сэр?

— Спускайтесь вниз. Ломанн.

— Так точно, сэр.

Доктор с черным кожаным чемоданчиком в руке стал спускаться. За ним показались фон Рихтер и Вилли.

— Надеюсь, вы не станете возражать, полковник, если мы поприсутствуем.

— Нисколько, мой дорогой Людвиг. Я ценю вашу заинтересованность. Как видите, для зрителей приготовлены места. Прошу садиться.

— Этот… — Доктор откашлялся и начал снова. — Этот человек без сознания, сэр.

— Рад, что вы разделяете мое мнение. Теперь сядьте и приготовьтесь внимательно наблюдать.

Это будет для вас хорошей школой. Если вы и в дальнейшем желаете служить нашему движению, то должны побороть в себе сдерживающие факторы. Учтите это.

Доктор Ломанн поколебался, затем кивнул и занял место на скамье рядом с Вилли.

— Ну, что же вы для нас припасли, Сун? — распевно спросил фон Рихтер. — Мы ожидаем от вас чудес. По общему мнению, Пекин — лидер в этой области.

Польщенный комплиментом, Сун склонил голову на бок, однако, желая оставаться объективным, сказал:

— Во Вьетнаме тоже весьма плодотворно работают. Некоторые сторонники Хо Шимина с удивительной для такой сравнительно отсталой страны легкостью овладели этим искусством. Подают большие надежды. Ага…

Он сделал шаг и приподнял голову Бонда за подбородок. Серо-голубые глаза раскрылись, прояснились и вперились в Суна.

— Будьте вы прокляты, Сун, — послышался слабый голос.

— Превосходно. Можно продолжать. Я работаю с его головой, Людвиг, как описывал. Пока он держится неплохо, но это только начало. Вскоре он

будет кричать, лишь завидев, что я приближаюсь к нему, чтобы продолжить процедуру… Теперь я предполагаю раздражать септум — перегородку из кости и хряща, которая делит носовую полость. Всем видно? Хорошо.

И вновь боль — сперва не такая невыносимая, как прежде, потом Бонд уже не различал. Он пытался отгородить в сознании место, где не все было бы занято болью, где были бы мысли — прежде, когда он имел дело с палачами, ему удавалось это, и он таким образом сопротивлялся. Однако сейчас боль быстро завоевала все пространство. Единственной мыслью, на которой он смог сосредоточиться, была мысль о том, что он не должен стонать именно в это мгновение. Или в это. Или в это…

Прошло какое-то время, и боль на миг отступила. Он еще существовал где-то. Это было единственным, что он твердо знал. Но должно же быть и что-то еще. Крик. Кричал ли он? Неизвестно. Но в любом случае, старался не кричать.

Разговаривали люди. Сквозь шум, похожий на плеск быстрой реки, он различал отдельные слова. Опасность. Шок. Инъекция. Почувствовал легкий укол в руку, до смешного легкий.

И снова боль. И ничего, кроме боли. Никаких

мыслей.

Миновало еще какое-то время, и он пришел в себя. Опять появились мысли. Или, вернее, одна большая мысль, которая заполнила собой все и была всем. Она давила, как невероятно толстое одеяло, обволакивала, как липкая холодная слизь океанского дна. Бонд никогда не испытывал этого чувства прежде, но что оно означает, понял быстро. Это было отчаяние, предощущение агонии, смерти. В сравнении с ним заполнявшая рот и нос кровь, пульсировавшая в голове сумасшедшая боль были пустяками.

Бонд открыл глаза. Оказалось, что видеть он мог довольно сносно. В футе от него находилось лицо Суна. Однако с тех пор, как Бонд видел его в последний раз, в нем произошла какая-то перемена. Оно высохло, кожа на нем стала походить на бумагу из старинных книг, глаза покраснели и опустели, раскрытые губы подрагивали. Дыхание этого человека было поверхностным и шумным, он постоянно сглатывал. Казалось, тиски изнеможения держали его так же плотно, как и Бонда. Это было странно, но не имело значения. Теперь ничего не имело значения.

Кто-то спускался по лестнице. Автоматически, без интереса Бонд поднял глаза. Это была одна

из двух девушек, включенных в группу, — брюнетка. Она бросила на Бонда взгляд и быстро отвернулась. Ее тонкие черты лица выражали слабое отвращение и большой страх. Сун медленно выпрямился и повернулся к ней. У нее перехватило дыхание.

— Вы больны, сэр?

— Нет. Нет. Это от моих опытов. Они так действуют. — Голос его тоже изменился. Он стал хриплым и приобрел какую-то монотонность, свойственную ученику, который отвечает зазубренный, но не вполне понятый урок. После продолжительной паузы человек добавил:

— Они вызывают перемены.

— О-о. Что желаете, сэр?

Сун импульсивно указал на Бонда.

— Этот человек… на грани смерти. В течение жизни его величайшее удовольствие составляли любовь и секс. С вашей помощью я собираюсь заставить его сожалеть о том, что он навсегда лишится возможности любить.

Сун говорил это, однако в словах его не было убежденности. Он неловко замолчал, как будто переворачивал в своем сознании страницу. Затем его засушенный голос с напряжением продолжал.

— Чтобы встретить смерть, которую я ему подарю, Джеймс Бонд должен быть в соответствующем расположении духа. На самом дне колодца безысходности, горечи и унижения, которого может только достигнуть человек.

Он умолк. Девушка не сводила с него глаз.

— Что вы желаете, сэр?

— Разденься донага и встань перед ним, — Сун как будто диктовал письмо. — Покажи ему свое тело. Ласкай его возможно сладострастнее.

Девушка по-прежнему смотрела на него, но теперь помимо страха ее лицо выражало гнев и бунт.

— Нет! — Она с трудом подыскивала слова. — Я не могу. Это… плохо.

— Можешь и будешь. Если ты и в дальнейшем желаешь служить нашему движению, то должна побороть в себе сдерживающие факторы. Делай, как я сказал.

— Не буду!

В голосе Суна появились призрачные нотки оживления.

— Если ты не станешь меня слушаться, я прикажу перерезать тебе горло и выкинуть твой труп за борт, как только мы выйдем в море.

В ушах Бонда ревела, шелестела, звенела ти-

шина.

Лицо девушки снова изменилось, и он вдруг, сам еще не Зная почему, насторожился. Наконец Бонд поймал себя на том, что с напряженной сосредоточенностью наблюдает за происходящим.

— О'кей, — девушка в конце концов уступила и беглым взглядом окинула помещение. — Только прошу… не смотрите.

— Не будем, не будем. Ты не должна смущаться. Наш друг Ломанн доктор, но и он не будет на тебя смотреть.

Ломанн в одиночестве сидел на скамье, кое-как закрыв руками лицо. Перед кем га полу были остатки подчищенной блевотины. Бонд кинул на него короткий взгляд, потом на двух других. Он видел, как девушка, чью стройную фигуру обтягивала бирюзовая блузка с длинными рукавами и зеленые брюки, подошла к столу и остановилась возле него. Видел, как к нему повернулся Сун и стал изучать его лицо. Видел сквозь полуприкрытые веки, как девушка, торопливо оглянувшись через плечо, взяла что-то со стола. Видел, как она обернулась и заговорила.

— У меня есть хорошая идея. Сперва я его поцелую. Потом разденусь.

— Отлично. Ты в этих делах знаешь толк. Что

ты будешь делать, меня не касается. Для меня важен только результат.

Бонд видел, как девушка приближалась к нему, ее правая рука двигалась как-то не естественно. Видел, как наклонялось к нему ее лицо. Видел, как в какой-то миг дрожавшие губы полковника Су на исказились от отвращения; видел, как он отвернулся. Видел, как девушка еще раз оглянулась через плечо. Ощутил у своего правого запястья какое-то движение.

Спустя несколько мгновений, он понял значение этого движения полотенце, прикрутившее к подлокотнику кресла его запястье, было рассечено острым ножом.

XX. «Прощай, Джеймс»

— Неприятности, сэр. По-моему, этот человек мертв. Девушка проявила сообразительность. Она быстро перевязала перерезанное полотенце вокруг запястья Бонда так, чтобы беглый взгляд не заметил подвоха. Рука его сжимала нож, прикрывая его сверху. Мгновенно сориентировавшись. Бонд уронил голову на грудь, но глаза оставил открытыми, уставившись в одну точку.

— Это невозможно! Он не мог умереть! — в поведении Суна теперь ничего не оставалось от сомнамбулы. Он кинулся к креслу. Девушка отошла в сторону. Тело Суна склонилось над Бондом. Он начал было что-то говорить, и в этот момент, собрав остаток сил. Бонд вынес руку с ножом вперед и вонзил его в левую часть поясницы Суна. Сун зарычал и вскинул руку, словно пытаясь восстановить равновесие, но ноги его заскользили по неровному полу, и он рухнул на одно колено, вцепившись в левое предплечье Бонда. Теперь нож, уже с большей силой, вонзился рядом с лопаткой, войдя в тело почти по рукоятку. Сун издал изумленный стон и мгнове-

ние, не отрываясь, смотрел Бонду прямо в лицо. Оловянного цвета глаза, казалось, были полны упрека. Мгновение пролетело, глаза закатились, Сун, как был с ножом в спине, повалился на бок и больше не двигался.

Девушка рыдала, ее руки были плотно прижаты ко рту, она словно сложилась в талии пополам. Ломанн, дрожа всем телом, встал. Бонд переводил взгляд с одного на другого.

— Подайте мне нож, — сказал он. Голос его был хриплый и придушенный, но все же его собственный голос.

Отчаянно мотая головой, девушка отвернулась, ощупью отыскала табуретку возле стола и, обессиленная, опустилась на нее, не отнимая рук от лица. Ломанн колебался, затем, бросившись к трупу, он выдернул нож из середины расползавшегося по рубашке Суна кровавого пятна. Вытерев лезвие, он неуклюже принялся перерезать державшее левое запястье Бонда полотенце. Перерезая, он судорожно сыпал словами.

— Я еще раньше хотел помочь вам, но не знал, как. Он ведь дьявол! Он заставлял меня наблюдать за тем, что делал с вами. Когда он не мог заставить меня смотреть, то запугивал. Такое говорил! Я и не предполагал, что все зайдет так

далеко. Мне сказали, что от меня потребуется только медицинское обслуживание. Давать людям успокоительное. Пустяки. И эта девушка. Я так и знал, что что-то должно произойти. Он дал ей понять, для чего она здесь.

Наконец, освободившись, Бонд нетвердо встал, его качнуло, и он ухватился за спинку кресла. В голове шумело и плыло. Ему приходилось заставлять себя говорить.

— Который час?

— В вашем распоряжении около получаса, прежде чем они начнут стрелять из этой штуки. — Доктор перестал трястись. В его манере появилась деловитость и даже оживленность. — Вилли уже отправился к вершине холма. Фон Рихтер на огневой позиции готовит орудие.

— А остальные?

Ломанн не торопился с ответом. Он щупал пульс Бонда и осматривал его.

— В таком состоянии вы не сможете предпринимать усилия, — заключил он. — Я дам вам средство, которое быстро поднимет вас на ноги. — Он открыл свой чемоданчик.

— Почему я должен вам доверять?

— Если бы я не решил перейти на вашу сторону, то, пока вы еще на три четверти были привязаны

к креслу, успел бы позвать на помощь. Однако не думайте, что я делаю это из любви к вам. Сын собирался уничтожить меня сразу после окончания операции. Я в этом уверен. Вот. — В руке его оказался шприц. — Это взбодрит вас примерно на час. Потом начнется абстиненция. К тому времени вы уже либо победите, либо погибнете. Вы спрашиваете об остальных. Ваш друг, человек, которого принесли, находится под воздействием успокоительного укола в комнате, соседней с комнатой вашего шефа: она предназначалась для вас. Ему не причинили серьезных повреждений. Ключ не понадобится. Нужно просто отвернуть болты.

— Что за успокоительное?

— Легкое. Такой же укол быстро поставит его на ноги. Вам придется сделать его самому. Я не покину подвал, пока вы не вернетесь и не скажете, что все в порядке. Я драться не умею. Держите. — Ломанн протянул картонную коробочку со шприцем. — Неважно, куда делать укол. Главное, чтобы игла поглубже вошла под кожу. Понятно?

— Да, — ответил Бонд. Возможно, это была лишь иллюзия, или радость от того, что он вновь был свободен, но энергия снова вливалась в него, голова прояснилась. — Где моя девушка?

— Она в комнате в другом конце коридора на верхнем этаже, первая дверь налево.

— Де-Грааф?

— Когда я заходил за Луизой, он тоже был там, — сказал доктор деревянным голосом. — Там же была и вторая албанка. Где Евгений, мне не известно. Но вам лучше поскорее уйти отсюда. Он и де-Грааф должны прийти сюда через десять минут, чтобы перенести ваше тело на огневую позицию.

— Хорошо. Еще один человек — грек с забинтованной рукой — где он?

— В комнате напротив комнаты вашего шефа. Он накачан — дай Бог. Он не в счет.

— У кого из них есть оружие?

— Де-Грааф всегда носит в правом заднем кармане пистолет. У Евгения вряд ли что-нибудь есть. О фон Рихтере я ничего не знаю.

— Вилли?

Ломанн странно помолчал.

— Тоже не знаю, — ответил он наконец. — Но он вам не опасен. Он далеко.

— Возможно. Осмотрите Суна.

— Ваш второй удар должен был прикончить его. Однако, согласен, осторожность не помещает. — Ломанн опустился на колени рядом с

неподвижно лежащим китайцем. Через мгновение он сказал: — Теоретически он еще жив. Но двигаться больше не будет. Что вы предполагаете сделать? Добить его? Могу показать вам одну точку.

Бонд держал нож в руке. Взглянув на него, он вздрогнул.

— Нет. Оставим его. Умрет и так. Присматривайте за девушкой. Я вернусь.

— Хорошо. Мы запремся изнутри. Удачи. Ничего доброго сказать этому человеку, который еще пять минут назад играл незаменимую роль в чудовищном заговоре Суна, Бонд не мог, а потому и не сказал. Но как бы ограничен он ни был временем, он не мог пройти мимо девушки, которая, рискуя всем, спасла ему жизнь. Он положил руку на ее покатое плечо; она подняла глаза, ее лицо было по-прежнему тупо от шока, но она больше не плакала.

— Спасибо, Луиза, — нежно проговорил Бонд. — Что заставило тебя сделать это?

— Он… — она указала, не глядя, — хотел убить меня. Ты… поможешь. Трогательным жестом она как бы извинилась за свой плохой английский.

Бонд поцеловал ее холодную щеку и пошел к лестнице. Когда он толкнул люк, и тот не поддал-

ся. Бонду стало не по себе. Если сверху крышка прижата чем-то тяжелым, то он проиграл, не успев сделать даже первого хода. Затем он вспомнил слова Суна о том, что люк завален коврами и тому подобными вещами. Напряжение вызвало прилив боли, но это была уже иная боль. Не уменьшаясь, она все же не мешала работать.

Кухня была пуста. Из окна виднелся склон холма, только начинавшийся окрашиваться в цвет слоновой кожи. Если Ломанн не ошибся, то до начала бомбардировки оставалось около двадцати минут. Хватит. Если все пойдет гладко. И если он успеет убраться отсюда, прежде чем де-Графф и Евгений соединятся для того, чтобы забрать его.

Коридор за кухней был также пуст и темен, хотя в дальнем конце холла горел свет. С ножом в руке Бонд осторожно подкрался к углу и выглянул.

Уперев руки в бедра, в дверном проеме стоял Евгений. Он стоял к Бонду спиной и, видимо, наблюдал за фон Рихтером, готовый в любую минуту помочь ему на огневой позиции. Наверное, его можно было захватить врасплох, но шансы разделаться с ним в такой ситуации бесшумно были слишком малы, чтобы думать о них всерьез. Бонд смерил расстояние от угла до подножья лестницы. Восемнадцать шагов. Максимум двадцать.

Бонд успел сделать в ярко освещенном холле всего три шага, когда заметил, что Евгений смотрит на часы. Но прежде чем русский смог разглядеть положение стрелок. Бонд снова был в коридоре. Рука русского вернулась в прежнее положение на бедре. Бонд быстро пересек холл и оказался у лестницы.

Пустую площадку вверху лестницы освещала единственная маленькая лампочка. Не медля ни секунды, Бонд повернул направо и остановился перед предпоследней дверью. Отвернуть болты было несложно. Дверь открылась без скрипа. Местонахождение спящего легко было определить по громкому дыханию. Левая рука Бонда накрыла рот спящего, правая с ножом была наготове — нельзя исключать возможность, что… Он настойчиво зашептал на ухо.

— Нико, Нико, это я — Джеймс, Джеймс Бонд. Рывок, стон, короткая борьба, затем затишье. Бонд осторожно сдвинул ладонь на дюйм.

— Джеймс, — шепотом отозвался знакомый голос. — Боюсь, уделали они меня. Сам понимаешь.

— Как ты себя чувствуешь?

— Страшно болит голова, и очень хочется спать.

— Я кое-что принес, по крайней мере, снимет сонливость. Укол. Давай руку. — Доставая шприц. Бонд скороговоркой продолжал. — С китайским принцем покончено. В доме еще двое, с ними будем разбираться по отдельности. Один из них — в спальне в другом конце коридора.

Когда игла вошла под кожу, Лицас поморщился.

— Неважный из тебя доктор, Джеймс. Ладно, продолжай.

— Он ждет, его скоро должны позвать. Я постучу. Когда он выйдет, а я надеюсь, он выйдет, ты должен будешь позаботиться, чтобы он не подал голос, в противном случае, мы пропали. Затем я его прикончу.

— Что у тебя?

— Нож. Для тебя пока ничего нет. Дальше, кроме него в комнате должны быть Ариадна и одна албанка. Похоже, там намечалась небольшая оргия с изнасилованием. Но сейчас это не важно. Мы должны сделать так, чтобы албанка не закричала. Это может оказаться не так легко. Посмотрим, как все пойдет.

— Хорошо, — коротко сказал Лицас.

— Ну что, помогло лекарство?

— Немного. Разминка поможет больше. Я готов.

Они осторожно двинулись по коридору, достигли лестницы. Бонд заглянул вниз, но никого там не увидел, прислушался — тихо. Они приближались к стене с обеих сторон двери, указанной Ломанном, и Бонд осторожно постучал.

— Эй, кто там? — отозвался сиплый от сна мужской голос.

— Ломанн, — буркнул в ответ Бонд. Последовавшая пауза заставила Бонда в волнении кусать губы. Наконец послышалось:

— Момент. Иду.

Изнутри донесся скрип диванных пружин. По полу заскребли каблуки ботинок. Женский голос пробормотал что-то неразборчивое. Мужчина громко зевнул. Затем с полминуты ничего не было слышно. Наконец послышались приближающиеся к двери шаги, в коридор пролился свет, и де-Грааф, застегивая рубашку, уверенно вышел из комнаты.

Прежде чем Лицас схватил его и своей огромной пятерней зажал ему рот. Бонд успел заметить глубокие параллельные царапины на левой щеке террориста. Бонд сделал шаг вперед и заглянул в широко раскрытые глаза.

— Это тебе за Хаммондов, — прошипел он и воткнул нож.

Тело де-Граафа дернулось в муках агонии, словно он прикоснулся к оголенному электрическому проводу, и сникло. Бонд тут же отступил в сторону и шагнул в комнату.

Ариадна, лежавшая на полу под тонким покрывалом, рывком села и уставилась на него, но все внимание Бонда было приковано к смуглой блондинке на кровати. Она тоже села, по крайней мере, выше талии она была обнажена. Однако Бонд едва ли заметил это. Он пристально посмотрел в ее исполненные страха темные глаза и, поднеся к лицу перепечканный кровью нож, прохрипел:

— Пикнешь — убью.

— Нет… нет, я буду молчать. — Рука, которую она выставила ладонью вверх, дрожала. Другой рукой она натягивала простыню на грудь.

Бонд стоял возле нее в головах кровати. Ариадна в бюстгальтере и трусиках встала и подошла к нему. Их руки сперва соприкоснулись, потом сплелись.

— С тобой все в порядке? — спросила она. — Какой странный у тебя голос!

— Все нормально. — Ему хотелось рассказать ей сразу обо всем, но он не знал, с чего начать. — Как у тебя?

— Когда ты рядом, я ничего не боюсь. Наверное, этой шлюхе нужно всунуть кляп. Если бы это зависело от меня, я бы заткнула ее навсегда. Как дела, Нико? Я думала, тебя убили.

— Ну, до этого не дошло. — Лицас втащил труп де-Граафа и бросил его в углу комнаты. Теперь у него был револьвер — короткоствольный «смит-энд-вессон». — Нужно достать… — Вдруг он умолк.

Послышались отдаленные шаги — сперва в мощеном камнем холле, потом на лестнице.

— Наш второй, — сказал Бонд.

Бонд мгновение стоял в нерешительности, и Ариадна бросилась действовать самостоятельно. Она размахнулась и кулаком снизу припечатала Дони Мадан в челюсть. Голова Дони дернулась назад и ударилась о спинку кровати. Пять секунд спустя, Ариадна снова оказалась на прежнем месте — на полу под покрывалом, Лицас спрятался за облупленный шкаф. Бонд встал за дверью. Ни единого шанса на спасение у Евгения не было. Он пересек порог, увидел труп де-Граафа, вскрикнул, сделал шаг и получил под пятое ребро нож. Левой рукой Бонд зажал ему рот.

— Здорово, только слишком быстро и чисто, — сказала Ариадна, глядя на тела. — Надеюсь, что

этим ублюдкам было хотя бы больно!

Бонд снова поймал ее.

— Забудь о них, — сказал он. — Теперь слушай. Сейчас дом очищен. Я приведу сюда шефа. Где ключ от этой комнаты?

— Должен быть в кармане у длинного.

— Ты и мой шеф запретесь и будете оставаться здесь, пока я не вернусь за вами. Не спорь, — предупредил он протесты Ариадны, — у нас только один пистолет и один нож, да к тому же нас теперь двое на одного. Нико все объяснит. Заткни рот этой девице кляпом и свяжи ее.

— С превеликим удовольствием.

Когда Бонд вместе с М. вернулся, Ариадна еще связывала Дони Мадан, но на трупы была уже накинута простыня. М. был утомлен недавними переживаниями и бессонной ночью. Он безропотно послушался советов Бонда и в полном молчании проследовал за ним по коридору. Сгорбившись, он присел на край постели, на шее у него пульсировала жилка. Бонд взволнованно смотрел на шефа.

Ариадна перехватила этот взгляд.

— Обещаю, что с ним все будет в порядке. — Она обняла Бонда и поцеловала. — А теперь ступай и покончи с ними.

— Что теперь? — спросил Лицас, когда они вышли.

— Миномет, которым управляет фон Рихтер. Его друг сигнализирует ему с вершины холма.

— Умно, а? Но легко промазать.

— Они много тренировались. Вон, смотри. Из окна лестницы открывался вид на огневую позицию. Было уже достаточно светло, чтобы различить угловатые формы миномета, два с половиной фута его наклонного ствола, прикрепленного к треугольной плите основания. Промелькнула какая-то тень, принадлежащая, очевидно, фон Рихтеру.

Реальных планов действия было немного. Бонд выбрал самый быстрый.

— Возьми пистолет, Нико, выйди из дома через заднюю террасу и обойди вокруг. Оттуда ты сможешь достать его выстрелом. Я подойду со стороны моря. Если я и не смогу подобраться достаточно близко для броска, то всегда смогу отвлечь его внимание от тебя.

— Будь осторожен. С этим короткоствольным револьвером мне придется подобраться очень близко, иначе могу попасть в тебя. У него есть оружие?

— Не знаю.

— Мне нужно пять минут.

— Но не больше — времени в обрез.

В холле они пожали друг другу руки и расстались. Бонд быстрой походкой пересек гостиную, где впервые пришел в себя, оттуда вышел на террасу, а затем подошел к западному углу дома и оглядел местность.

В это время на огневой позиции фон Рихтер открывал ящик с боеприпасами. Огневая позиция находилась приблизительно в двадцати ярдах на ровной естественной возвышенности, однако, несмотря на то, что местность была пересеченной, она не давала достаточного прикрытия для подхода. Подобраться можно было, только двигаясь параллельно берегу моря и укрываясь за краем скалы, но для Этого необходимо было пересечь открытый участок на виду у всякого, кому вздумается бросить взгляд в этом направлении. В данный момент позиция фон Рихтера была такова, что углом глаза он мог заметить маневр Бонда. Однако вскоре ему придется повернуться спиной, чтобы отыскать глазами на вершине холма Вилли. Казалось, он не торопился. Прошла минута, в течение которой он выложил на земле ряд мин, снял холщовый чехол со ствола миномета, выпрямился к закурил сигарету. Наконец

он огляделся и стал всматриваться в линию горизонта. Бонд двинулся.

Бонд успел преодолеть лишь треть пути в направлении угла скалы, когда его нога задела валявшийся камень, и немец, немедленно обернувшись, увидел его. Бонд изменил направление и зашагал прямо к огневой позиции. Ноги заплетались и скользили по гладкой выпуклости скалы, он в любой момент ожидал пулю. Однако, чего он никак не ожидал, так это серии громких, сотрясавших все вокруг хлопков, отдававшихся в ушах — раз, два, три… Затем фон Рихтер обернулся и, раскинув руки, приготовился встретить Бонда, прекрасно сознавая выгоду более высокого и более надежного плацдарма. Однако Бонд заставил его сменить позицию — он направился не к человеку, а к миномету. Наклонившись, он опрокинул орудие на бок и свел, таким образом, на нет всякую возможность открыть прицельную стрельбу немедленно. Вдруг его снова захлестнула боль. Он уже почти поднялся, когда его голова словно раскололась и все остановилось.

Лицас был где-то рядом. Сквозь невидимую стену доносился его голос.

— Джеймс. Вставай. У нас еще много дел.

— Как долго…?

— Минуту. Он сшиб тебя с ног и уже подыскивал подходящий камень, чтобы уронить его тебе на голову, поэтому я выстрелил. Расстояние было слишком большим, я должен был быть ближе. Он сразу же позабыл о тебе и побежал в дом. Ну что, управишься?

Снова встав на ноги, Бонд выпрямился.

— Да. Пойдем, надо с ним разобраться. На сей раз вместе.

— Но вначале разберись со мной. Не забудь: он мой Джеймс.

Они вошли в дом через боковую дверь. Комнаты, выходящие в коридор, были пусты. Они уже подходили к лестнице, как вдруг остановились как вкопанные — на якорной стоянке взревел двигатель.

Они бросились на террасу, Лицас вызвался вперед и первым оказался на краю крошечного причала. Лодка с навесным мотором, раскачиваясь, отходила, однако неумелая рука у штурвала прибила корму лодки вместе со сгорбившимся капитаном почти к их ногам; Лицас без труда прыгнул в лодку. Он говорил, даже не глядя. Его «смит-энд-вессон» уперся в грудь фон Рихтера.

— Мы с майором совершим небольшую морскую прогулку, Джеймс. Теперь мы уже не торо-

пимся. Нужно еще разобраться с юным другом майора, однако ему ведь пока нужно спуститься. Я вернусь и помогу тебе.

Фон Рихтер заглушил двигатель и повернул голову. При сером свете кусок поврежденной кожи выглядел ужасно, напоминая результат какой-то отвратительной болезни.

— Кажется, этот человек намеревается убить меня, — проговорил он с певучим акцентом. — Я, как видите, беззащитен. Вы англичанин, мистер Бонд, и одобряете это?

— Ты поставил себя вне закона, фон Рихтер, — медленно ответил Бонд. После того, что ты устроил в Капудзоне.

— Ясно, доводы бесполезны. Превалируют эмоции. — Человек слегка пожал плечами. — Очень хорошо. Я готов к морской прогулке.

Лодка начала отчаливать. Задумавшись, Бонд следил пару минут за тем, как она удаляется, потом побрел в дом. Лишь в холле заметил он пятна крови.

Целое скопление их было у угла коридора, как будто здесь кто-то недолго отдыхал, и еще одно возле боковой двери. Бонд повернулся и кинулся на кухню.

Люк подвала был поднят. Внизу на спине с

открытыми глазами лежала Луиза, из ее сердца торчал металлический шампур. Доктор Ломанн сидел, облокотясь о стену и поджав к груди колени. Рядом находился черный чемоданчик и разбитый шприц. В его лице не было ни кровинки. Он открыл глаза и, глотая слова, заговорил.

— Он забыл, — выговорил он, — забыл, что морфий может сделать много для человека с продырявленными кишками. Ему так и не пришло это в голову.

Ужас и изумление лишили Бонда дара речи.

— Но каким образом он… сделал все это? Вы двадцать минут назад сказали, что он мертв.

— Ни один обычный человек с такими ранами никогда бы не смог подняться, не говоря уж о том, чтобы прыгнуть на меня… — Ломанн вздрогнул и глотнул воздуха. — Сверхживучесть. В судебной медицине известны случаи… Даже после такой потери крови… Он не человек.

— Могу я что-нибудь для вас сделать? — спросил Бонд с неожиданным для себя участием к этому человеку.

— Нет. Он пронзил мой кишечник десять или двенадцать раз одним из шампуров. Мне осталось всего несколько минут жизни. Благодаря морфию, боль терпима. Он был бы не рад, узнав

об этом, правда?. Скажите… Вы убили всех?

— Всех, кроме Вилли.

— Вилли тоже мертв. По приказу Суна и с согласия фон Рихтера. Они вычислили, что на спуск с вершины холма Вилли понадобится более двадцати минут. Слишком долго, по их мнению. Поэтому они заставили меня дать ему, прежде чем он отправился на вершину, стимулирующую пилюлю. Капсула с органо-фосфорным составом. Сейчас должны появиться первые симптомы. Я говорил вам: не стоит беспокоиться. Не жалейте обо мне.

Бонд промолчал. Он неловко положил на мгновение руку на плечо Ломанна и поспешил к лестнице.

От боковой двери кровавый след проследить было легко. Он вел за огневую позицию в извилистую расселину, по которой путешествовал Бонд двадцать четыре часа тому назад. Он старался двигаться как можно беззвучнее, обшаривая глазами все кругом, напрягая слух в попытке преодолеть ватный шум в ушах, то усиливавшийся, то спадавший, держа наготове нож на уровне пояса. С каждым мгновением воздух становился все прозрачнее, и продвигаться было не слишком тяжело. Он подошел к тому месту, где стены

расселины близко сходились друг с другом — та, что была обращена в глубину острова, вздымалась вверх, та, что тянулась вдоль моря, уходила вниз — повернул за угол и в десяти футах от себя увидел Суна.

Китаец сидел, облокотившись спиной о гранитную стену, с правой стороны от Бонда. Казалось, он сморщился, усох и, судя по луже крови на пыльной скале у его ног и по полузапекшемуся ручейку, который тянулся изо рта к поясу, в ином состоянии не мог находиться. Его правая рука была спрятана за спину, он, конечно, зажимал рану на пояснице. На окровавленных губах змеилась улыбка.

— Итак, мой расчет оказался верен. — К удивлению Бонда, голос звучал твердо и полно. — Я действительно знал, что вы придете, Джеймс. Вы, видимо, довольны собой. Как я понимаю, вы уничтожили всех? — Он задал вопрос, прозвучавший гротескной копией вопроса Ломанна.

— Почти.

— Превосходно. Выходит, мы снова вместе. В условиях для вас гораздо более выгодных, чем в подвале. Но вы просчитались.

В этот момент Сун вытащил из-за спины правую руку. В ней был минометный снаряд.

— Видите? Я по-прежнему контролирую ситуацию. Вряд ли стоит вам говорить, Джеймс, что, если вы сделаете резкое движение, или если я даже уроню эту вещь случайно, то я убью нас обоих. Я умру в любом случае. Так же, как и вы, в каком-то смысле. Поэтому очень скоро я ударю взрывателем этого предмета о скалу рядом с собой. Наши судьбы действительно связаны, не так ли? Теперь вы понимаете это?

— Что вам надо, Сун? — Бонд прикидывал расстояние и те мгновения, которые могли оказаться в его распоряжении, пытаясь вызвать у себя в памяти форму угла за своей спиной и оценивая, сможет ли он запрыгнуть на расположенную слева низкую стену.

— Признайте, что нашли в моем лице великого мастера, который в честном поединке, не прибегая к хитрости, сломал бы ваш дух столь же окончательно и неотвратимо, как сломал бы кости ваших конечностей. Признайте!

— Никогда! Это неправда! С самого начала у вас было преимущество в численности, в инициативе, в планировании. И чего же вы добились? Только собственной смерти!

Обнажились запачканные кровью зубы Суна.

— Я настаиваю! Я приказываю вам…

Затем глаза его заморгали, и кровь, пульсируя, хлынула изо рта. Бонд, опершись рукой о край расселины, перемахнул через него, сполз на четвереньках в заросшую чахлой травой яму глубиной в пять футов, вскарабкался на плиту, похожую на истершийся могильный камень, и перебрался на дальний ее конец. Голос Суна, теперь едва слышный, доносился откуда-то сверху справа.

— Где вы, Джеймс? Но на этот вопрос стал бы отвечать лишь умалишенный. Нужно было бросить эту штуку раньше, верно? Но желание услышать от вас признание поражения, по-видимому, сковало мои пальцы. Что мне теперь с ней делать? Ответ ясен. Взорву ее рядом с собой. Уйду с грохотом. Так мир кончится для меня… Я хочу теперь признаться вам: то, что я говорил раньше, было ошибочно. Де Сад ввел меня в заблуждение. Или я не понял его как следует. Я не ощущал себя богом, когда пытал вас. Меня тошнило, я чувствовал вину, меня жег стыд. Я вел себя, как злой ребенок. Это, наверное, смешно и бессмысленно, но я хочу извиниться. Вы можете меня простить?

Позже Бонд тек и не мог вспомнить, что он хотел ответить, вспомнил лишь, что в последний момент заставил себя промолчать. Бушующая

тишина не прекращалась.

— Будьте прокляты. Бонд! — мелькнула брошенная наугад мина, в расселине раздался глухой, почти потусторонний взрыв, а за ним наступила еще более оглушительная тишина.

Держась за стену, Сун встал на колени. Необыкновенные глаза еще были открыты. Они неподвижно смотрели на нож, который Бонд по-прежнему сжимал в руке, в них стояла мольба.

Бонд опустился на колени, приставил острие ножа к груди Суна напротив сердца и надавил. Но даже тогда, в этот последний миг своей сверхживучести, окровавленные губы шевельнулись и прошептали едва слышно:

— Прощай, Джеймс.

Все было кончено. Сун превратился в огромного размера мертвую куклу.

Бонд вспомнил свой недавний сон. Однако на сей раз он сам был тем бесформенным существом, от которого убегал прежде, и при этом не знал, кого он преследует, превращая все по пути в облачки пламени. Где-то рядом был Лицас, и по его лицу текли слезы. Рядом была и Ариадна. Потом не было ничего.

XXI. Человек из Москвы

— С утра мне пришлось изрядно потрудиться, улаживая конфликты с местными властями, — капризно сказал сэр Рэналд Райдаут. — Как всегда апологеты протокола и собственного достоинства. Масса разговоров о чести Греции и афинского полицейского управления. Мне, кстати, отчасти понятна их озабоченность. Перестрелка на улице. Четыре покойника, два из них иностранцы, один из которых имеет дипломатический статус. Никаких улик, однако комиссар полиции, с которым я разговаривал, имеет свой взгляд на вещи. О, благодарю.

Сэр Рэналд принял бокал томатного сока от облаченного в белоснежный смокинг официанта, не пробуя, поставил его на столик с мраморной крышкой и, как ни в чем не бывало, продолжал.

— Затем, эти субботние ужасы. Полдюжины трупов, двое пропавших немецких туристов, какие-то загадочные взрывы, еще Бог знает что, и кого же они берут в качестве свидетелей и — или — подозреваемых? Полоумную албанку, которая вряд ли может или будет говорить, и какого-то

обожженного грека-головореза, который твердит, что ничего не знает, кроме одного какой-то Джеймс Бонд убил его друга, хотел убить его и взорвал его лодку. Должен заметить. Бонд, — это, разумеется, между нами — я никак не могу понять, почему вы сами не уладили все, избавившись и от этого типа за компанию — в тот момент это было бы просто, не так ли? В конце концов, судя по вашему рапорту, вы уничтожили в то утро трех агентов противника. Уверен, одним больше…

Система кондиционирования в банкетном зале верхнего этажа отеля «Гранд Бретань» работала довольно шумно, да и за столиками изрядно галдели, особенно группа русских, угощавшихся напитками. Но получив одобрительный кивок М., сидевшего рядом. Бонд, с трудом подбирая слова, ответил:

— Это было бы хладнокровным убийством, сэр. К тому времени я был уже сыт этим, вдобавок рядом не было никого, кого бы я мог или стал бы просить сделать это за меня. Прошу прощения, если это причинило вам неудобства, но ведь обвинение, не подкрепленное уликами, мало что стоит, не так ли?

— Понимаю, понимаю, — забормотал сэр

Рэналд, прежде чем Бонд успел договорить. — Да, наверное, пыряя людей одного за другим, кто угодно может утомиться, даже вы. То есть, я хотел сказать, человек вашего опыта на этом поприще. — Мнение министра об умерщвлении людей, казалось, вдруг переменилось на противоположное. Теперь он смотрел на Бонда с легким раздражением.

— И чем же все завершилось, сэр? — пришел па выручку М.

— Ах, да. Мне удалось убедить власти, что было бы мудрее не предпринимать никаких шагов. Представитель греческого министерства внутренних дел согласился со мной. Он принял мою сторону сразу, как только я упомянул имя этого нациста — фон Рихтера. Похоже, здесь о нем ходят легенды. А этот обожженный — Арис, что ли — его давно разыскивали за воровство и грабеж. Нас он смутить не может. Они были немного недовольны тем, что мы разрешали наши разногласия на греческой территории, но я указал, что это был не наш выбор. В конце концов удалось их успокоить. Думаю, премьер-министр будет удовлетворен.

— Это, в самом деле, огромная радость, — взгляд М., суровый как всегда, был устремлен на Бонда.

— Да, да. Огромная радость, что оба вы снова с нами. Теперь о вашем греческом друге, Бонд, — Лицасе, правильно? Как по-вашему, должен я с ним побеседовать, прежде чем отправлюсь на аэродром?

— Он был бы очень вам благодарен, сэр, — сказал Бонд. — К тому же, помоему, он действительно заслужил благодарность, добровольно рискуя жизнью за интересы Англии.

— Конечно. Я, с вашего позволения, отлучусь на минуту.

Бонд с сардонической улыбкой смотрел в удаляющуюся спину министра. М. слабо хмыкнул.

— Трудно думать с уважением о таких людях, Джеймс. Но, наверное, политики — это полезные животные. Во всяком случае, мы можем позволить себе быть снисходительными к ним в этот вечер. Должен сказать, администрация отеля постаралась. Специальный представитель Москвы и тому подобное. Наши, похоже, довольны. Правда, не так, как им хотелось бы. Но все же есть повод повеселиться. Если бы не одно — нашего друга, начальника Отдела Джи Стюарта Томаса, мы больше никогда не увидим.

— Вы уверены, сэр?

— Теперь боюсь, что да. Лично я убежден,

что китайцы убили его, а не захватили в целях дальнейшего использования. Забудем об этом. Позволь, Джеймс, задать тебе один вопрос. Мне любопытно знать, почему ты не сел спокойно и не подождал, пока пруссак разнесет к черту тот островок. Ведь те люди не были твоими друзьями.

Бонд кивнул.

— Я сам себя спрашивал об этом. Просто, видимо, по инерции, думать было некогда. Мы втроем соединили силы, чтобы победить всех, поэтому работу нужно было доделать до конца. Но надеюсь, вы согласитесь, что я поступил правильно.

— Согласен. Целиком и полностью. Неожиданно для себя мы предприняли акцию, которая возымеет благоприятное влияние на мировой баланс сил. Или, точнее, ты предпринял. Русские отдают себе в этом отчет. Обрати внимание на этого члена делегации: он, несомненно, хочет тебе что-то сказать.

Подошел стройный молодой русский с высокими татарскими скулами.

— Извините, сэр адмирал. Наш мистер Ермолов из Москвы хотел бы побеседовать с вами, мистер Бонд. Прошу вас, пройдемте.

Посланец Москвы был высок, дороден, с красным лицом и маленькими властными глазками.

Бонд решил, что перед ним старый большевик, в молодости, вероятно, воевавший с интервентами, при Сталине выдвинувшийся, а с падением Хрущева вошедший в силу. Он производил впечатление человека неглупого и решительного — без этих двух качеств он едва ли дожил бы до этих дней. Не теряя времени на формальности, Ермолов подвел Бонда к двум роскошным псевдоампирным креслам, поставленным у камина специально для этого случая.

— У вас налито, мистер Бонд? Хорошо. Я не задержу вас надолго. Прежде всего, я хочу сказать, что вы оказали моей стране серьезную услугу, за что мы вам очень благодарны. Разумеется, сам товарищ Косыгин был подробно информирован о вашей роли в этом деле и просил меня передать вам его личную благодарность и поздравления. Но об этом позже… Помимо благодарности, мы считаем необходимым принести вам и наши извинения. За известную ошибочную оценку с нашей стороны. Признаюсь, наш аппарат безопасности в этом регионе пришел по недосмотру в ветхость. Тут нет вины покойного майора Гордиенко, очень способного офицера, который…

— Извините, мистер Ермолов, я перебью вас, — Бонд начал уставать от официального тона,

на котором вынужден был говорить, писать и который вынужден был выслушивать — сначала официальная беседа с сэром Рэналдом, шестичасовая конференция вместе с Ариадной в советском посольстве, плюс к этому его собственный рапорт. — Давайте разговаривать на человеческом языке. Меня, к примеру, интересует, что стало с предателем в вашей здешней группе, о котором Гордиенко говорил мне и мисс Александру?

Ермолов сделал глубокий носовой вдох. Его маленькие глазки лукаво глядели на Бонда. Не меняя взгляда, он достал из кармана сигарету, которая, видимо, лежала там просто так, вставил ее в прокуренный янтарный мундштук и щелкнул дешевой металлической зажигалкой. Вдруг он сказал:

— Хорошо. Почему бы и нет? Извините, за последнее время мне пришлось открывать слишком много электростанций. А это вряд ли способствует раскованности. Давайте говорить, как нормальные люди. Но, видите ли, для русского человека это не так легко. Нужно сперва как следует выпить, и я настаиваю, чтобы вы ко мне присоединились. Водка. Мы можем предложить вам «Столичную», сорт не самый лучший, но

абсолютно безвредный.

Он щелкнул пальцами скуластому молодому человеку и продолжал говорить.

— Честно говоря, узнав о провале плана своих хозяев, предатель, или, точнее, двойной агент, попытался скрыться. Сейчас его проблема решена.

— Перерезали горло и бросили в море?

— Если вы и дальше станете задавать такие откровенные вопросы, мистер Бонд, мне будет нелегко поспевать за вами, но я все же попробую. Нет. Теперь мы стараемся не прибегать к крайним мерам. Его посадят в тюрьму по ряду уголовных обвинений. Настоящих обвинений. Мы любим подстраховывать некоторых из наших людей за границей. Что делать с ним по выходе из тюрьмы, еще предстоит решить. О, хорошо. — Подали напитки. — Мои наилучшие пожелания. Да здравствует Англия!

— Благодарю вас.

— Гм. Что касается генерала Аренского и его злополучного неверия в ту историю, которую поведала ему мисс Александру, Аренский свое… получил. Я правильно сказал, не так ли? Он оказался счастливее, чем заслуживал, когда снаряды, которыми стрелял этот нацист, стали рваться в море, и вместе с остальными отделался лишь

испугом. Нам тоже повезло. Я изрядно намучился, улаживая дела по конференции с местными властями. Едва ли мне удалось бы чего-нибудь достичь, узнай они, кто был вовлечен в это дело, которое, без сомнения, провалилось бы при самой широкой огласке, если погиб бы хоть один из участников конференции.

— Но ведь никакие улаживания не скроют того факта, что ваши люди доставляли морем «нелегальных иммигрантов».

— Хороший вопрос. — Ермолов еще раз глубоко вдохнул. — Отвечая на него, боюсь снова скатиться на официальный тон. Однако попробую этого не делать. Видите ли, богатая держава всегда может найти способ уладить чисто технические проблемы с более бедной. Но как бы там ни было, конференция завершена. Такой ответ вас устроит?

Бонд усмехнулся.

— Если другого нет, то устроит. А что же Аренский?

— Он, конечно, пытался свалить ответственность за обстрел на вас. Но это ему не удалось. Правительства всех заинтересованных государств уже получили полный отчет о предпринятом китайцами покушении. Вам и вашему начальству

не нужно об этом беспокоиться. С вашего позволения скажу, что для нас куда важнее, чтобы пострадала репутация Пекина, нежели Лондона. Этим теперь занимаются опытные люди.

Бонд смаковал ласкающую жгучесть водки.

— Какова будет дальнейшая судьба Аренского?

— Думаю, его ждет исправительный труд. Перевоспитание в духе фундаментальных идей социализма в Сибири. В этом смысле мы стараемся придерживаться наших традиций. В более гуманном виде, чем прежде. Гораздо более гуманном. Что же… Кажется, мы обсудили все, кроме…

Ермолов пожевал губами. Шум вечеринки на заднем плане нарастал. Бонд заметил Ариадну; красивая, облаченная в нарядное сиреневое льняное платье, она была в центре восхищенных русских. Первое по-настоящему глубокое чувство облегчения охватило его. Все было позади. Они победили. И не просто победили.

Человек из Москвы снова заговорил:

— Я хочу сказать вам: то, что вы сделали, чрезвычайно важно. Это помогло показать моему начальству не только то, кто наш подлинный враг — об амбициях китайцев мы знаем даже больше, чем ваши наблюдатели — но и то, кто наш будущий друг. Англия. Америка. Запад в

целом. Это дело на острове Враконис может привести к большому сотрудничеству.

А это значит, что на короткое время я снова должен принять официальный тон. Извините. Мое правительство хочет, чтобы за заслуги в деле укрепления мира вы приняли орден Боевого Красного Знамени. И я тоже прошу вас об этом, мистер Бонд.

— Это очень благородно со стороны вашего правительства, — улыбнулся Бонд. — И с вашей тоже. Но в нашем подразделении запрещается принимать награды. Даже от имени собственной нации.

— Понимаю, — Ермолов грустно кивнул. — Я ожидал такой ответ. И говорил об этом товарищу Косыгину. Что ж, это было честное предложение, выражающее искреннее чувство. Может быть, кавалерство в этом ордене кажется вам недостаточно почетным. Или престижным. Конечно, если в будущем вы столкнетесь с нашей контрразведкой, как это уже бывало, вам оно не поможет. Действительно, — тут Ермолов доверительно подался вперед, — даже наших людей, кавалеров этого ордена, он не очень-то защищал… от разного рода неприятностей. Но простите старику его цинизм. Уж больно быстро привыкаешь к

человеческому разговору.

Он встал и протянул руку, Бонд пожал ее.

— Если вам потребуется моя помощь, мистер Бонд, дайте мне знать. Может ведь так случиться, что вы приедете в Россию… как турист, конечно?

— Не сейчас. Но я буду помнить.

— Я тоже. Прощайте.

Ариадна теперь вырвалась из кружка русских и разговаривала с Лицасом. Бонд подошел к ним.

— Благодарю тебя за все, что ты сделал, Нико. Я уже говорил это, но сейчас, кажется, не лишне повторить это.

Лицас хлопнул его по спине.

— Не стоит благодарности. Я был счастлив. Не колеблясь, повторил бы все сначала. Кроме одной вещи.

— Я знаю, — помрачнев, заметила Ариадна.

— Как я отвратительно себя чувствовал, Джеймс, когда вернулся с… прогулки с фон Рихтером. Я был, как ребенок. Я не смог заставить его понять, Джеймс. — Его карие глаза были грустны, как никогда. — Он думал, что действовал в Капудзоне, как надо. Карательная акция против гражданского населения в наказание за действия партизан, как сказано в приказе. Я спросил его про детей, и он сказал, что… сожалеет. Я хотел

заставить его понять, что он сделал. И раскаяться. Он не захотел. Он так и не понял. Пока я не застрелил его, он считал меня чудаком. Я собирался свершить акт возмездия, справедливости. Но я просто убил его, потому что был в гневе.

— Значит, это было не просто убийство ради убийства, — Бонд отчаянно старался успокоить друга.

— Верно. Я должен был подумать об этом, — С нескрываемым трудом Лицас улыбнулся. — Ты, похоже, уже совсем оправился. Снова обаятельный секретный агент. Наверное, твой костюм напичкан минирадиопередатчиками, скрытыми камерами и тому подобными вещами.

— Напичкан до последнего шва, — с легким удивлением, впервые с момента своего возвращения Бонд вспомнил о тех приспособлениях, которые были установлены в секции Кью — отмычки, пилки, миниатюрный передатчик. Он был совершенно прав, считая их бесполезными и бессмысленными, когда дело действительно принимает серьезный оборот.

Лицас проглотил содержимое своего бокала.

— Я должен идти. О Ионидесе дам знать. Всех, кого знаю, попросил быть настороже. Видно, он продал «Альтаир» в Египте или еще где и решил

пока переждать. Но странно. Я готов был поручиться за его честность.

— И я тоже, — сказала Ариадна.

— И я, — присоединился Джеймс, вспоминая невинный взгляд Георгиса, его гордую осанку.

— Ну, ладно… Уезжаешь утром? Приезжай в Грецию еще, Джеймс. Когда за тобой не будут гнаться ни китайцы, ни русские. Есть еще много мест, которые я хотел бы тебе показать.

— Я вернусь. До свидания, Нико. Мужчины пожали друг другу руки. Лицас поцеловал Ариадну и ушел.

Бонд посмотрел на ее сильное, живое лицо.

— Как дела, Ариадна?

— Отлично. Разве по мне не видно?

— Видно. Но я имел в виду… после той ночи? Она улыбнулась.

— Все было не так уж страшно. Как я ненавидела их! Но я позаботилась о том, чтобы лишить их всякого удовольствия. Я так и не уступила им. В конце концов они выкинули меня из постели, один из них заснул, а другой ушел. Все позади, милый. Идем. Бьюсь об заклад, ты голоден.

— Ужасно. Куда пойдем?

— Конечно, не в ресторан Диониса. — Они оба засмеялись. — Найдем, куда. Кстати, ты не по-

благодарил меня за помощь, как поблагодарил Нико.

— Конечно, не поблагодарил. Ты ведь на службе. Агент ГРУ. Или уже нет?

Она спокойно посмотрела на него.

— Да, я осталась. Это моя работа.

— После всего? После Аренского и его тупости?

— Да, и после этого. Я поняла, насколько важна эта работа.

— Если ты действительно так считаешь, то, конечно, не должна менять своего решения.

Ариадна положила руку ему на плечо.

— Не будем сегодня говорить о делах. У нас мало времени. Тебе обязательно нужно завтра ехать?

— Обязательно. Но ты ведь веришь, что я не хочу, правда?

— Да. Да, милый. Идем.

Когда пятью минутами позже они оказались на площади, и вокруг них уже бурлили вечерние Афины, Бонд сказал:

— Поедем в Лондон вместе, Ариадна. Ненадолго. Уверен, тебе дадут отпуск.

— Точно так же, как ты не хочешь уезжать, я хочу поехать с тобой. Но не могу. Я знала, что ты попросишь меня, и уже готовилась сказать «да». Но потом я поняла, что не должна так поступать.

Кажется, Аренский был прав, когда сказал, что я буржуазна. Я по-прежнему связана предрассудками среднего класса. По-твоему, я говорю глупости?

— Нет. Но мне от этого грустно.

— Мне тоже. Такова наша работа. Другие думают, будто нам хорошо, будто мы свободны. Но мы-то не свободны, да?

— Да, — подтвердил Бонд. — Мы заложники. Но будем наслаждаться нашей несвободой, пока это в нашей власти.